

Никита Михалков

Публичное одиночество

Никита Сергеевич Михалков

Публичное одиночество

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8613702

Публичное одиночество / Никита Михалков.: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-70838-3

Аннотация

Что думает о любви и жизни главный режиссер страны? Как относится мэтр кинематографа к власти и демократии? Обижается ли, когда его называют барином? И почему всемирная слава всегда приводит к глобальному одиночеству?..

Все, что делает Никита Михалков, вызывает самый пристальный интерес публики. О его творчестве спорят, им восхищаются, ему подражают... Однако, как почти каждого большого художника, его не всегда понимают и принимают современники.

Не случайно свою книгу Никита Сергеевич назвал «Публичное одиночество» и поделился в ней своими размышлениями о самых разных творческих, культурных и жизненных вопросах: о вере, власти, женщинах, ксенофобии, монархии, великих актерах и многом-многом другом...

«Это не воспоминания, написанные годы спустя, которых так много сегодня и в которых любые прошлые события и лица могут быть освещены и представлены в «нужном свете». Это

документированная хроника того, что было мною сказано ранее, и того, что я говорю сейчас.

Это жестокий эксперимент, но я иду на него сознательно. Что сказано – сказано, что сделано – сделано».

По «гамбургскому счету» подошел к своей книге автор. Ну а что из этого получилось – судить вам, дорогие читатели!

Содержание

А	8
Б	100
В	170
Г	253
Д	295
Е	349
Ё	363
Ж	364
З	387
И	440
Й	478
К	479
Конец ознакомительного фрагмента.	485

Никита Михалков

Публичное одиночество

Редактор-составитель *С.Г. Блинов*

Подбор фотографий *С.Г. Блинов., В. В. Мамонтов*

Авторский рисунок на обложке *Ф. Барбышев*

Разработка оформления и макет *А. Сауков*

Компьютерная верстка вклейки и ретушь фотографий *С. Костецкий и П. Гвозденко*

В оформлении книги использованы фотографии из личного архива автора, а также:

Виталий Мамонтов

Сергей Коротков

Галина Кмит, Дмитрий Коробейников, Игорь Костин, Екатерина Чеснокова, М.Гнисюк, Пошвыкин / РИА Новости;

Валерий Генде-Роте, Илья Павленко, Николай Малышев, Анатолий Рухадзе / Фото ИТАР-ТАСС;

Александр Стернин; Валерий Плотников;

Кадры из фильмов:

«Я шагаю по Москве», реж. Г. Данелия © Киноконцерн «Мосфильм», 1964 год;

- «Шуточка», реж. А. Смирнов, Б.Яшин © Киноконцерн «Мосфильм», 1966 год;
- «Красная палатка», реж. М. Калатозов © Киноконцерн «Мосфильм», 1969 год;
- «Станционный смотритель», реж. С. Соловьев © Киноконцерн «Мосфильм», 1972 год;
- «Сибириада», реж. А. Михалков-Кончаловский, Л. Эй-длин © Киноконцерн «Мосфильм», 1978 год;
- «Вокзал для двоих», реж. Э. Рязанов © Киноконцерн «Мосфильм», 1982 год;
- «Жестокий романс», реж. Э. Рязанов © Киноконцерн «Мосфильм», 1984 год;
- «Свой среди чужих, чужой среди своих», реж. Н. Михалков © Киноконцерн «Мосфильм», 1974 год;
- «Раба любви», реж. Н. Михалков © Киноконцерн «Мосфильм», 1975 год;
- «Неоконченная пьеса для механического пианино», реж. Н. Михалков © Киноконцерн «Мосфильм», 1976 год;
- «Несколько дней из жизни И.И. Обломова», реж. Н. Михалков © Киноконцерн «Мосфильм», 1979 год;
- «Пять вечеров», реж. Н. Михалков © Киноконцерн «Мосфильм», 1978 год;
- «Без свидетелей», реж. Н. Михалков © Киноконцерн «Мосфильм», 1983 год;

Михалков, Никита Сергеевич.

Публичное одиночество / Никита Михалков. – Москва: Эксмо, 2014. – 896 с. + 48 с. ил. – (Михалков Никита. Книги знаменитого актера и режиссера).

«Я хочу говорить правду, которую я не знаю, но которую ищу...»

Эти слова, сказанные главным героем фильма Федерико Феллини «8 ½», я повторяю про себя уже много лет. Готов подписаться под ними и сейчас. Мне кажется, они стали эпиграфом моей жизни, камертоном моего творчества. И у меня есть основания считать именно так. Надеюсь, что, прочитав эту книгу, вы поймете, почему я так думаю.

Это не воспоминания, написанные годы спустя, которых так много сегодня и в которых прошлые события и лица могут быть освещены и представлены в «нужном автору свете». Это честная документированная хроника того, что я говорил *прежде*, и того, что говорю *теперь*.

Это жестокий эксперимент, но я иду на него осознанно. Что сказано – сказано, что сделано – сделано.

Книга моя составлена как энциклопедия. Она разбита по темам (в алфавитном порядке: от А до Я), а внутри тем – по годам. Поэтому читать ее можно и подряд и выборочно, так, как вам будет удобнее и интереснее.

Ну вот – и все. Приятного чтения!

Ваш

НИКИТА МИХАЛКОВ

А

АВТОР

(1983)

По моему глубокому убеждению, есть только один критерий оценки автором своего произведения: стыдно тебе за сделанное или не стыдно?

А стыдно может быть только тогда, когда снимаешь фильм для того, чтобы кому-то понравиться, когда импульс, толчок к делу не в тебе самом, не в твоей душе, сердце и совести.

Если же ты искренен, если веришь в то, что делаешь, если отвечаешь за свои слова, за свой фильм и готов их отстаивать на любом строжайшем критическом зрительском суде, то стыдно тебе не будет даже за свои ошибки, ибо это ошибки человека, гражданина, художника, искренне верившего в то, что он делал и делает. *(I, 15)*

АВТОРИТЕТ

Общенациональный авторитет

(1998)

В России общенациональный авторитет известен тысячу лет – Церковь и Государь. Когда этот авторитет крепок – сильна Россия.

Монархическая идея – это не «мода» и не «романтика». Другое дело, какие конкретно формы эта государствен-

но-монархически-народная триада должна принимать.

Формы могут быть разные.

Верно сказано: «Царь должен быть не в Петербурге, а в голове». Когда же царь остается только в Петербурге, то происходит то, что и произошло в Петербурге в 1917 году.

Но это – большая отдельная тема.

А сейчас я хочу сказать вот что: когда нет царя, нет авторитета, нет бесспорной нравственной ценности, тогда гуляет бесовщина, тогда похоть твоих властных желаний, твоих голых властных вожделений, твоего тщеславия абсолютно ничем не сдерживается и лезет наверх, как квашня.

А что может сдерживать?! Царя нет! Бога нет!

Государство – «эта страна», а народ – «электорат».

Ну и орудуй, кто как может. (I, 73)

АКАДЕМИЯ (1990)

Я надеюсь организовать международную актерскую театральную Академию, где преподавали бы Питер Брук, Джорджо Стрелер, Олег Табаков, Андрон Кончаловский... (I, 31)

(2006)

Я мечтаю создать свою Академию актерско-режиссерскую и там экспериментировать, и делать все одной командой.

Вопрос: *Вы хотите набирать студентов?*

Нет, не студентов, не абитуриентов, чтобы их пять лет учили, а то, что раньше называлось «повышением квалифи-

кации» для людей, которые уже имеют актерское образование, но хотели бы профессионально совершенствоваться.

Это очень и очень важно.

Во-первых, в социальном плане. Каждый человек, даже если он живет далеко от Москвы, может прислать кассету, я ее посмотрю, и если он достоин, он сможет приехать и восемь месяцев заниматься мастерством. Плюс речь, плюс пластика, плюс система Станиславского, Питера Брука, Шарля Дюллена и, конечно же, Михаила Чехова. Ко всему этому еще работа с камерой, привыкание к съемочной площадке...

Я читал мастер-класс в школе Ли Страсберга и был абсолютно изумлен тем, что туда пришел Пол Ньюман. Люди, даже очень успешные, абсолютно состоявшиеся, хотят понять что-то новое.

Профессией надо заниматься.

Актеры, которые снимаются в сериалах, а то еще и в нескольких параллельно, – у них нет на это времени. Четыре дня Киев, два дня Москва, три дня Калининград, текст получают прямо на площадке – и вперед.

Ну это же невозможно!

Поэтому мне бы хотелось иметь свою школу. Мне обещал Швыдкой и не выполнил своего обещания. Не знаю почему. Но я думаю, все меняется – изменится и это. (I, 124)

(2006)

Я у российских культурных властей семь лет прошу от-

крыть мне Академию, актерско-режиссерскую. Мне есть что сказать людям. Есть чему научить.

Разве это никому не нужно?

Интервьюер: *Трудно представить: Михалков хочет работать, а ему не дают.*

Передо мной выставлена стена. Она мягкая. Даже прозрачная – через нее можно махать друг другу руками. Но дело не движется. (I, 126)

(2008)

Интервьюер: *В живописи есть такое явление – школа мастера. Допустим, есть Рубенс, а у него ученики его школы. Они в его манере работают, конечно, пожизне, но тоже неплохо. Нет ли смысла Вам открыть что-то вроде мастерской, чтобы выращивать учеников своей школы?*

Так я хочу сделать Академию...

Схема такая: мы, условно говоря, ставим «Гамлета». И нам со всей страны присылают диски, заявки все, кто хочет сыграть «Гамлета», – это база данных. Мы выбираем, приглашаем, ставим «Гамлета». И параллельно – школа... такое «повышение квалификации». Идет студийная работа, сцендвижение, работа с камерой, присутствуют операторы, художники, сценаристы. У нас не работает эта разобщенность профессий в кинематографе, как на Западе, где каждый отвечает только за свой участок, у нас все это кончается халтурой.

Итак, идут репетиции этого «Гамлета», а на выходе мы

уже приглашаем, к примеру, Олега Палыча Табакова на роль Полония за хорошие деньги на несколько спектаклей, еще кого-то. И запускаем спектакль в страну, на гастроли.

Может, есть смысл тогда взять в свои руки Театр имени Вахтангова, сохранить его, сделать базой для Академии, Вы же учились в Щукинском, это ваша «родина»?

Попробуйте, напишите это, посмотрим, что начнется.

Возьму и напишу. Меня в детстве уронили – удачно.

Идея потрясающая, не спорю... (I, 132)

(2012)

Интервьюер: *Летняя академия Никиты Михалкова начнет свою работу 28 июля. Всего на участие в киноакадемии было подано пятьсот заявок от абитуриентов из восемнадцати стран мира. Приемная комиссия отобрала тридцать девять человек: двадцать пять артистов, шесть режиссеров и шесть операторов. Обучение в киноакадемии бесплатное.*

Киноакадемия – пилотный проект.

Педагогический состав – звездный. Это лучшее, что у нас есть. Это не академия молодых абитуриентов. Это аналог высших режиссерских курсов. Но они готовят режиссеров. Для нас смысл заключался в том, чтобы основным контингентом стали актеры.

Обучение в школе основывается на пяти системах: Константин Станиславский, Михаил Чехов, Евгений Вахтангов,

Питер Брук, Шарль Дюллен. Это очень разные системы. Нам важно понять атмосферу, интонацию. Для меня это не сидение в аудитории, слушание лекций и записывание, для меня это создание атмосферы съемочной группы или театральной труппы, создание некоего организма, когда один человек может заменить другого, – актер-оператор, оператор-режиссер.

Думаю, что по окончании работы киноакадемии появятся три-четыре картины, по которым будет понятно, можем ли мы с этим дальше работать, могут ли появиться какие-то альманахи для показа по телевидению, фильмы для дальнейшей работы. Об этом мы еще будем разговаривать со студентами.

Что из этого будет, я пока не знаю. Нам нужно индивидуально поработать с конкретными людьми, а потом понять, что получилось, а что нет. Если Бог даст, есть идея, как дальше развивать эту тему, чтобы она стала полноценной киноакадемией, которая каждый год будет набирать новый состав студентов. (XII, 17)

(2013)

Вопрос: *Почему в вашу киноакадемию принимают людей только до тридцати пяти лет?*

В принципе заниматься этим делом никогда не поздно. Это не балет и не оперная сцена.

Но! Перспектива!

Все-таки важно, чтобы была перспектива у тех людей, ко-

которые у нас учатся, и чтобы у них впереди был временной запас.

В шестьдесят лет начинать... нет смысла.

Хотя вольнослушатели в академии вполне допустимы...
(XV, 79)

(2013)

Интервьюер: *Вы уже во второй раз открываете свою Летнюю киноакадемию. Зачем Вам помимо всех прочих занятий еще и это?*

Хотелось создать уникальную творческую атмосферу, которая бывает на настоящей площадке или сцене, когда молодые имеют возможность прикоснуться к опыту и знаниям признанных мастеров, проявить себя, посмотреть на других, дышать воздухом профессии, заряженным творчеством и кропотливой работой.

Со следующего года, если и эта киноакадемия пройдет удачно, я хочу запустить большую годичную школу.

Конкретные результаты первой киноакадемии есть?

Безусловно.

Ребята выросли с профессиональной точки зрения. За полтора месяца каждый из учеников смог поработать бок о бок с такими мэтрами, как Ва дим Юсов, Сергей Соловьев, Владимир Грамматиков, Андрей Эшпай, Марлен Хуциев, Владимир Хотиненко, Карен Шахназаров, Алексей Учитель,

Глеб Панфилов, Кирилл Разлогов, Алла Демидова, Евгений Миронов, Владимир Машков...

Кроме того, киноакадемия – это жесткий срок, за который ученики, объединившись, должны снять фильм. Это очень сложно, результатом обучения в киноакадемии стали три короткометражки. Для меня еще очень важно то, что ребята смогли вынести из киноакадемии в духовном плане: они с нежностью и любовью вспоминают эти пять недель, продолжают активно общаться друг с другом и преподавателями. В дальнейшем, если удастся создать годичную киноакадемию, мне бы хотелось, чтобы наше учебное заведение смогло брать на себя определенную ответственность за то, чтобы наши ученики устроились на работу.

Студенты академии – профессионалы, люди с дипломами, которые уже получили образование. Чему их нужно учить? Или наоборот – переучивать?

Я хочу, чтобы наши ученики, в первую очередь, профессионально расширяли свой технический и человеческий диапазон. Для меня центр кино – это актер. Для него создается вся атмосфера. Оператор, художник и тем более режиссер должны понимать, что актеру должно быть удобно на съемочной площадке, он должен чувствовать себя свободно. Только в этом случае может получиться настоящее цельное художественное произведение. Актер – вот он, на экране, его эмоции, жесты, его лицо – видят все. Сейчас же многие режиссеры берут на себя эту центральную роль, а это непра-

вильно...

Я считаю, что наша актерская школа действительно лучшая в мире, но количество дилетантов так велико, что она разрушается, а мы хотим этому противостоять. Сейчас много непрофессионалов, которые не умеют использовать самые банальные техники. Самый простой пример – слезы и смех на сцене, в кадре. Режиссер, который говорит актеру: вспомни любимую бабушку и заплачь – он не профессионал! Он не знает, что слезы и смех – это просто диафрагма. Кто-то скажет, что это обман, что актер не чувствует. Это неправда: ты включаешь технику, чтобы передать эмоцию, но от этого внутреннего технического трюка ты заводишь и свой эмоциональный аппарат. Благодаря этому трюку можно обойтись без глицериновых слез, которые сегодня можно увидеть по телевизору. (I, 165)

(2013)

Интервьюер: *В киноакадемии сейчас преподает много мастеров. Их теории могут противоречить друг другу?*

Ничего страшного. Наши студенты – свободные люди, которые могут выбрать то, что им захочется. Я не собираюсь причислять их под общую гребенку.

У нас дают мастер-классы высококласные профессионалы, которые давно зарекомендовали себя в кинематографе, сняв замечательные картины. У каждого свой метод, и у меня в том числе, я же не говорю ребятам: «Не слушайте Сер-

гея Соловьева, а слушайте только меня». Если ученики воспримут то, о чем говорит каждый мастер, у них появится настоящая профессиональная широта взглядов. Они не должны тупо следовать за учителем.

Что будет, если ваш выпускник попадет к режиссеру, который заставит его забыть все, чему он научился?

Если слушатель нашей академии воспринял то, что говорю я, и ему это пригodiлось, он все равно будет внутренне, подспудно заниматься техникой жеста, даже если его заставят стоять по стойке «смирно». Но я стараюсь ничего никому не навязывать, а говорить только о том, что вижу сам. Я не хочу создавать клонов, ведь я не просто рассказываю, но еще и показываю метод Михаила Чехова на собственном примере.

Вы следите за тем, что делают ваши ученики? Какие, например, темы у курсовых короткометражек?

Не знаю, они сами их выбирают. В данном случае сила академии заключается в том, что они все время находятся в свободном полете в предлагаемых нами обстоятельствах.

Сейчас вы видите только пилотную версию, в следующий раз, когда академия станет круглогодичной, мы соберем вокруг себя все направления – сценаристов, режиссеров, продюсеров, операторов и актеров.

Вы следите за судьбой выпускников прошлого года?

Кто-то из них снимает, кто-то снимается, кто-то не снимается и не снимает. Пока мы не берем на себя ответствен-

ность за их трудоустройство, однако после того, как академия станет платной, ситуация изменится.

Мы понимаем, что не каждый сможет заплатить за обучение, и предложим ученикам внести сначала какой-то процент, а остальную сумму вернуть после работы, на которую мы сами их трудоустроим. В этом случае академия будет заинтересована, чтобы ее выпускники нашли работу.

Где разместится круглогодичная академия?

Мы ведем переговоры о выделении нам отдельного здания. В идеале нужно еще и общежитие, поскольку мы не хотим заниматься только с москвичами. Важно, чтобы в академию съезжались люди со всей страны.

В дальнейшем мы планируем создать академическое агентство с базой данных различных профессионалов. То есть даже если человек не поступает, мы все равно получаем от него информацию, которая заносится в базу.

Занятия будут проходить за чаем с сушками?

Когда Бог даст и большая академия появится, там будет конструкция с разделением на зоны. Одна из форм – несколько чайных: красная, зеленая, синяя, желтая, то есть не аудитория, где люди сидят за столами и записывают лекции; должно быть создано ощущение дома, в котором проходят репетиции и занятия. Мне бы очень хотелось, чтобы в большой академии ученики как можно больше общались с самыми разными людьми – от архимандрита Тихона (Шевкунова) до Эдуарда Лимонова.

Идеальное расположение для такого учреждения – на природе.

Вообще идея о том, чтобы вывезти ее за город, есть, но для этого потребуется серьезное строительство. Моя мечта – это последовать примеру Кустурицы и построить свою деревню. Я уже подобрал для нее прекрасное место, но для этого нужны довольно большие средства. Но на самом деле – это идеальный вариант, чтобы ребята уезжали за город и целый день учились, смотрели кино, общались, бегали на лыжах и купались. (XIII, 5)

АКТЕРЫ И АРТИСТЫ **(1967)**

Актер не в состоянии играть ничего «вообще». Он может играть конкретного человека в конкретных обстоятельствах, в сложных, но конкретных взаимоотношениях с людьми, его окружающими. И поэтому он на редкость зависит от материала фильма, от той реальной почвы, которой часто не хватает в сценариях. Конечно, он привносит в роль свои жизненные наблюдения, свое знание, свое представление о человеке, которого предстоит играть.

Но один и тот же актер не может бесконечно, вопреки авторам, отыскивать новое для одного и того же образа, а сценаристы с какой-то трогательной заботой и любовью пестуют все один и тот же тип.

Но мне, как любому актеру, хочется играть. Пусть герои

будут отдалены от нашего времени веками, пусть они будут современниками – главное, чтобы нам были понятны, дороги их чувства, переживания, мысли. Тогда интересно актеру, тогда есть зачем идти в кинотеатр зрителю.

Но актер не хочет и не должен играть одно и то же. Ведь после каждой такой роли он понимает, что он плохой актер. Хочется быть хорошим – для этого надо играть разных людей: героев и негодяев, обывателей и чудаков, гениев и тупиц. А приходится играть то, что предлагают, что уже сыграл.

Кстати, именно так, от одноплановости ролей, возникает так называемая «личная тема актера». Ее крестными отцами являются режиссеры, которые однопланово используют актера, которые пользуются только некоторыми красками его дарования. Чаще всего они надеются, что актер, уже игравший нечто подобное, быстрее поймет, что от него требуется. Может, и так. Только результат от этого лучше не станет – банальная роль только усугубит банальность фильма.

Казалось бы, куда проще: не играй, если роль не нравится. Откажись, если не хочешь повторяться, жди предложения по душе.

Жди... Пока о тебе забудут. Или бери, что дают... Но ведь мало того, что актер хочет играть, не может не играть; это еще и его работа – играть, это еще и его профессия – играть, это его способ существования – играть.

Конечно, можно стыдливо забыть об этом, целомудренно

закрыть глаза и даже словом не обмолвиться. Но в жизни и в психологии человека от этого мало что изменится. Есть он сам, есть дети, есть семья...

А потому хорошие и плохие актеры играли и будут играть в хороших картинах и похуже, а то и попросту в плохих.

В силах актера только одно: все свое мастерство, весь свой темперамент, фантазию, наблюдательность использовать в роли так, чтобы обогатить ее содержанием.

Тогда даже эпизод станет искусством... (II, 2)

(1980)

Прежде всего актер должен быть талантлив.

Но помимо таланта ему необходимо обладать достаточной техникой. К сожалению, очень часто недостаточный ее уровень не позволяет многим актерам создавать образы, адекватные их таланту...

А мера художественности образа, создаваемого актером на экране, прямо связана с мерой его искренности. По-настоящему искренним актер может быть только в том случае, если позиция других авторов картины совпадает с его собственной.

Вот почему я всегда стремлюсь к тому, чтобы над фильмом работал коллектив единомышленников. (I, 13)

(1984)

Я считаю, что актерский технический уровень у нас на-

много превышает средний режиссерский уровень.

Так или иначе, актер вынужден демонстрировать то, что он умеет, чтобы быть на плаву. А режиссер может спрятать свою беспомощность в профессии за огромное количество других приспособлений: за оператора, музыку, того же артиста.

Поэтому я считаю, что одна из самых наказуемых вещей – это попытка самоутвердиться за счет артиста...

Артиста нужно бесконечно любить и не только говорить ему приятные слова, хотя это тоже очень важно. Нужно заботиться о быте каждого артиста в экспедиции. В этой любви нет мелочей...

Бергман говорит – а я его очень уважаю и считаю одним из законодателей в современном кинематографе, – что его интересует не то, что артист играет, а то, что скрывает, именно это касается его существа. Если попытаться прикоснуться к существу, не задев оборонительных звоночков и колокольчиков, всей той сети, которая поставлена внутри артиста, то окажется очень интересным даже самый, на первый взгляд, однозначный артист...

Абсолютная аксиома: качество актера заключается не в том даже, как он играет, а в том, как он подыгрывает. Только тот актер, который умеет потратиться, когда стоит спиной к камере, когда он не важен, когда он может играть вроде бы как угодно, но он изнутри помогает своему партнеру – это высочайшего класса профессионал и огромной души чело-

(1984)

Вопрос: *Почему теперь артисты часто уходят из театров?*

Как это происходит в некоторых известных мне случаях? Однажды появляется человек с некоторой театральной идеей, сильный, волевой – лидер, как теперь принято выражаться. Вокруг него группируются люди, они поддерживают его, надеясь, что он станет развиваться параллельно с ними и вместе со временем, разумеется. Они заслоняют его своими спинами, затрачивают на становление затеянного им дела лучшие годы и все свои силы – профессиональные, человеческие.

Но вот приходит время, постепенно лидер начинает воспринимать своих сподвижников как бюро обслуживания его собственной персоны и его имени, обретающего все больший вес. И распадаются подлинные связи между людьми. Любой организм подвержен эрозии, а театральный организм особенно хрупок, ведь он состоит из разных миров.

Люди теряют иллюзии, прощаются с надеждами. Они покидают ставший для них родным театральный дом, потому что из дорогого им дела, еще недавно живого, ушло то, ради чего они сплотились в свое время вокруг лидера, который по большому счету лидером уже не является. (II, 7)

(1987)

Интервьюер: *Кого из артистов нашего столетия Вы отнесли бы к числу великих?*

Трудный вопрос.

Трудный потому, что не всех артистов успел увидеть воочию. Я не видел

Чехова, Москвина, Тарханова, Качалова... Да, конечно, остались пленки, но все это не то – театрального актера надо видеть на сцене.

А из тех, кого видел, с кем встречался на съемочной площадке, назову нескольких: Михаил Ульянов, Олег Янковский, Роберт Де Ниро, Мерил Стрип, Джин Хэкман...

Никогда не забуду Андрея Алексеевича Попова – работать с ним было счастьем. Это был великий артист...

И еще – вроде меня нельзя обвинить ни в национализме, ни в тенденциозности, но все же я считаю, что самые великие артисты, независимо от того, в какой стране они родились и на каком языке говорят, проходили русскую театральную школу, потому что наша актерская школа, пожалуй, самая сильная в мире, в этом я убедился, работая на Западе... (I, 25)

(1990)

При наличии лучшей актерской школы мы, общество в целом, находимся сегодня у той критической черты, которая отнимает у людей волю жить. Угнетает бесправие актеров.

Панацеи нет. Одна проблема кормит другую. Здесь приходится констатировать и низкий уровень драматургического материала, режиссуры, и потогонную систему театральную, при которой одних актеров эксплуатируют как лошадей и загоняют, как Юру Богатырева, а другие актеры балластом сидят на шее академических театров.

Невозможно, допустим, помочь экономике, не помогая культуре. Это существует во взаимной связи. И либо все вместе процветает, либо вместе тонет. Невозможно представить эти процессы порознь. Какая-то безысходность во всем этом есть: в жизни актеров, да и вообще в жизни...

Единственная страна, в которой я, лично разговаривая с актерами, всегда терялся от обиды, – это Россия. Потому что такого богатства я нигде не видел. Только общаясь с итальянскими актерами в работе, я понял, насколько мы расточительны в отношении к своим великолепным актерам. Мы не представляем, не можем оценить, какое богатство актерское имеем у себя. *(I, 31)*

(2002)

Вообще, на мой взгляд, профессия актера – это профессия женская, даже если этот актер Шварценеггер. От количества мышц это не зависит. Во-первых, актер больше всего боится своих коллег, что естественно, а во-вторых, когда он отыгрывает свой кусок, этот его взгляд на режиссера и на всех, кто рядом, – это же собачий взгляд.

А для меня лично самая главная задача на съемках, чтобы артисты привыкли друг к другу. Для этого есть много способов – вместе почитать книги, вечерние чаепития, футбол. Мы, например, на «Обломове» садились и просто читали вслух.

Это было потрясающе! Читали Бунина, никакого отношения не имеющего к «Обломову», Чехова, ну и Гончарова, конечно. И через три-четыре вечера начались вопросы: а что, если это так сделать, а это так?

У актера очень сильно развит звериный, животный инстинкт. Вот, казалось бы, ты уводишь актера в какую-то нужную тебе сторону, а у него свое свербит, работа не останавливается ни на минуту. Актер как бы идет по следу, ищет. Мне и ночью звонят все время.

Когда вначале даешь актеру на пробу сыграть какой-нибудь открытый темпераментный кусок, а он, только вчера прочтя сценарий, сегодня уже лупит! И если у него яркий темперамент, наработанная техника, он думает про себя: вот это я дал! Но он пустой, как барабан, у него внутри ничего нет, он просто умеет эксплуатировать свои внешние данные и свой профессионализм.

А потом, когда вы начинаете вместе работать и через месяц возвращаетесь к той же самой сцене, решение которой было найдено уже после первого чтения сценария, то теперь все происходит на абсолютно другом уровне внутренней загрузки.

В первый раз актер еще мог обмануть зрителя, но не себя и не меня. В конце же пути после многих поисков, отказов и так далее он находит нечто такое, что может быть по форме тем же самым, что и в начале, но внутренне и по энергетике, и по концентрации совсем другим. (*XIII, 1*)

(2002)

Актерская школа измеряется не по вершинам, а по среднему уровню. Вот почему наша русская гениальная актерская школа – лучшая в мире. Именно по среднему уровню мы очень высоко стоим. (Итальянская актерская школа – это очень и очень средняя школа представления, в которой есть разбросанные вершины – Марчелло Мاستроянни, Витторио Гассман, Эдуардо Де Филиппо. Между вершинами и всеми остальными почти нет единения.) Наверное, поэтому школа Станиславского действительно гениальная. Это как среднее учебное заведение для людей со средними способностями.

Однако достичь того, что по силам актеру по-настоящему талантливому, можно, видимо, только пройдя еще и школу Михаила Чехова, и школу Шарля Дюллена, пока мало известную, но замечательную. Приведу только одно из ее, на мой взгляд, блистательных положений: если у актера есть внешний недостаток, он должен сделать его любимым для зрителя.

Это потрясающе точно.

К примеру, именно уникальная природная фактура Луи

де Фюнеса или Фернанделя, не обладающих героическими внешними данными, стала такой неотразимой для зрительского почитания. (XIII, 1)

(2006)

Вопрос: *Как нужно воспитывать ребенка, чтобы из него получился неплохой актер?*

Вообще-то, я думаю, для начала нужно просто воспитать ребенка. Вне зависимости от того, будет ли он неплохой актер, неплохой писатель, неплохой инженер. Просто воспитывать.

А что касается профессиональных навыков...

Я не советую с раннего детства выводить на сцену и приучать к публике. Потому что он может привыкнуть к определенному рода успеху и будет дальше использовать то, что ему этот успех приносит. Заштампуется, и развития не будет. Если он способный человек, то убежден, что для начала нужно дать ему азы культурного воспитания – просто чтение книг. Когда он уже оформится, допустим в четырнадцать – шестнадцать лет, уже можно посмотреть, как он читает, как движется, как выглядит, и так далее.

Но, повторяю, очень не рекомендую с раннего детства настраивать его на актерскую карьеру. Потому что он будет абсолютно автоматически и подсознательно копировать тех, кто добился славы. Это в результате принесет ему очень большой вред. (I, 123)

(2009)

Как снять зажим у актера? Сначала надо понять, действительно ли он талантлив и умеет играть. В противном случае не стоит тратить на него время. Но если актеру просто надо помочь раскрепоститься – создайте ему атмосферу. Вся съемочная группа должна быть благосклонна и внимательна к нему. Заставьте актера закричать во весь голос, чтобы выплеснул страх и неуверенность. И конечно, подробные репетиции. Они дают артисту уверенность в своих силах и желание работать.

Помните, что очень важно для актера – полностью погрузиться в работу. Бытовые проблемы, общение с родственниками и друзьями могут свести на нет все, что было наработано накануне на съемках. Поэтому я сторонник того, чтобы вся съемочная группа уезжала из города в экспедицию на весь срок создания картины. Более того, даже снимая в Москве, я бронировал гостиницу для всей команды, без права ночевать дома.

И результат превзошел все ожидания!

Не надо бояться, что актер не повторит эмоции во время озвучки. Существует так называемая биологическая память, и, поверьте мне, талантливый артист всегда точно воссоздаст уже однажды пережитое. У него уже в «матрицу» все это заложено. Но все это работает, только если кино снималось по-настоящему. (XIII, 4)

(2010)

Актер – это некая субстанция. И человек, и не человек. У него есть дом, семья, обязанности, гражданская позиция, но он все отдаст и отодвинет ради хорошей роли. Если, конечно, это настоящий актер.

Когда в Московском Художественном театре случались выходные, Иван Михайлович Москвин приезжал в театр, выпивал с реквизитором, брал у него детский гробик, нанимал извозчика и ездил с этим гробиком по городу, рыдая. Старушки крестились, женщины утирали слезу...

Вот это – квинтэссенция актерства.

Я по природе своей не актер. Мне бывает интересно сыграть какую-то роль в «Статском советнике», к примеру, но и там для меня был важнее определенный месседж, вложенный в уста моего героя. Я сам написал этот текст, так что Глеб Пожарский, скорее, мое драматургическое, а не актерское творение. (XV, 46a)

(2013)

Интервьюер: *Может быть, закончилась в России эра великих актеров?*

Пора уже, наконец, прекратить разговоры: «Вот раньше были такие артисты! А сейчас уже среди молодых нет никого и не будет...»

У нас все есть.

В России огромный актерский резерв, просто нужно дать возможность людям из провинции немножечко подвинуть тех медийных лиц, которые излишне фигурируют на экране и в кино.

Сегодня, чтобы стать популярным, актеры идут на любые ухищрения, порой бесстыдно выставляя свою личную жизнь напоказ. И получается так, что порядочность, нравственность в актерской профессии – это не самые востребованные качества?

Не знаю, я с вами не согласен. Вы же не можете стать безнравственным, потому что это сейчас в моде?

Просто не смотрите по сторонам, кто, как и на чем зарабатывает. Если есть внутренний стержень, не надо отказываться от себя. Все равно рано или поздно ваши человеческие качества окажутся востребованы. (XV, 83)

Актеры и режиссеры, актрисы и режиссеры (1977)

Я стараюсь снимать одних и тех же актеров...

Почему?

Мне кажется, необходимо находить чисто человеческие точки соприкосновения между режиссером и актером. Благодаря этим творческим взаимосвязям между актером и режиссером, оператором, всей съемочной группой актер чувствует себя совершенно свободно.

Актер, доверяя, освобождаясь, может сделать очень многое... Но не все. И поэтому постоянная работа с актером да-

ет еще одно преимущество режиссеру – он точно знает, чего этот актер не может. Потому что пока под обаянием актера, убежденного в том, что он может все, режиссер разберется, чего он все-таки не может, проходит очень много времени. А у нас его так мало...

В то же время я могу пригласить актера: пусть никогда раньше его не снимал, но в котором я абсолютно уверен. Я придерживаюсь той точки зрения, что сценарий должен быть уже сориентирован на определенного актера...

Кстати, то, что я начинал как актер, и дает мне некоторое право говорить об этой профессии.

Есть много режиссеров, для которых актер просто инструмент. Они забывают, что актеру нужны определенные условия, прежде всего атмосфера на съемочной площадке. Конечно же, актер должен все время чувствовать, что он в центре внимания, что он любим, что о нем заботятся, что все подчинено его работе, его внутреннему состоянию. Ведь актер тратит не пленку, не свет, актер тратит себя...

У меня сейчас около двадцати ролей в кино, больших и маленьких, хороших и плохих. Не хотелось бы сваливать ответственность за неудачные картины, в которых я снимался, только на режиссеров. Но именно общение с режиссерами, которые не могут работать с актером, и привело меня к мысли попробовать свои силы в кинорежиссуре.

И еще одно. Актер – плохой, хороший, даже прекрасный – это все-таки лишь интерпретатор. Мне же хотелось быть

ответственным за каждое свое слово, хотелось языком кино выразить то, что волнует меня. (I, 4)

(1979)

Интервьюер: *Считаете ли Вы, что у режиссера должны быть свои актеры?*

Безусловно, «свой».

Я имею в виду актеров, которые разделяют с режиссером... нет, не точку зрения, а мировоззрение, что гораздо важнее. Ибо точки зрения у нас могут быть разные, и манеры разные, и интерпретации, но вот мироощущение должно быть похожим.

Если это так, то режиссер с актером разговаривают на одном языке, как это происходит у нас, например, с Еленой Соловой, Александром Калягиным, Олегом Табаковым... (I, 8)

(1980)

Интервьюер: *Как, по-вашему, должны складываться взаимоотношения актера и режиссера?*

Они должны любить друг друга, постоянно находиться по отношению друг к другу в состоянии внутренней «подогретости», когда каждый взгляд, каждый импульс режиссера должен быть претворен актером в жизнь, а каждое душевное колебание актера режиссером не может быть пропущено.

Есть талантливые и сильные актеры, которые подминают под себя всех остальных, и с такими иногда приходит-

ся умышленно идти на то, чтобы их обидеть, заставить на мгновение испытать чувство, которое из-за них испытывают другие. А есть актеры, которых ни в коем случае нельзя обижать, — они тогда теряются и ничего не могут сделать.

Есть актеры, не терпящие чужой воли, — с ними нужно соглашаться, но исподволь делать все по-своему. В любом случае нельзя, невозможно отделять актера от его личности...

Режиссерская профессия — очень жестокая. Именно поэтому она должна быть гуманной, как это ни парадоксально. (I, 11)

(1980)

Интервьюер: *В трех первых своих лентах Вы сами выступили в качестве актера...*

Как правило, по необходимости.

Например, при съемках «Механического пианино» внешняя болезнь актера Евгения Стеблова, утвержденного на роль доктора Трилецкого, поставила группу в сложное положение. Отсутствие времени для подготовки другого актера вынудило меня, как знающего роль, самому ее сыграть.

Сниматься в своих фильмах особенно ответственно, это отвлекает и по существу мешает мне как режиссеру. Так что в дальнейшем буду стараться избегать подобных совмещений. (I, 13)

(1983)

Интервьюер: *Актеры, которые Вам нравятся, но которыми Вы пока не могли предложить роль?*

Олег Борисов, Алиса Фрейндлих, Олег Янковский, Татьяна Догилева, Светлана Тома. (I, 18)

(1984)

Интервьюер: *Ваша актерская биография после фильма «Я шагаю по Москве» складывалась успешно. Почему Вы так скоро и решительно сменили актерскую профессию на более сложную, режиссерскую?*

Ответ будет коротким, а предисловие длинным.

Однажды нашей группе, снимавшей в экспедиции трудный по своей судьбе фильм (его начинали другие, но что-то там не получалось, и мы были брошены на спасение ситуации), предстояло сделать финальный кадр в Ботаническом саду южного города. А там как раз проходили практику студенты сельскохозяйственного вуза. Мы приехали, когда они прибирали осенние листья. Группа вывалилась из громоздких студийных машин, а из лимузина выпорхнула героиня в роскошном платье и широкополой шляпе. Расставили приборы, «мотор!», через минуту камеру выключили и по существующей издавна традиции последнего дня съемок открыли шампанское. Фильм завершен, люди устали от работы, и друг от друга, и от бесконечных скитаний по общежитиям и гостиницам. Давно хочется в Москву, к семьям, поэтому все возбуждены. Шумно чокнулись и быстро побежали к маши-

нам...

А практикантки так и застыли с метлами в руках. «Вот это жизнь! Красиво, быстро, весело...» – говорили их зачарованные взгляды, которыми они провожали нашу героиню. Они не подозревали о том, что предшествовало этому короткому событию, как не ведали и о том, что именно тогда актриса была собрана и сосредоточена до предела. Первый кадр или последний – ей все равно надо его прожить...

Думаю, на свете не существует профессий трудных или легких. Эту меру определяет только человеческая совесть. Так же, как она определяет и цену успеха. Успех – величина переменная, и не стоит пытаться превратить ее в постоянную, стремиться на волне удачи набрать себе максимальное количество очков. Надо двигаться дальше.

Человека делает человеком сознание, что он достиг чего-то путем долгой и мучительной внутренней работы, через огромный труд. Возможно, это и есть объяснение, почему я, будучи исключенным из театрального училища за самовольное участие в съемках, не попытался испросить прощения, а пошел поступать на режиссерский факультет ВГИКа к Михаилу Ильичу Ромму... (II, 7)

(1988)

Интервьюер: *С кем из актеров Вам лучше всего работается?*

С Юрием Богатыревым...

Мало того, что он всегда понимает, что я от него требую, он фантастически ощущает образ персонажа. Его существо, характер, пластику. Поразительный актер.

Мне было хорошо работать с Александром Калягиным из-за его актерской податливости, высокого профессионализма, умения воплотить предложенный режиссером образ.

Мне было легко работать с Андреем Алексеевичем Поповым, Ириной Купченко, Люсей Гурченко.

Могу и дальше продолжить этот список, работал-то я с хорошими артистами... (II, 16)

(1993)

Интервьюер: *Кто Вы лучше – актер или режиссер?*

Там хорошо, где нас нет.

Когда я работаю с артистами, мне кажется, что я сыграл бы лучше, чем любой из них, включая детей и животных. Когда я работаю артистом, мне кажется, что я снял бы лучше.

Это, в общем-то, такой самообман.

Я как артист люблю работать с хорошими партнерами и с хорошим режиссером, что бывает довольно редко, не часто выпадает такая радость.

Но я люблю актерское дело.

Я чувствую артистов, я люблю их, и они это чувствуют, и им, надеюсь, от этого со мной легче. (III, 2)

(2002)

Я считаю чрезвычайно важным, чтобы актеры и режиссеры заговорили друг с другом и начали обмениваться теми секретами, которые каждый в своей работе успел для себя открыть.

Например, все знают самую элементарную вещь: что все монтируется. Но если на один и тот же монтажный стык подложить разные звуки (либо звон колокола, либо резкий хлопок двери, либо чей-то чих или кашель), то можно абсолютно по-разному им воспользоваться. И это тоже надо знать. Такое знание никакого отношения к таланту не имеет, оно имеет отношение к ремеслу и труду.

Роберт Де Ниро, Пол Ньюман, Мерил Стрип время от времени бросают свои дела и едут в Студию Ли Страсберга, где играют этюды, потому что без этой школы, без постоянного тренинга надеяться только на талант (эх, сейчас так сыграю или так сниму!) можно в лучшем случае один раз, но он может оказаться первым и последним.

Все остальное есть результат саморазвития, культурного уровня, техники и, конечно, постоянного ощущения ремесла на кончиках пальцев. Если пианист не поиграет две недели, месяц, то это все. Пианист Рудольф Керер сидел в тюрьме и играл на доске, а когда вышел, то через несколько дней дал концерт.

В общем, я призываю всех к мирному сосуществованию. Хочу еще раз сказать: желания кого-то ущемить, обидеть, тем более кем-то командовать у меня нет, а вот желание про-

фессионально общаться есть. И мне кажется очень важным, чтобы оно в нас возродилось. Без обогащения друг друга личным опытом, без желания послушать своих коллег, без того, чтобы, притушив ироничный взгляд, все подвергающий сомнению, просто ощутить, что мы один цех и единое братство, невозможен тот путь, когда мы перестанем чужие поражения считать собственными победами и будем в нашем деле опираться на профессию, на ремесло, на уважение к зрителю, для кого, в сущности, все и делаем. (XIII, 1)

(2005)

Интервьюер: *Вы так долго не снимались и вдруг сразу три большие роли: у Балабанова, Янковского и Занусси. Как так получилось?*

Как-то сложилось все то, что находилось в стадии переговоров, идей...

Насчет «Статского советника» – там роль Пожарского, которая стоит того, чтобы ею заниматься всерьез и подробно.

Что касается «Жмурок», то это совершенно другое – абсолютно характерное, острое, наглое. Это «стёб над стёбом»...

А Занусси есть Занусси. И мне хотелось посмотреть, из чего у него складывается процесс, что такое его работа с актером. Тем более что он был совершенно определенен, говоря, что пишет для меня эту роль и, если я не буду сниматься, он будет откладывать, ждать меня... То есть я понял, что для него это важно.

У Вас вообще есть ощущение, что Вы как актер в жизни недобрали?

Да, есть. Жажда есть, голод есть. Это мне мешает и расстраивает, но я все равно стал заложником данных обещаний. И я должен их выполнить, к сожалению.

Вы имеете в виду Союз кинематографистов?

Ну и Союз кинематографистов...

Ваш медийный, что ли, образ настолько значителен, что всякий раз подминает персонажа под себя. Уже где-то начиная с Паратова все ваши роли – это Никита Михалков, который в фильме как-то обыгрывается. Так ведь?

Есть такое, это правда. И в этом есть некая эксплуатация со стороны тех, кто меня приглашает. И это обедняет с точки зрения профессии, согласен. Поэтому мне и хотелось найти такую нишу, где можно пробовать двигаться по роли, по человеческим слабостям, а не по такому харизматическому давлению.

Счастливым в этом смысле был, например, Юра Богатырев, который мне ужасно жаловался, что его не узнают на улице. Он мне говорил: «Я стою в очереди за туалетной бумагой. Идут по телевидению «Два капитана» – и ни одна сука не уступила место. Я стою, мордой верчу – не могу же я сказать, что я вот... И никто меня не узнает. Никитушка, ну как же так?» Я говорю: «Юра, ну это же твое счастье! Туалетную бумагу я тебе достану, если надо. Но твое счастье, что ты можешь быть любимым». Это как у Елены Соловей, это

такая «никакоиственность», которая позволяет быть и Шиловым в «Своем среди чужих», и Войницевым, слабым, большим, наивным, глупым... Смоктуновский таким был, Михаил Чехов. Это для актера огромная удача. Вот Миша Боярский – замечательный актер, но приговорен к своему образу.

Хотя я верю в то, что мои возможности шире, чем то, что используется. Может быть, просто боятся предложить... (II, 47)

(2005)

Интервьюер: *Сколько лет Вы не снимались в кино?*

С «Сибирского цирюльника». Пять или шесть лет!

Не жалко потерянного времени? Конечно, Вы ответите: жалко, но кто, если не я...

Действительно, жалко. И наверное, есть кто, кроме меня... Но просто я не привык оставлять незаконченными дела. Это меня гнетет и не дает спокойно заниматься другим.

Неужели за шесть лет не было интересных предложений?

Были те, что, как говорится, занимали бы мою занятость. Но ничего принципиально нового в них не было.

Вам самому интересно быть только актером и режиссером?

А это для меня было и остается главным! Если бы мной двигал чиновничий азарт, жажда власти и благ, я бы давно в Министерстве культуры сидел или в Думе, причем все со-

ЗЫВЫ.

Я больше могу сделать именно на своем месте. На любом уровне говорить то, что думаю, не боясь оказаться белой вороной. И это тоже для меня процесс творческий, неотъемлемый от того, что я делаю в кино. (I, 116)

(2005)

Интервьюер: *Похоже, Вы соскучились по актерству. Видно, что в «Статском советнике» Вы смакуете каждую мизансцену, каждый кадр.*

А я всегда каждый кадр смакую.

Простите за нескромность, это школа. Русская актерская школа. Ею почти не владеют, ею почти не пользуются, ей почти не учат.

Сегодня достаточно иметь более или менее смазливую или знаковую внешность и органично говорить текст. А вот взять, как говорится, характер за рога, и не бояться быть страшным, смешным, и в этом находить удовольствие, создавать образ...

Этим-то и занималась всегда русская актерская школа, лучшая в мире.

Посмотрите, как Сергей Шакуров играет Брежнева! (Не важно, что фильм кому-то не нравится. Я про Шакурова.) Высший актерский пилотаж. Бесстрашен и талантлив. Горжусь. Bravo, Сережа!

И все это, заметьте, по школе Станиславского.

А еще, конечно, система Михаила Чехова. Вот это интересно. Я тоже ею пользовался и пользуюсь. И стараюсь учить других. (XV, 14)

(2005)

Интервьюер: *Вы хотели бы сняться у крупного режиссера? Тарантино или Алексея Германа, который бы полностью Вас «переформатировал»?*

Это получилось у Балабанова. Он меня переформатировал.

А с Германом у нас, боюсь, слишком разные темпераменты... Хотя, если это было бы интересно, я мог бы на это пойти! Но все же нужна уверенность в том, что мы плывем в одну сторону. (I, 117)

(2005)

Интервьюер: *Трудно ли сниматься после долгого перерыва?*

Легко! Как в мороженое!

Я работаю не от девяти до девяти, я все время в профессии. Мастерства не пропьешь. Может быть, чуть отстал, но если сделано хорошо – это не устаревает.

Перфекционизм – это у меня от мамы, я его не потерял. (I, 120)

(2006)

Интервьюер: *Каких актеров Вы любите? Когда делаете режиссерский выбор, на что ориентируетесь в первую очередь?*

Ну, понятие «талант» мы сразу исключаем из обсуждения. Если актер не талантлив, то говорить не о чем.

Обязательное качество – чувство юмора. Можно взять актера без чувства юмора, снять в эпизоде, потому что у него хорошая фактура, и забыть как страшный сон. Без этого качества в кино работать невозможно. Тогда после первой же картины ты начинаешь считать себя гением, и уже никто тебя не свернет с этого пагубного пути. А еще лучше – быть непризнанным гением. Чтобы всю жизнь крепко квасить, ругать своих коллег и рассказывать, как бы ты сыграл или какое бы снял кино, но тебе не дали...

Я стараюсь писать сценарий, имея в виду конкретных исполнителей. Бывают ситуации, когда актер не смог, отказался, ты ищешь другого. Так было, скажем, с Захаром в «Обломове». Я его заранее представлял – дремучий, похожий на старого пса в репьях, такой: «Р-р-rrr...» И вдруг мне говорят, что Андрей Алексеевич Попов, гениальный артист, но совершенно иного плана, мечтает сыграть эту роль.

Я представить себе не мог, как это возможно, но на пробы вызвал. Он пришел – высокий, представительный. Мы сделали ему грим – самый примитивный, с лысиной, с косматыми бровями, бакенбардами. У него было две страницы текста.

Мы посадили его за стол, он репетирует, играет что-то сам

для себя. Перед ним стоит камера. А мы не снимаем. Проходит пятнадцать минут, полчаса, сорок минут – не снимаем. Он начинает уставать, раздражаться. Мы не снимаем, не снимаем, не снимаем... Постепенно Попов начал оседать. Ему скучно. И жарко. Он облокотился на руки и только глазами следит, кто идет мимо, не шевелясь, потому что очень жарко. Я говорю оператору Паше Лебешеву: «Включай камеру».

Измученный нами Попов стал засыпать. Прикрывает глаза – разлепит. И когда кто-то проходил, он уже делал так: «Р-р-р-р...» Я говорю: «Стоп! Все! Вот он – Захар!» Потому что сыграть большой артист может все, что угодно. Не изображать характер, не произносить слова, которыми выражается этот характер, а существовать внутри характера – вот это действительно дорогого стоит. (*I, 126*)

(2007)

Я приехал сейчас со съемки, я отматерился за весь год, потому что постоянно натыкался на то, что каждый кое-как делал свое дело, целого не ощущает и не понимает, что ничего не останется в кадре, кроме артиста. Ни красивая обувь, ни правильно подшитые брюки. Есть артист, и вы должны мобилизовать всю мощь людскую, чтобы ему было комфортно. Чтобы он ощущал, что даже тяжелейшую драматическую сцену он играет для кого-то – не для миллионов зрителей, а вот для этих тридцати – сорока человек из съемочной группы. Они должны быть теми, кто зарядит его энергией, и это

возможно только при созданной атмосфере вокруг.

Сейчас такая мода: артист сыграл, все поаплодировали. Такая пошлятина, домашний любительский театр. А на самом деле всем наплевать, как он это сделал. Это проблема, которая притупляет актерское дарование, заставляет артистов принимать за правду то, что правдой не является. И артист начинает опускать планку, потому что в общем-то все съедается. И режиссеру вроде нравится, а режиссеру все нравится, потому что он не знает, хорошо это или плохо. Вроде весь текст сказал, все слышно было, все понятно. Ну и хорошо. Спасибо, снято.

Другая крайность – когда режиссер не знает, что он хочет, но он режиссер и поэтому, что бы актер ни сделал – нет, не то, давайте побыстрее. Побыстрее, почаще и немного поглубже...

И в результате возникает абсолютно порочный круг. (XIII, 3)

(2007)

Как я выбираю актера?

Я не берусь за картину, за сценарий, если не имею в виду конкретных актеров. Для меня сценарий – это только повод для картины. Мерил Стрип подписывает каждую страницу сценария, и если ее партнеру захотелось вместо слова «здравствуй» сказать «привет», то администратор вынужден звонить продюсеру, чтобы согласовать с Мерил Стрип: не бу-

дет ли она против? Для режиссера это полная катастрофа. Для меня, повторю, сценарий – это повод. Это не значит, что импровизация у актера возникает потому, что он не помнит текст, или не готов, или вообще только что его получил, потому что приехал с других съемок. А как раз напротив, потому что он готов блестяще.

Какой критерий, по которому я выбираю актера?

Насколько долго я без напряжения и дискомфорта могу смотреть ему в лицо. Я не задумывался об этом раньше, я не мог понять, почему иногда ну не хочется тебе поднимать глаза. Но у меня была история...

Не смогла сниматься актриса. Я взял другую, очень на нее внешне похожую. Это была моя такая маленькая и глупейшая месть: ну раз не хочешь – и не надо. Приезжает милейший человек, вежливый, образованный. Но не могу я смотреть ей в лицо!

Разговариваем, она играет, а дальше я ничего не понимаю, что с группой творится. А мы только сняли одну картину и все вместе перешли в другую. Удивительные вещи происходят: ничего не готово, все нервные, Паша Лебешев орет. Она одна такая вежливая ходит. Она должна приехать, мы ее снимаем, а такое ощущение, что все к зубному врачу идем...

Короче говоря. У нее получалось четыре выходных дня. Она попросила разрешить уехать к родственникам. Я ее не отпускаю, говорю, что она очень нужна, мы с ней о роли поговорим. Она соглашается, но делает по-своему. Вот! Я,

ухватившись за этот шанс, на свой страх и риск – как это снять актрису с роли при шестистах метрах полезной пленки?! – пишу письмо. Что, мол, так и так, договорились не уезжать, а Вы уехали...

К чему я это рассказываю. Не к тому, что кто прав, тот и хороший, а все остальные артистки – ведьмы. Конечно же, все на первую встречу придут к вам и красивыми, и милыми, чтобы понравиться режиссеру. Но важно вот тут, на кончиках пальцев, ощутить: есть ли юмор у человека? А взгляды на предметы похожи? Надо ловить то, что не видно.

А иначе долго можно будет себя уговаривать, что ничего, бывает и хуже. Я двужильный, выдержу. Но ничего не получится. Вы будете ползать, подпрыгивать, как куры, а полета не будет... (XIII, 3)

(2008)

Интервьюер: *В ваших фильмах снимается много украинцев. Это вопрос профессионализма этих актеров или все-таки идеологический? И будут ли у Вас новые проекты с молодыми украинскими режиссерами, сценаристами, актерами?*

Я человек старорежимный, потому пока вообще ничего не разделяю.

У меня нет такого – «вот, пожалуй, надо поснимать украинцев, а вот сейчас надо литовцев».

Для меня этих границ совершенно не существует.

Хотя, может быть, они и есть, потому что я сегодня в аэропорту Борисполь заполнял анкету, где написано по-английски и по-украински. Но я заполнял по-русски.

Может, меня поймут... (XV, 38)

(2008)

Интервьюер: *Почему в большинстве ваших фильмов главные роли исполняют одни и те же актеры?*

Если бы у меня был вахтенный метод работы, то снимались бы все время разные. Но согласитесь, было бы странно, если бы я любил и ценил одних актеров, а снимал совершенно других.

Коллектив, с которым ты работаешь – это как семья, к этому так долго идешь, так трудно собрать сочетающихся друг с другом людей, поэтому я и снимал часто одних актеров.

А разве это плохо? (I, 130)

(2009)

Вопрос: *А Вы кого больше любите снимать?*

Я люблю снимать тех, кто у меня снимается.

У меня сейчас появилась целая плеяда молодых в «Утомленных солнцем – 2» – Дюжев, Артур Смольянинов. С удовольствием с ними бы дальше работал. (I, 136)

(2009)

Интервьюер: *А каких актеров Вы сами предпочитаете,*

когда делаете режиссерский выбор? На что в первую очередь обращаете внимание?

Все это очень индивидуально — однозначно невозможно ответить. Бывает, актер нужен на полминуты, иногда требуется только его лицо...

Пьяницу в группу возьмете?

Если буду понимать, что в тот период, когда он необходим, мне не придется вынимать его из вытрезвителя, возьму, а вообще — нет.

А негодяя примите? Допустим, человек мерзкий, противный, антипатичный Вам лично до глубины души, но типаж...

Приму! Общаться, может, не будем, но то, что мне надо, он сделает.

Актрисы, самые выдающиеся, талантливые и красивые, признавались мне, что без романа во время съемок с режиссером зачастую ну просто никак. У Вас было много романов с актрисами?

Знаете, это ведь очень опасная вещь.

Чем?

Дело в том, что работа над фильмом должна происходить в состоянии внутренней, так сказать, вибрации...

Это как?

Когда ощущение нужности, терпкости, вот этот мускус между мужчиной и женщиной существует, но нельзя его удо-

влетворяют, потому что тогда то, что родилось, пойдет не в профессию, в дело, а выльется, грубо говоря, в постели.

Невозможно работать с актером, я уже не говорю с актрисой, если этот человек тебе неприятен...

И техника не спасает?

Ну, смотря по ситуации. Если это, к примеру, старуха-процентщица...

Нет, если любовь надо играть...

Если существует женщина, которая должна изображать с партнером, другим актером, любовь, ты все равно должен давать ей мужскую энергию, подпитывая ее в кадре, поскольку обычно того, что актер делает, не хватает.

И что, давать ей эту энергию получалось без постели, без секса?

Самое главное, что именно без него. *Неужели у Вас никогда ничего с актрисами не бывало?*

Нет, и тут я абсолютно тверд. У меня в этом смысле могло быть все, и тем не менее я очень рад, что ничего не было. Конечно, кого-то это обижало...

Перед смертью покойная Нонна Викторовна Мордюкова говорила мне, что этот вот мускус возник у вас на съемках «Родни» – там между вами тоже могло что-то случиться или исключено?

Могло, наверное...

Несмотря на разницу в возрасте?

Абсолютно. Нонна была вне возраста – настоящая жен-

щина.

И теоретически?

Ну как вам сказать? Оно, это ощущение, должно было быть, я все равно обязан его инициировать...

Ну хорошо, а когда актрисы сами проявляли инициативу (уверен, такое было!), неужели Вы говорили: «Нет, только не это!» – и в замешательстве убегали?

Понимаете, женщина должна быть ведомой, а если происходит наоборот – все, конец.

Тем не менее бывают же разные характеры, темпераменты...

Мне мужики в юбке неинтересны (я говорю про себя, не про всех), и если мужчина пользуется женщиной, то есть если ему важно обладание ею, их отношения – продукт скоропортящийся.

Я убежден абсолютно: тебе может быть с женщиной в кайф только в том случае, если ей хорошо первой.

По-моему, это аксиома!

Согласен, но, к сожалению, мы очень часто правильно теоретизируем и неправильно поступаем. Дело в том, что женщина, которая пытается поменяться с мужчиной местами – из ведомой стать ведущей, – мгновенно теряет для меня энергетику. Мне же как раз вот это движение интересно, пульсация, а не окончательный результат. Мне вопрос интереснее ответа. Поэтому вся моя энергия направлена туда, где эротическое ощущение не имеет никакого отноше-

ния к пальпированию, к прикосновению. Чувственность может проявиться на расстоянии двести метров и тысячи километров, в телефонном разговоре, однако важно понимать, что для этого необходимо совпадение амплитуд, которыми ты должен уметь руководить: больше-меньше, выше-ниже, а в результате – всплеск энергетики, температуры!

Собственно, в этом и состоит режиссура, работа с актером, и, может, отчасти по этой причине обо мне ходят разные слухи.

Знаете, как замечательно Ольбрыхский сказал? «По сути я педераст – техника только не нравится».

Как это расшифровать? Взаимоотношения между актерами, между актером и режиссером так или иначе носят характер чувственный, и эта чувственность не в раздувании ноздрей, не в хватании за руки, не в расстегивании лифчика или залезании в штаны, а в управлении той энергией, которая влияет на зрителя, потому что конечный результат – это то, что, возникнув здесь, передается туда. Если не возникло, монтажом можно как угодно резать – все равно мертво. (I, 137)

(2009)

Интервьюер: *Вы легко входите и выходите из своих ролей?*

Шаляпин сказал: «Я не плачу в своих ролях, я оплакиваю своих героев...»

Артисты, которые входят в роль так, что их потом колотун бьет – больные люди. Говорят: «Ах! Как она играла, что ее даже в больницу после этого повезли...» Это плохая актриса.

Есть, конечно же, и внутренняя жизнь актера, и то, что Станиславский называл актерской школой переживания, но есть еще и мастерство с техникой, и они должны прежде всего помогать артисту. (XV, 44)

(2010)

Интервьюер: *У Вас свои истории отношений со многими из тех актеров, которые снялись в новом фильме <«Утомленные солнцем – 2»>¹. Не мешали предыдущие опыты?*

Прошное не тяготит ни меня, ни их.

Бывают проблемы – ты работаешь с актером, вы друг друга любите, но актер вдруг убеждается, что эта любовь навсегда! И обижается, что в другом проекте любовь не остается прежней. На многих это оказывает тяжелое действие. Актер – это своеобразная невеста; если не снимешь его в следующем фильме, он превращается в брошенную жену. Но в этом фильме у меня с актерами все сложилось. Я позвонил Гафту и сказал: «У меня есть крошечная роль уголовника по имени Пимен, который знает Уголовный кодекс как свои пять пальцев, но иногда забывает и листает в воздухе страницы». Он спросил: «Когда, где?» Его час одевали, полтора

¹ Здесь и далее в угловых скобках примечания редактора.

часа гримировали, полчаса снимали. После этого он сказал: «Сколько я вам должен?» В любой шутке есть доля шутки. Он настоящий замечательный русский артист, и для него – счастье попасть в эту атмосферу. И для меня счастье. Для людей, которые любят друг друга, это возможность провести три часа вместе. А что здесь играет Алексей Петренко? Ерунда вроде бы! Я их что – заставил, купил? Они получили ровно столько, столько стоит их съемочный день. Но не ради денег они стали сниматься. Они пришли ради чего-то другого, что нельзя потрогать руками.

Кто-то отказался от предложения сниматься у Вас?

Замечательный артист – Сергей Колтаков. Роль была небольшая, хоть и важная. (I, 143)

(2010)

Все типажи актеров рождаются при написании сценария. Если ты не знаешь, кто будет играть, – это катастрофа. Значит, ты не представляешь, что это за персонаж, и начинаешь пробовать разных актеров. У меня так однажды было: режиссер планировал на одну и ту же роль Вицина, меня и Стриженова. Получается, человек просто не понимает, чего он хочет.

При написании сценария я не представляю конкретных артистов, я придумываю персонажей. Например, Юрок <из «Утомленных солнцем – 2»> – это мой тренер Юра Колобов со всеми его примочками. Я думал, что он даже сможет сыг-

рать в фильме, но он, к сожалению, не сумел этого сделать.

Юрок из Нижегородской области, район Павлова, Горбато-ва. Он говорит: «ай-яй», это нижегородский говор. Когда я ему: «Юрок?», он мне в ответ: «Ой?» Не «да», а «ой».

По сценарию Юрок должен был быть таким мистером Му-скулом, здоровенным качком. Но когда мы стали разбирать-ся и появился Дюжев, то к нему в пару нужно было совсем другого человека... (II, 66)

(2013)

Вопрос: *Бывали ли у Вас ситуации, когда в ходе работы над картиной Вы понимали, что Вы ошиблись в выборе ак-тера на какую-то роль? И что в такой ситуации делать?*

Это очень большая проблема. Беда.

Беда еще и потому, что ты знаешь – насколько актер ра-ним. Если ты понимаешь, что он «не тянет», вот так вот ему сказать: «Брат, извини, ты это не можешь играть», – это убить его.

Вот почему я не люблю «пробы актеров». Когда мы пишем сценарий, мы всегда уже имеем в виду конкретного артиста или такого же, как он. (XV, 75)

АКУНИН (2001)

Откровенно говоря, на чтиво у меня просто не хватает времени, только на литературу.

Но романы про Эраста Фандорина я прочитал и почув-

ствовал стойкий и при этом весьма тонкий аромат «ретро». А главное, Акунин нашел, на мой взгляд, верный ключ к сегодняшнему читателю...

Что касается фильма по Акунину, то да, мы обсуждаем с ним возможность экранизации «Статского советника» с Меншиковым в главной роли. Может быть, я и сам в этом фильме сыграю...

Я думаю, это кино могло бы родить нового героя. Пусть он будет героем из XIX века. Главное, что он человек, для которого ощущение собственной нравственной полноценности имеет первостепенное значение.

И при этом Фандорин не рохля, не кисейная барышня, умеет постоять за себя и других – тем и привлекателен. (II, 35)

(2003)

Интервьюер: *Сейчас на вашей Студии «ТРИТЭ» с фильмом «Статский советник» запускается Филипп Янковский. Я помню, что года два назад Вы сами хотели экранизировать Бориса Акунина. Почему отказались от этой идеи?*

Перезрел.

Та работа, которой я занимаюсь, как бы перемолола этот интерес, но я все равно хотел бы сниматься в этом фильме, играть Пожарского. Очень надеюсь, что Олег Меншиков тоже будет – это было одно из условий Акунина.

Мне нравится картина молодого Янковского «В движе-

нии», и я вижу, что он очень горит «Статским советником» сейчас, поэтому думаю, что есть перспектива снять хорошую картину. (I, 101)

(2004)

Вопрос: *А лично Вы знакомы с Акуниным? Говорят, в общении он человек сдержанный?*

Сдержанный-пресдержанный.

А какое произведение Вам у него больше всего нравится?

Сейчас с режиссером Филиппом Янковским мы снимаем «Статского советника». Вот этот роман мне больше всего и нравится – он показался самым мускулистым. (I, 104)

(2005)

Интервьюер: *Акунина Вы воспринимаете как беллетристику или такую литературу-литературу?*

Как беллетристику, конечно.

Но это интересно. Это подробно. Это интересно читать. Очень ясные и выпуклые характеры, лихо закрученная интрига, и конечно, это трудно сравнить с тем детективным чтивом, которое мы видим в последнее время. Акунин – все-таки писатель.

То есть лет через сто его, возможно, будут воспринимать более серьезно, чем при жизни, как произошло с Дюма каким-нибудь?

Дюма, мне кажется, как воспринимался, так и восприни-

мается.

Ну, а Агата Кристи? Она тоже классика, и в своем жанре. Или Конан Дойл... Трудно сказать, что «Шерлок Холмс» – глубинное, серьезное исследование человеческой психологии и жизни. И тем не менее – это классика. И главное, что фигура Шерлока Холмса стала как бы знаковой.

Фандорин, Вы думаете, туда же?

Это уже произошло.

Сегодня Фандорин для читателя уже во многом стал знаковой фигурой.

И экранизации, которые сейчас идут и которые еще впереди, из него, думаю, могут сделать такого комиссара Мегрэ.

Вы ведь с Акуниным придерживаетесь противоположных воззрений на историю. Он западник в классическом, девятнадцативековом понимании.

У нас были с ним по этому поводу какие-то разговоры, разногласия, но они не носили кровавого характера. И, кроме того, я сумел его кое в чем убедить.

Скажем, в финале «Статского советника» Фандорин уходит. Я попытался объяснить Акунину, что если он настоящий офицер, настоящий мужчина, если в нем есть стержень, то для него не может быть таких понятий: ах, я обиделся, я ушел. Он служит. Он должен служить. И когда ему говорит старичок камердинер: «Ну на кого ты нас оставил?», то, мне кажется, несмотря ни на что, он должен вернуться к этому отвратительному человеку и сказать: «Ну что делать, будем

служить. Вы на своем месте, я на своем». И это не компромисс. Это не то, чтобы он просто сдался и пошел за сильными. Наоборот, он себя переломил. Сломал, но ради дела. Чтобы не бросить тех людей, за которых он отвечает...

Понимаете, он каждый день имеет дело с тем, с чем людям иметь дело не хочется. Как говорил Иван Ильин (не цитату говорю, а смысл): никогда не жалуйся на время, ибо ты для того и рожден, чтобы сделать его лучше.

Для меня Фандорин по-человечески симпатичнее, и я его больше уважаю, если он возвращается и продолжает служить.

Но это очень странно. Акунин кропотливо, из книги в книгу создавал образ человека, который не хочет быть частью несправедливой системы, переживает, дистанцируется от нее.

А я и не думаю, что ему надо мешать испытывать моральные неудобства. Он же не принял это. Но как считать: главное, чтобы моей душе было спокойно, или я буду пытаться все-таки, стиснув зубы, что-то улучшить, чтобы более слабые, чем я, не страдали от этих мерзавцев? Ну и потом, Акунин ведь такой человек, если он не соглашается, он не сделает этого. И, видимо, мне все-таки удалось привести какие-то достаточные аргументы. (II, 47)

«АЛЕКСАНДР»
(2005)

Я придумал абсолютно точное определение этому фильму.

Это когда прапорщик прочел четыре страницы учебника по истории, обалдел и решил пересказать их своим солдатам.

Вот на таком уровне снят фильм о Македонском! (III, 6)

АЛЛИЛУЕВА СВЕТЛАНА (2005)

Мне задали вопрос: правда ли, что Светлана Аллилуева, посмотрев мои картины «Обломов» и «Механическое пианино», возвратилась в Россию из эмиграции?

Я на это ответил: да, но ведь вскоре она уехала...

Интересно, что она посмотрела из нашего кино, чтобы опять уехать? (II, 49)

«АЛХИМИК» (2004)

Вопрос: *Я слышал, Вы хотите снимать фильм по книге Козьмо «Алхимик»?*

Да, хотел и еще хочу.

Это очень красивая история о поиске Бога. В ней действует мальчик-испанец, но, если бы это я снимал, я бы перевел все это вообще в кавказскую тему.

Может быть, так и сделаю. (I, 104)

АМЕРИКА

(1998)

Разве не демократичная страна Америка?

Но я был потрясен, когда я показал свою картину < «Сибирский цирюльник» > американскому актеру и режиссеру Кевину Костнеру и попросил его высказать свое отношение. Я получил четыре страницы соображений, из которых две страницы – это были дифирамбы, а дальше, по пунктам, предложения, которые, как считал мой американский коллега, были бы интересны для американских зрителей.

Я прочел его замечания – это наше Госкино двадцатилетней давности. (И это самая демократичная страна!) Например: так как ваша героиня намекает на то, что она была раньше проституткой, то было бы неплохо, чтобы она была не американкой. Пусть она будет приехавшей в Америку англичанкой. А американский сержант грубовато обращается со своими юнкерами, было бы неплохо это смягчить. И так далее...

Что это значит? Они что, боятся цензуры?

Нет, но у них есть свои правила, которые они не перешагивают... (VI, 1)

(1999)

Меня пугает одна вещь.

Мы уже замечательно знаем законы Америки, нравы Америки, лица Америки, героев американских. Мы знаем замечательно устои жизни Америки, основные ценности Амери-

ки.

Но мы абсолютно перестаем знать, что такое мы.

Моя дочь или ваш ребенок, дети сегодняшние, которым уже шесть, семь, восемь, десять лет, будут знать о войне по фильму Спилберга. Они будут знать, что американцы спасли мир от великой Второй мировой войны.

Все это серьезно, и это называется идеология. И очень грамотная идеология.

В американском кино есть и проститутки, и наркоманы, и нехорошие люди, и коррупция, и преступники. Но там существует нечто такое, что перешагнуть нельзя: уважение к своей стране, уважение к своему народу, уважение к закону. И всегда появляется полицейский рано или поздно, который, рискуя жизнью, спасает. Это не значит, что всегда так.

Но американцы, которые доказывают, и американская власть, которая доказывает, что она защищает своего гражданина на любой территории, в любой точке земного шара, это дает людям надежду, что они не зря живут.

Они гордятся тем, что живут в великой стране. (VI, 2)

(2001)

Америка следует своему кино.

Американцы похожи на героев своих фильмов. Но не народ создал это кино, а кино создало этот народ – с невероятной наивностью и верой в происходящее на экране и с абсолютным отсутствием необходимости какого бы то ни бы-

ло объяснения психологических ситуаций. Только что убили восемь человек и тут же, на месте преступления, занимаются любовью. Или почему-то никого не волнует, почему у героя никогда не кончаются патроны, сколько бы он ни стрелял?

Кино вывело американцев из кризиса 1930-х годов. Оно создало иллюзию, сказку, мечту, и народ последовал этой мечте, положив ее в основу своей страны. Теперь уже не важно, кто следует за кем, кино за страной или страна за кинематографом.

Как и в жизни, в этом кино есть все: добрый и злой, есть вампир и есть проститутка, есть убийца, но в конце фильма либо шериф, либо просто полицейский, либо губернатор накажут Зло. Офицер выполнит долг, а семья останется основной жизни.

Чем не свод кодекса строителей коммунизма? (II, 36)

(2001)

Американские художники, по крайней мере кинематографисты, сделали американское государство.

Через образы, созданные в американском кино, воспринимается образ Америки, как в этой стране, так и во всем мире.

Удивительно слаженная система взаимоотношений государства и художников... (I, 84)

(2002)

Подумайте еще вот о чем: откуда весь мир знает о великой Америке?

Только из голливудских фильмов!

США сумели заставить всех людей на планете поверить их легенде, их мифу о самих себе. Голливудское кино фактически создало «непобедимую и легендарную Америку», и теперь реальная Америка изо всех сил пытается соответствовать своему образу на экранах. При всей громогласно декларируемой свободе слова Америка про другие страны посредством кино может сказать все, что угодно, а возможности достойно ответить практически ни у кого нет. (I, 89)

(2010)

Америка не страна.

Америка – это проект. Успешный коммерческий проект. (II, 64)

АМЕРИКАНЦЫ

(1992)

Американцы совершили с миром некое тихое и не тихое насилие, внедрив в сознание многих эгоистическую идею, что только то, что интересует их, может интересовать других.

Именно здесь лежит граница между ними и нами, между Америкой и Евразией. (II, 24)

(2001)

<После событий 11 сентября в Америке> возникла цензура. И ряд картин закрыт. И возникает вопрос о непоказе фильмов, разлагающих патриотические чувства американцев.

Мы же в подобной ситуации возмутимся, и в том же Союзе кинематографистов мгновенно соберем «Пленум по свободе слова». Потом нас сломают или не сломают; кто-то уйдет в несознанку...

Американцы же отправятся по намеченному пути спокойно и ясно... Сейчас американцы всё с наслаждением выполнят и не будут ощущать над собой насилия, поскольку «это нужно сегодняшней Америке». Они раскупили флаги, противогазы и антибиотики – потрясаяще! (I, 82)

(2002)

Американцы привыкли верить, что только их фильмы, только их звезды и только их «Оскар» есть то единственное важное и интересное, что происходит во всем мире кинематографа. Остальное для них – этакая тараканья возня. (I, 89)

Американцы и Россия (1999)

Россия всегда для американцев представляла загадку. Представляет она загадку и для меня...

Американцы, по моим наблюдениям, несмотря на все наши потуги как-то донести до них «правду о российской жизни», мало что о нас знают. И одна из моих целей – это все-

таки дать им реальную российскую картинку...

Ну что американцам сегодня известно о России? Это дефолт, коррупция, Чечня. Плюс еще наши политики: Ельцин, Путин, Березовский, Примаков...

Но тем не менее Россия не так уж плоха, и не надо о России судить только по Москве. Москва – это большая «песочница», в которой постоянно что-то строят, ломают, переставляют маленьких человечков – премьеров, министров, других чиновников. А ведь Россия – это девять часов лета на самолете. Летишь над этой территорией, а ведь внизу все говорят по-русски. Я вот привез к себе на дачу американца Роберта Де Ниро, показал ему русское солнце, лес, поля. Он уже больше не думает о России, как о каком-то зверинце...

Да, американцы – это своеобразный котел мировых культур, а Россия в этом плане – византийский котел. Я считаю, что, как и в Америке, для русских самое главное – состояние души... (I, 78)

(1999)

Есть ли у американцев национальная идея? Конечно.

Но она объединяет людей не по цвету кожи или кучерявости волос, а по принадлежности к нации, внутри которой не существует деления на мексиканцев, афроамериканцев, немцев, евреев.

У них один флаг, один гимн, одни законы. И президент у них, кстати, тоже один.

Каждый гражданин США знает: как он относится к стране, так и страна относится к нему. Любой американец, в любом уголке Земли может рассчитывать на помощь и защиту своего государства.

Вправе ли мы сказать то же о России? Риторический вопрос!

Но, к слову, это не означает, будто мы меньше любим Родину. Патриотов у нас всегда хватало.

Вам нужны фамилии? Пушкин – патриот, каких поискать. Но именно Александр Сергеевич Пушкин сказал: я глубоко презираю свое Отечество, но ненавижу, когда это говорят другие... (III, 6)

(1999)

Мне кажется, что Россия и Америка очень близки друг другу по географическому ощущению. Вы знаете, это не Москва, где выглянул в окно, а напротив уже другое окно и другая жизнь. Просто русским и американцам в силу своих огромных народов и территорий нужно время для понимания друг друга...

Мне кажется, что из американского опыта нам прежде всего нужно перенять уважение американцев к закону. Но при этом нам нужно сохранить и мысль об уникальности России в мировом пространстве. Кстати, когда американцы постоянно твердят мне об уникальности России или таинственной русской душе, то я им все время говорю: важно, в

каком контексте вы рассматриваете Россию. А то ведь что получается: будем воровать – и это тоже уникальность.

Меня такое не устраивает. В то же время я хочу, чтобы Россия была неременной частью мирового сообщества, тесно взаимодействовала с Америкой, но при этом сохраняла свое индивидуальное лицо...

Так что не надо мусолить одну и ту же бумажку – спасать Россию, помогать России, что-то там ей подбрасывать, подкидывать. Мы достаточно богатая и сильная страна и со своими проблемами справимся сами. А будет у нас при этом Америка в друзьях, тем лучше.

Самое главное, разобраться со своими проблемами дома... Тогда и кино будем вместе смотреть, и в космос летать.
(I, 78)

(1999)

Американцы гордятся лучшим, а мы умеем любить даже худшее, что в нас есть. Мы восторгаемся: «Как он, сволочь, пьет! Ах, как гуляет!»

Вы можете себе представить, что подобную фразу скажет американец?... (III, 6)

(2003)

Понимаете, американцы занимаются своей жизнью, они заняты своим делом... Вообще Америка, которая снимает очень большое количество фильмов о войне, – это един-

ственная страна, которая снимает такое кино, но на территории которой никогда не воевали иноземные захватчики.

Это принципиально важный вопрос.

Поэтому американцы освобождают Анголу, Корею, Вьетнам – и везде американский солдат проявляет мужество и берет на себя право и смелость охранять и защищать какие-то чужие народы, о которых, в общем-то, большинство американцев представления не имеет.

У нас несколько другая ситуация. Все-таки не было такой страны, которая испытала такое, что испытала наша страна в течение этих четырех лет войны. Не было такого! Одна Курская дуга чего стоит или Сталинградская битва.

Ведущий: *Когда Вы говорите, что американцы занимаются своей жизнью, я позволю себе с этим не согласиться, поскольку американцы занимаются и нашей жизнью. Современное поколение тех самых двадцатилетних узнает о войне часто из американских фильмов...*

Вы неправильно поняли.

Американцы занимаются своей жизнью не в том смысле, что они заняты в себе и сами в себе развиваются. Нет. Они заняты своей жизнью – это значит, что они хотят заставить мир видеть Америку такой, какой хочет ее видеть Америка.

Поэтому я и говорю: они заняты собой... (V, 16)

(2008)

Интервьюер: *Меня вот что удивляет – в политике, в*

дипломатии Россия завела такой независимый тон, смело критикует Америку, если что не понравится, и это понятно, даже и разумно. Однако, как посмотришь наше телевидение, особенно после 23-х – «ни звука русского, ни русско-го лица». Сплошь скверные, дешевые американские фильмы, ими вся сетка вещания забита. Политики грезят себе что-то, как будто сидят на летающем острове Лапуту, как у Свифта. А кто-то реальный выходит, облучает массы совершенно чужой жизнью, чужими моделями поведения.

Вы абсолютно правы!

А что делать? Все непросто. В эту ауру вовлечено множество людей, и многие даже не понимают, во что они вовлечены и кто ими руководит.

Вы знаете, почему американцы не дублируют иностранные картины? (Они всегда идут с субтитрами.) А для того, чтобы не возникло ощущения, что те люди, которые им неизвестны и чужды – вдруг легко и правильно говорят на их языке.

Там обо всем этом думают!

У агрессивных технологий управления нет мелочей. Геббельс запретил в армии шнурки на ботинках. Потому что немецкие спецы просчитали, что человек, наклоняющийся завязать ботинки, получает прилив крови к мозгу и, соответственно, заряд энергии для мыслительного процесса. А не надо этого процесса!

Мы же ко всему относимся – «ха-ха»! Вот скажите где-

нибудь про засилье американских фильмов, что это неспроста – засмеют. А кто-то делает свое дело медленно и аккуратно. Деньги вкладываются, дела делаются.

Я принес Путину одну школьную тетрадку. Что было на обратной стороне школьной тетради нашего с вами детства? Пушкин, таблица умножения. А здесь – четыре портрета американских президентов! Кто-то ведь помог своим спонсорским вкладом, чтобы вместо таблицы умножения были американские президенты, чтобы наши детишки знали их, как таблицу умножения.

Это вопрос серьезный. И американцы – люди серьезные. Они вот свою нефть спрятали под замок, они ею не пользуются, мало ли, когда-то через сколько-то лет понадобится, а мы расточаем...

Я бы сделал все, чтобы телевидение не облучало скверными американскими фильмами отечественную аудиторию. Вот скажите, что делать – пойду и сделаю. (I, 132)

«АННА КАРЕНИНА»

(2013)

Вопрос: *На мой взгляд, Вы единственный режиссер, который мог бы снять такой тонкий и трепетный фильм, как «Анна Каренина». Вы не хотите прикоснуться к Толстому?*

Ну, я бы хотел, чтобы меня вначале не растерзали, посмотрев «Солнечный удар» по Бунину...

Вы знаете, я как-то робею, хотя, может быть, здесь и не то слово – робею. Такая глыба – Толстой...

Я «завидую» людям, которые говорят: «Ну чего там, Толстой, Достоевский... Оп-па! Раз – и все, пожалуйста!» Но я думаю, что слишком велики они для такого скорого прикосновения. Уж и к Бунину-то я шел долгих тридцать с лишком лет. И дело не в том, что я стою в «третьей позиции» и кокетничаю. Просто, когда ты читаешь Толстого или Достоевского, – это такое небо, такая бездна...

Вот Сергей Федорович Бондарчук – он бесстрашный человек, он сумел опереться на прозу Толстого. В его картине очень много текста толстовского. Там закадровые философские размышления Толстого, они сразу же задают масштаб картины. Именно поэтому мы в «Обломове» так же использовали текст романа, который замечательно читает за кадром Толя Ромашин, и мы даже «подложили» шелест перелистываемых страниц, чтобы зрителю было понятно – мы читаем Гончарова. Это было принципиально важно...

Меня очень интересуют «Казаки» Толстого. Очень современная картина может быть. О том состоянии человеческого духа, когда война не лишает человека достоинства. Когда не берут в заложники беременных женщин, с одной стороны, а с другой – не говорят, что мы одним парашютно-десантным полком всю Чечню поставим на колени. Вот этого – в «Казаках» нет, хотя там есть и человеческая трагедия, и реальная война...

Поэтому мне было бы интересно «Казаков» снять...

А «Анна Каренина»?..

Так много подряд их было. Вот и сейчас, еще новая картина вышла; к ней можно по-разному относиться, но я считаю, что это красивая картина. Но я, на сегодняшний день, себя в этом не вижу...(XV, 79)

АННА СТЭН

(1989)

Интервьюер: *Недавно по телевидению Вы выступили перед картиной «Девушка с коробкой» и рассказали, что недавно в США наконец нашли «девушку своей мечты» Анну Стэн...*

Во всей истории с Анной Стэн самым главным результатом явилось то, что на ТВ позвонила ее родная сестра Евгения Петровна, которая ничего не знала об Анне пятьдесят лет. Последняя открытка пришла от Анны в 1937 году из Германии. Я ее видел – фотография уже голливудской звезды и подпись: «Моей сеструхе Жешке. На память Анечка». Евгения Петровна не стала тогда отвечать – боялась. И с тех пор она даже не знала, жива ли Анна...

Я просто был влюблен в эту женщину.

Евгения Петровна показала мне фотографии Анны Стэн того далекого периода. Это удивительное соединение озорства, обаяния, изящества. Бывают такие существа, которые абсолютно идеально совпадают с окружающим миром и

очень органично себя в нем чувствуют. И в них интерес и любовь к этому миру, к этому времени, к этой эпохе – наиболее аккумулированы... Для начала прошлого века – это Пушкин. Для второй его половины – Достоевский... Это *нечто*, концентрирующее в себе все вместе, может быть, совсем по-немногу.

Такой для меня была Анна Стэн... (II, 18)

АРИСТОКРАТИЯ

Аристократия и интеллигенция (1988)

Интервьюер: *По происхождению Вы аристократ. Скажите, как Вы передаете семейные традиции в каждодневной жизни своим детям?*

Для этого, наверное, сначала нужно определить, что называть аристократией. Аристократы – это одно. Интеллигенция, которая могла быть аристократией, а могла и не быть ею, оставаясь интеллигенцией. Равно как и аристократ мог и не быть интеллигентом. Я считаю, что мощнейшая сила русской культуры – дворянство, которому мы должны быть благодарны за то, что имеем такую культуру.

Мои предки восходят к очень высоким фамилиям. Мой пращур был постельничим у царя Алексея Михайловича, следовательно, являлся его родственником, потому что постельничим не мог быть человек неродственных кровей.

Я считаю, что русская интеллигенция – это в первую оче-

редь глубочайшее понимание того, что такое демократия. Я не имею в виду заигрывание с нижестоящим на социальных ступенях человеком. Нет, не об этом речь...

Внутренняя культура, сознание того, как говорил всегда болеющий этим Чехов, что за дверью каждого счастливого человека должен стоять кто-то с молоточком и стучать ему о чужом несчастье. Вот это чувство и есть отличительная черта русской интеллигенции, русской аристократии... (II, 17)

АРМИЯ

(1993)

Итак, я должен был идти в армию...

21 октября мой день рождения, исполнялось двадцать семь лет, а после этого по закону уже в армию не брали. Я должен был пойти в кавалерийский полк при «Мосфильме». Снимался я тогда у Сережи Соловьева в «Станционном смотрителе» и мало задумывался над этим... В то время я только познакомился с женщиной, которая потом стала моей женой. Таня, она работала манекенщицей. Я уже начал готовиться к «Своему среди чужих»...

Приехал на городской сборный пункт: колючая проволока, КПП, забор. Потом кончается забор, идет лес, и с этой стороны может кто угодно зайти, кто угодно уйти... Совсем как в России!

Привозят два ящика водки. Делать нечего, пьем. Сопровождавший меня господин напивается вусмерть, и я обнару-

живаю его в туалете, с раскрытым портфелем, и военный билет мой трепещет в писсуаре. Я вынимаю этот военный билет.

Возникает первое искушение: вот сейчас я его спускаю в унитаз — и все, нет такого призывника, копии в военкомате нет — как не существовало. Мне надо было только до дня рождения продержаться. Но тут гены предков сработали, сказали: нельзя этим пользоваться, дурно. Я высушил свой билет.

Короче... в течение недели я беру кого-нибудь из дежурных, еду в Дом кино, меня уже все проводили, уже веселятся с моими девочками... Уже меня нет, я возвращаюсь, как призрак.

Ночую в квартире, в которой не должен ночевать... Этот парень, сопровождающий, который совершенно уже очумел от всего от этого, говорит: «Я тебя прошу, уходи!» Мы садимся на автобус и едем на Таганскую. Я ему говорю: «Хочешь, с Высоцким познакомлю?» Он не верит и... ругается: «Иди ты!» Я захожу в театр на Таганке со служебного входа и спрашиваю: «Володя есть Высоцкий? Позовите, пожалуйста». Его зовут, он спускается с гитарой и начинает петь, потом послал за бутылкой водки.

Короче, когда я добрался до сборно-призывного пункта, меня распределили в стройбат в город Навои, тогда это был еще СССР, но уже тмутаракань. Я подхожу к полковнику и говорю: «Товарищ полковник, тут ошибка произошла, меня

отправили в стройбат в Навои. Дело в том, что у меня два высших образования, и, копая окопы лопатой, я вряд ли принесу пользу армии и стране...» Он говорит: «Да что ты мне мозги паришь? Хочешь в Москве, что ли, остаться? Так и говори!» Я говорю: «Нет, это не так, и я Вам сейчас докажу! Куда уезжает самая дальняя команда?» – «На Камчатку». – «Ну вот меня и отправляйте на Камчатку...»

Он так пере... испугался. Потому что он так прикинул: хрен его знает – Михалков. Он получил распоряжение, уже знал, что со мной нечего церемониться. Но испугался: вдруг нажалуются, припишут самоуправство. Заставил меня написать заявление, все приговаривая: «Ты сам захотел...»

И таким образом я попадаю в команду, улетающую на Камчатку. Это был колоссальный момент, также связанный с фразой, которую постоянно повторяли в нашей семье: «От службы не отказывайся, на службу не напрашивайся».

Мое путешествие на Камчатку на самолете – это особый фильм. Потому что капитан-лейтенант, который нас сопровождал, напился в первые двадцать секунд после взлета, и дальше всю группу во время перелета с пятью посадками сопровождал я, он мне отдал пистолет, все документы... Потом, уже много позже, было путешествие на собаках – сто семнадцать суток, с юга Камчатки на север Чукотки. Нас было шесть человек...

Вообще, в моей службе было много почти мистического. Например, когда я однажды замерзал в тундре, меня спасло

созвездие Большой Медведицы, но это отдельная история.
(III, 2)

(1998)

Очень много дала армия.

После двух высших образований я служил полтора года на флоте на Тихом океане. Были разные лживые слухи, что отец как-то в этом участвовал. Все это неправда, он даже не знал, где я служу, пока мне не разрешили писать письма из «учебки».

В свою очередь это я «помог» своему сыну Степану оказаться на Дальнем Востоке в морских погранцах на три года. Я понимал, что это было для него единственным спасением.

А моя армейская история, Бог даст, еще впереди. Я когда-нибудь издам мои записные книжки, дневники, которые я вел в армии, и потом их двадцать три года прятал, потому что, если бы обнаружили, мне бы мало не показалось.

Тогда и станет понятно, что в 1972 году я по своим убеждениям не сильно отличался от 1998 года. (I, 76)

(2004)

Вопрос: *Я служил на Камчатке и Вас там видел. Вспоминаете это время?*

Это одно из самых счастливых времен моей жизни.

Знаете, многие будут смеяться и пожимать плечами, но в ответственной несвободе есть тоже какая-то прелесть. Я

научился терпению, научился доходить до конца в том, что начинаю.

А потом, я думаю, что масштаб страны нужно ощущать физиологически, а не только глядя на карту или сидя в самолете. (I, 104)

(2005)

Интервьюер: *Вы на флоте год служили после института... И сына Вы отправили тоже на флот на Дальний Восток – почему? При всей дедовщине, при голодных смертях матросов на острове Русский...*

У нас в части ничего такого не было.

Трудно было представить элитную часть воинства великой страны, в которой бы творились такие безобразия.

Я всегда считал, что любой мужчина, который хочет продолжать жить в нашей стране, должен пройти армию.

Речь идет не о том, что его должны там воспитывать – просто дело в том, что армия всегда была для России не только средством нападения и защиты, но и образом жизни. И недаром малолетние великие князья ходили в мундирчиках тех или иных полков.

Для меня возможность прикоснуться к этому – во многом вещь символическая, метафизическая. Так что я не жалею ни об одном дне из тех, что я там провел. И очень рад, что Степан провел там три года в морских погранцах. (II, 49)

(2011)

Интервьюер: *Вы один из немногих представителей российской элиты, кто служил в армии, да еще на Тихоокеанском флоте.*

Да, почти два года на Камчатке и Курилах.

До недавнего времени Вы возглавляли Общественный совет при Министерстве обороны. То есть жизнь армии, как советской, так и российской, Вам достаточно хорошо известна. Чем отличаются современные солдат, офицер и генерал от своих советских предшественников?

Даже несмотря на идеологию советского времени, были сильны традиции. Была жива преемственность между российским флотом, который всегда был элитой русского воинства, и флотом шестидесятих годов прошлого века, в котором я служил. Существовала гордость, ощущение причастности. У людей, пришедших на флот, было время, чтобы его полюбить. В «учебке» призывники постигали морской кодекс, становились людьми, подготовленными к сложным и успешным действиям в условиях морской стихии. Это совершенно другая категория людей.

Во всяком случае, совсем недавно у флота не было средств для проведения плановой полномасштабной боевой подготовки в море. Сегодняшние матросы не успевают всего этого вкусить за отпущенный срок службы. И если вдруг им придется выйти в море для защиты наших берегов, это может стать большой неожиданностью и странностью для многих

из них.

Это Вы о матросах?

Да. К моему большому сожалению – это результат все-разъедающей демилитаризации. Ее мы наблюдаем начиная с суворовских и нахимовских училищ, где, как мне говорили, со стен снимают планшеты с русскими победами. То есть хотят привести училища к некой институции, которая готовит юных граждан по широкому профилю. Они могут стать офицерами, а могут – менеджерами или банкирами.

На мой взгляд, эта необязательность приводит к ужасающим последствиям. Если юноша либо отдан родителями, либо сам пришел отдать жизнь служению Отечеству и не ощущает обязанности стать офицером, – это практический подрыв офицерского корпуса.

Сегодня это очень большая проблема.

Вы имеете в виду, что суворовцы и нахимовцы отныне получают не военное, а гуманитарное образование? Для чего тогда предназначена современная армия? Может, она и вовсе не нужна? Есть атомная бомба – и достаточно.

Мне кажется, я знаю русский характер. Может быть, он ортодоксальный, может, патриархальный. Но я не вижу в менталитете уже ушедших жителей страны и ее современных граждан большой разницы. Поэтому постулат: «Мы им платим деньги, они будут воевать за эти деньги», – является абсолютно эфемерным, ошибочным.

Русский человек воевать только за деньги не будет нико-

гда. Хотя он и любит деньги. Но даже если нанять русского человека открывать шлагбаум за большие деньги, пройдет время, и ему захочется не просто получать деньги, а чтобы его замечали, а лучше – приветствовали. А то возьмет – и не откроет шлагбаум, если его не будут уважать. Это метафора. Но русскому человеку нужно больше. Ему нужно уважение, нужно чтобы с ним разговаривали, чтобы он был услышан...

Чем Вы объясняете такие убийственные факты, как поборы старших командиров с военных летчиков и питание солдат собачьими консервами?

Это общая атмосфера. То же самое в образовании, медицине, тяжелом машиностроении, армии, авиации, торговле... Это составляющие некоего внутреннего разложения.

Невозможное стало возможным... Вы можете себе представить капитана Тушина из «Войны и мира», или адмирала Нахимова, или Василия Тёркина, собирающих мзду со своих подчиненных за то, что они у него служат?

В стране, где существуют уважение и достоинство, это невозможно...

Еще при Борисе Ельцине начались разговоры о том, что армией должно руководить гражданское лицо. Сейчас ею командует бывший бизнесмен от мебельной промышленности, затем – глава налогового ведомства. Как Вы считаете, этот опыт для Российской армии можно считать удачным?

Все дело в поставленной задаче. Предположим: нужно разобраться в финансовых и коррупционных нарушениях, в

целесообразной численности высшего командного состава, генералитета, в рациональном использовании рабочих мест. Это тяжелая рутинная работа, куда входят и сокращение, и переводение в другие «плоскости» огромного количества чиновников от армии, помощников, заместителей, управляющих – гигантской машины, которая проедала немереные государственные деньги. Если он это приведет в порядок, то это правильно и хорошо.

И все же было бы целесообразно, чтобы этим занимался первый заместитель министра – гражданский человек. А министром обороны был бы военный, который понимает и стратегию, и тактику военного искусства. А также красоту строя и красоту военной формы. При этом замминистра предлагал бы возможные варианты, из которых выбиралось бы то, что не провоцировало бы демилитаризацию армии, ее ослабление, ломку морального духа и ее нравственного состояния.

Так было бы правильнее. Сегодня для армии сделано очень многое. В частности, высвобождено большое количество денег. Честь этому и хвала. Но это не значит, что армейские устои нужно разрушать...

Давно идут разговоры о союзе Российской Федерации с Североатлантическим альянсом. Наши военные заводы уже делают патроны по стандартам НАТО, сейчас закупаются «Мистрали».

Я не специалист в этом вопросе. Могу говорить о духов-

ной составляющей. К сожалению, не вижу, чтобы что-то изменилось со времен Александра III. Он говорил своему сыну: «Запомни, Ники, союзников у России нет, они боятся такой огромной страны. Наши союзники – это русская армия и русский флот!»

Что изменилось за это время? Разве у нас появились союзники, которые будут за нас жизнь отдавать?

Так что разговоры о вступлении в НАТО, может, и заманчивы. Но я не верю, что можно безоглядно идти на этот шаг, хотя бы имея опыт наших договоренностей о ПРО. Похоже, в НАТО на них, как говорил наш мичман Криворучко, «положили с прибором»...

Современный мир погружен в целую кучу проблем: с погодой, с продовольствием, с религиозными распрями и терроризмом. Не дай бог, но вполне может случиться какой-то военный катаклизм типа мировой войны с участием России. Вы как человек, который был в Общественном совете при Министерстве обороны России, посещал войска, с офицерами и солдатами говорил, можете ответить: у нас есть шанс выйти из этой войны без потерь?

Только на личном фантастическом героизме, интуитивном, природном. На генетической памяти мужества и жертвенности отцов и дедов. Таким блеснули в Афганистане бойцы 9-й роты и вошли в историю. (I, 155)

АРТЕМЬЕВ ЭДУАРД

(2012)

Вопрос: *Всегда ли Вы знаете, что будете работать с Эдуардом Артемьевым над новой картиной? Бывали ли моменты сомнений?*

Нет. У меня никогда сомнений не было.

У меня был только один случай в моей жизни, когда я работал не с Эдуардом Артемьевым. Это был, правда, тоже неплохой композитор – Франсис Лей; это было на картине «Очи черные». Леша написал замечательную музыку. (Кстати, для справки, Эдуард Николаевич Артемьев – в крещении Алексей, поэтому очень многие путаются и не могут понять, тот ли это Артемьев? Так что Леша Артемьев и Эдуард Артемьев – это один и тот же человек.) Мне не дали с Лешей работать, как я уже сказал, он написал замечательную тему, но итальянские и французские продюсеры решили, что для бренда, для саундтрека, для зрителя все-таки более известно имя Франсиса Лея. У него уже было тогда несколько платиновых пластинок. Поэтому он и писал музыку для этого моего фильма.

У меня никогда не было сомнений – работать мне с Эдуардом Артемьевым или нет. Он может все. Я считаю, что он гениальный композитор, потрясающий абсолютно человек. Невероятной доброты, трогательности, отзывчивости, совестливости. Вот если может быть святой в искусстве, то это – Леша Артемьев. Он бывает капризен, он бывает неудобен, он бывает жестко на чем-то настаивающий, но я нико-

гда не видел, если он молчит, чтобы в нем не звучала музыка. Это удивительная вещь: где бы ни были, вдруг он что-то: м-м-м-м... «Леша, ты чего?» Он молчит. Выпиваем, разговариваем, он опять: м-м-м-м-м... «Леша?» – «А, ничего». И все! Музыка в нем звучит все время. Он – человек-музыка. Поэтому я думаю, что мне лично никто другой не нужен. Хотя я уважаю многих замечательных кино-композиторов, которые у нас есть и музыка которых мне очень нравится.

С Артемьевым можно говорить на птичьем языке, так же как с моими монтажерами, когда ты можешь сказать им: знаешь, здесь надо сделать чуть потеплее. Точно так же и в музыке. Артемьеву можно сказать: слушай, надо чуть похолоднее, понимаешь, если мы здесь такой накал дадим, то к концу мы уже не поднимем зрителя до финала в этой эмоции. И скажем, я редко видел композитора, который так жесток к своей музыке...

Для Артемьева музыка – все, что звучит. Это гениальное его свойство. У нас были ситуации, когда мы замечательный музыкальный кусок заменяли просто тем, как о блюдечко бьется чашечка в руках у Лены Соловей. Это было сильнее, чем любая музыка. Но понимать это, ощущать это – для этого нужно быть Артемьевым.

И Артемьев абсолютно прав: все, что звучит – музыка. Все – шаги, писк птицы, телефонный звонок и так далее, и так далее...(XV, 70)

АСТАФЬЕВ ВИКТОР ПЕТРОВИЧ (2005)

Он вправе был многое сказать, на что не имели права другие...

Астафьев был человек очень эмоциональный, взрывной, очень категоричный. Я не думаю, что он сидел и выдумывал – как бы ему поправильней выразиться, как бы сформулировать...

Говорил, что думал.

Он быстро остывал, он был человек раскаивающийся... Вообще замечательный был человек. Настоящий русский большой писатель. (II, 49)

АСТРОЛОГИЯ (2009)

Вопрос: *Вы свою жизнь по звездам сверяете?*

По звездам? А как это?

Ну то есть с астрологией.

Да нет, ну что вы. Я верю в Бога. Мне хватает.

И еще я верю в имена. Когда человека называют при рождении близко к именинам какого-то святого – это очень мощное определение жизни.

Меня зовут Никита. Никита – победитель, изгоняющий беса и населяющий веру. Вы посмотрите, какое количество людей меня не переносят и не могут объяснить почему.

Что я тебе сделал плохого? Украл у тебя что-то? Обидел тебя, оскорбил? Это на уровне, совершенно не связанном с материальными ценностями. Ты приговорен к энергетике

этого имени.

Мой духовник сказал: «Это, Никита Сергеевич, демонов немощные *дерзости*». Не мерзости, а дерзости.

Гениально!

Чем больше клеветают, тем чище душа.

Я когда это понял – никаких вопросов! Все нормально. (I, 136)

АТМОСФЕРА (2007)

Скрупулезность создания атмосферы и есть основа режиссуры. Говорю от своего имени и опираюсь на обожаемого мною человека

Михаила Чехова, гениально сформулировавшего: мудрость, содержательность, стилистика спектакля, фильма зависят от духа – от идеи. Красота, или уродство, или грубость зависят от тела, от всего того, что мы видим и слышим. Но жизнь, огонь, обаяние, привлекательность зависят исключительно от души – от атмосферы.

Ни дух – идея, ни тело – форма не могут дать жизнь спектаклю или фильму, а только атмосфера.

Что это такое?

Вот сколько раз у вас случилось в жизни, что вы собрались, предположим, вчетвером, сели за стол, начали разговаривать, выпивать, закусывать. И все у вас так хорошо, трогательно. И приходит пятый – милый хороший человек, который ничего плохого не сделал, и вы к нему очень доброже-

лательно относиться, но все разрушилось, все пропало. Один сказал тогда: ну ладно, я пошел, второй, третий... Почему? Потому что в ту созданную вами атмосферу влетел совершенно инородный элемент. Он внес ту энергетику, которая убила ваше состояние, нажитое, когда вы общались друг с другом.

Так и атмосфера в кадре имеет принципиальное значение.
(XIII, 3)

Атмосфера в кадре (2002)

Атмосфера, на мой взгляд, единственное, чему нельзя подражать, именно поэтому кинематограф является великим искусством. А создание атмосферы, когда появляется возможность подключить биологическую память зрителя, мне кажется, для художника самая большая проблема.

Вот, к примеру, гениальный рассказ Чехова «Именины» (жаркий день в деревенской усадьбе, пикник, женщина на сносках) весь построен на тончайших атмосферных деталях. Или, помните, в его повести «Жена», когда доктор Соболев лежит на диване, сгущаются зимние сумерки, и в темной комнате сереют только его толстые пятки.

То есть это визуальный ряд такой силы, что сразу же включается биологическая память. Но мы не можем представить себе, чтобы зимой на диване лежал человек без носков. Это нереально. По биологической памяти: зимним вечером че-

ловек, если он не пьяный, не может снять носки и лечь лицом к стене без одеяла с голыми ногами. Точно так же, когда говорят слово «мороз», вы можете сразу представить – пар изо рта, заледенелые окна, снег на улице. Но это не образность, а биологическая память. А когда мы говорим: замёрзший, ледяной, покрытый инеем замок и розовые влажные губы ребенка – это образ! Помните в детстве эти жестокие шутки, когда ребенку кто-то говорит: «Поцелуй замок!» И он послушно целует, а к железу прилипают клочки кожи. В таком случае биологическая память становится частью образа.

Кто-то считает прямое влияние на зрителя самым сильным. Скажем, снимают чистую порнографию...

А кто-то знает, что отражение сильнее луча. Помните, например, в картине Годара «На последнем дыхании» есть любовная сцена под простыней, почти полностью переключавшаяся в картину Бертолуччи «Последний император»? Она заставляет наше мышление включать биологическую память и буквально существовать под этой шелковой простыней. А дальше включается сама атмосфера, закатное солнце и так далее, и тому подобное...

Как-то довольно жарким летним днем, когда я отвозил моего сына Тёму в Филатовскую поликлинику, я остался сидеть в машине, которая стояла задом к входной двери. Передо мной была дорога, по которой ходили люди и проезжали редкие на территории поликлиники машины. Представьте себе такую монтажную фразу. Жена с сыном выходят из

машины, я смотрю на них в зеркало, они входят в дверь, и я начинаю читать книгу. Хлопает дверь. Я смотрю перед собой. Никого. Я смотрю в зеркало, из поликлиники вышла женщина с четырехлетним ребенком. Пока они идут мимо моей машины, по дороге проезжает задом «скорая помощь» и скрывается за углом. Женщина с ребенком поворачивают туда же.

Проходит несколько секунд, и они возвращаются обратно, она волочит за собой ребенка, закрывая ему глаза и в ужасе оглядываясь. Я не видел, что там случилось, но отражение произошедшей за углом трагедии я видел в реакции матери и ребенка, и это было в моем воображении. В моем воображении – машина наехала на коляску, мозги на асфальте – было намного сильнее, чем, надеюсь, то, что произошло в реальности.

То есть все то, что оказывается как бы за кадром твоего восприятия, может превратиться в художественный образ, и тогда все зависит от уровня интеллекта и фантазии художника, потому что это и есть та самая часть невидимого мастерства, которая в результате и определяет ценностный уровень картины. Помните гениальную находку Трюффо: заревавшая женщина вскакивает в машину, закрывает дверь, включает двигатель и «дворники», потому что из-за слез не видит дороги.

Но так как героиня находится в состоянии аффекта (а биологическая память очень сильна), она автоматически вклю-

чают «дворники», которые по сухому стеклу начинают работать.

Такое возможно только в том случае, когда режиссерское мышление идет не за прямым ходом как таковым, не за сюжетом, не за осязаемым объектом, а за отражением этого образа, которое включает биологическую память зрителя.

Потому что иначе невозможно объяснить человеку, почему героиня, если нет дождя, включила «дворники», но каждый, кто бывал в подобной ситуации сильнейшего нервного стресса и при этом садился за руль, может соединить свое внутреннее состояние, объект съемки и энергию героини, которая не понимает, что происходит, но в то же время автомат ее существа подсказывает ей, что для того, чтобы ехать, нужно включить щетки, иначе ничего не видно.

На мой взгляд, это один из ярчайших примеров настоящего ремесла. (*XIII, 1*)

Атмосфера за кадром (2002)

С точки зрения режиссерского ремесла знание распределения энергетики как внутри кадра, так и на протяжении всего фильма имеет грандиозное значение. При этом атмосфера в кадре не может существовать отдельно от атмосферы за кадром. Она является ее продолжением.

От артиста, который утром поругался с директором картины потому, что за ним не прислали машину или у него холодный номер в гостинице, на съемочной площадке нельзя

требовать ничего.

Даже если он обманет зрителя, он не сможет обмануть вас, а вы, в свою очередь, не сможете обмануть зрителя, потому что это перетекающий процесс, из кадра в кадр.

Все вы знаете, что такое съемочная группа, и особенно в экспедиции. Насколько люди устают друг от друга... Ведь когда актер играет перед кинокамерой, его зрителями становится только съемочная группа. Театральный актер может выдать свой энергетический импульс прямо в зал и тут же получить его обратно, если он точно попал. Реакция зала для него – новый стимул, адреналин. Он полетел. И без этого полета, без этого отрыва от земли практически невозможно сделать ничего серьезного. Конечно, всегда можно что-то сыграть, но сыграть то, что артист и сам не понимает, как он это сыграл, получается только тогда, когда его импульс услышан зрителем.

Поэтому атмосфера на съемочной площадке имеет огромное значение. Один раз я выгнал из группы человека, который во время съемки посмотрел на часы – мол, когда будет обед. Все. Он не мог работать в нашей команде, потому что не делился своим вниманием, своей энергией с артистом перед кинокамерой.

Артист обязан получать ответ извне. Это не значит, что все вокруг него должны смеяться или плакать, но концентрация группы должна быть только на том, что происходит перед камерой. Это умножает энергию в кадре, которая потом

воздействует на зрителя. Меня, например, больше интересуют не слезы в глазах актера, а их рождение. Когда актер в драматической сцене не знает, что ему играть, он сразу плачет, и все охают: ох, как он играет! А у него просто легко текут слезы, и все балдеют. Настасья Кински, к примеру, чуть что – сразу плачет. Однако сами по себе слезы еще ни о чем не говорят.

Но это отдельный разговор... (XIII, 1)

Атмосфера в обществе (2008)

Мы живем в эпоху голых королей, которым никто не говорит, что они голые. То ли некому сказать, то ли все остальные тоже не одеты. Появилось целое сообщество людей, живущих по своим, отдельным законам. В этом сообществе считается, что Сергей Зверев может влиять на умы (или на что он там влияет) с экрана телевизора, а образ Ксюши Собчак – идеальный образец для десятилетних девочек.

Можно доносить в Интернете, можно оскорблять в Интернете, можно подслушивать и распечатывать чужие разговоры...

Интервьюер: *Ваш пафос по поводу Собчак понятен, вот только почему на открытии Московского Международного кинофестиваля она сидит в первом ряду?*

А я откуда знаю?

Вы – президент ММКФ.

Ну и что? Я билеты не распределяю, фейс-контроль на

входе не устраиваю. Кто-то ее пригласил, она публичная фигура. Я вообще не о ней конкретно сейчас говорю, а об атмосфере в обществе. Бог с ней, пусть приходит, пусть хоть на сцене сидит. Ксения Собчак не виновата – она востребована и пользуется своей востребованностью. Вам нравится? Получите. Не нравится? Переключите на другой канал.

Плюрализм – это когда плохое перестают отличать от хорошего. И то и другое имеет право на существование. Писатель, создавший роман «The Тёлки», может считаться явлением. Моя дочь Надя его предыдущую книгу не только не дочитала до конца, чего с ней отродясь не бывало, но даже выкинула в помойку – чтобы дома не было.

Я понимаю: провокация – очень полезная вещь с точки зрения бизнеса. Не понимаю другого: взрослые люди, имеющие детей и работающие в подобном жанре либо в пиаре этого жанра, они хотят, чтобы их дети жили так, как это показывают в соответствующих телепрограммах или описывается в подобных книгах? Конечно, нет. Более того, каждый уверен, что именно его ребенку уготована другая участь. Что на родительские деньги, пусть не лучшим образом заработанные, этот ребенок поедет учиться, вырастет культурным, образованным человеком. Но так, знаете ли, и наркобароны думают. Однако их дети тоже подсаживаются на наркотики...

Вот это я считаю высшей формой цинизма – рассказывать о других, о ком-то, кто тебя совершенно не волнует, отстраненно, с холодным сердцем, с холодным носом, как будто ве-

десь репортаж из кунсткамеры.

А я рассказываю про себя. И фильм «12» снимал о себе. Это мы. И я такой же. Во мне живут все эти герои. Смог бы я так поступить, как мой «дядя Николай»? Может быть, и нет. Скорее всего, что нет. Но очень хотел бы. (I, 129)

Атмосфера в политике (2002)

Я абсолютно уверен, что политика – это очень во многом режиссура.

Только в случае политики актерами является народ, а съемочной площадкой является страна. Потому-то руководство страны, в частности президент, и должны создавать *атмосферу* в стране.

Атмосфера, как таковая – одно из самых главных, что должно быть. Потому что, создав правильную атмосферу, можно довести до людей именно тот смысл, который ты хочешь до них донести. Ударить ли их шоком информации, мягко ли рассказать, чтобы не теряли надежды...

Вспомните, как вынуждены действовать, скажем, ребята из МЧС, разговаривая с человеком, который собирается выпрыгнуть из окна. Ему хочется «в лоб дать», чтобы он дурака не валял, а они его спрашивают о детях, о том, что он сегодня делал. Они работают с ним как психологи, для того чтобы подобраться к нему, усыпить его внимание и бдительность и тем самым не дать ему совершить смертный грех са-

моубийства.

Атмосфера – это принципиально!

Она заключается в том, что если, скажем, проводить диспансеризацию детей, то ее результатом должны быть не только реальные факты, которые мы получим, но еще и мощнейшая психологическая работа с населением, когда каждая мать, каждый отец (для которых самым главным и важным в жизни является их ребенок) почувствуют к себе внимание страны, внимание президента.

Это имеет принципиальное значение для создания хотя бы временно той самой атмосферы, о которой я говорю и которая нам необходима как воздух.

Поэтому я считаю, что, собственно, вся задача культуры, ее главная задача – это создание атмосферы.

При этом я абсолютно не исключаю критики и противодействия властям... Но дело в том, что для того, чтобы быть «за» или быть «против», в любом случае необходима атмосфера.

Ибо атмосфера оппозиции только тогда является созидательной, когда эта атмосфера органична, а не является плодом популистских желаний тех или иных лидеров или «маленько порулить», или побыть на вахте «у главного руля».

Я думаю, что понятие «атмосферы», задача «создания атмосферы» имеет для всех нас огромное значение... (IX, 1)

АФОРИЗМ

(2009)

Вопрос: *Есть знаменитый афоризм Марка Твена: «Милостью Божьей в нашей стране есть такие неоценимые блага, как свобода слова, свобода совести и благоразумие никогда этими благами не пользоваться». Вам не кажется, что это очень точно описывает нынешнюю ситуацию в нашей стране?*

Очень люблю Марка Твена, но то, что им сказано, сказано им о *его* стране, об Америке, которая, по мнению некоторых людей (и я с ними согласен) является, в отличие от нас, не страной, а проектом.

Поэтому и афоризм Твена больше подходит проекту, а не стране. (XV, 41)

Б

БАЛАБАНОВ АЛЕКСЕЙ (1998)

Балабановский «Брат» захватывает.

И от этого еще страшнее! Я посмотрел фильм и стал думать, что где-то по улицам ходит человек, на совести которого несколько жизней – праведных или нет, в данном случае не имеет значения. Человек совершил противобожеский поступок, преступление...

У Балабанова нет катарсиса, его идея не совпадает с нравственно-эстетическими законами, по которым жил и творил, допустим, Достоевский, посвятивший пятьсот страниц истории о том, как молодой человек кокнул старушку и что потом с ним произошло. Созидательная идея осталась для меня (подчеркиваю – для меня!) основой русского искусства. Наверное, поэтому я люблю передвижников и прохладно отношусь к декадансу.

Нельзя обожать распад. (II, 30)

(2001)

Интервьюер: *Данилу Багрова, героя балабановских «Братьев», Вы не принимаете. Тогда каков он, ваш современный герой?*

Почему же не принимаю? Я принимаю его, он у меня вызывает те же эмоции, что у любого нормального зрителя.

Но поймите, Багров – человек без корней. Он человек вне времени, спонтанно совершающий поступки в тех условиях, которые сложились. А мне интересно проследить, откуда и куда идет человек, а не просто взять его, прошедшего Афган, без веры, без глубинной культуры, без защищенной корневой системы... Багров действует, потому что его заставляет действовать несправедливость.

Понять истоки этой несправедливости – вот что важно.
(II, 35)

(2004)

Я люблю Балабанова, считаю его человеком одаренным и глубоким. Он очень образован и очень хорошо технически вооружен. (XV, 7)

(2004)

Я очень уважаю этого человека, я очень люблю его картины, и я считаю его человеком с тайной. Он человек самостоятельный, он человек независимый, и он человек просто талантливый. И поэтому я у него соглашаюсь сниматься...

Есть Балабанов, который снимает серьезные картины, где есть кровь, где есть экшн, а есть развлекательные вещи, как «Брат», «Брат – 2», но это не пустое кино.

Я не пересмотрел свою точку зрения. Потому что моя точка зрения зиждется не на том, чтобы было, как было, а на том, чтобы в любом движении, которое у художника суще-

ствует, оставалась корневая система национальных традиций. (V, 19)

(2005)

Интервьюер: *Балабанова Вы когда-то сильно критиковали?*

За фильм «Про уродов и людей».

Разве не за «Брата»?

Не-ет! «Брат» мне очень нравится – и первый, и второй!

Хотя сам факт, что мне может нравиться этот метод общения с миром, меня обижал. Но это очень здорово, качественно было сделано.

«Война» – по-моему, декларативная картина.

Но Балабанов – мастер, этого не отнять. (I, 117)

(2009)

Интервьюер: *Вам картина Балабанова «Груз-200» понравилась?*

К сожалению, я ее не видел.

На диске Алексей просил не смотреть, а в кинотеатр я не попал – не успевал, поскольку снимал сам... Так она и прошла мимо. Посмотрю, но пока не знаю когда. (I, 137)

(2013)

Я считаю, что Леша был выдающимся режиссером. Это был странный, неудобный, но с потрясающей внутренней,

стержневой структурой человек, потрясающий кинематографист, он чувствовал и знал кино. Совершенно непоказной, в нем не было ничего такого «режиссерского», он был абсолютно погружен в то, что делал.

Я считаю, что Балабанов – это целая планета, которая будет существовать столько, сколько просуществует кинематограф.

Думаю, что много-много людей, которые не знали его фамилию, но знали картину «Брат», тяжело вздохнут, узнав, что его больше нет. Я выражаю соболезнование всем нам, нашему кинематографическому цеху, потому что ушел замечательный, мощный, талантливый художник. (XV, 78)

БАЛАЯН ЗОРИЙ **(2005)**

С одной стороны, довольно легко говорить о Зории Гайковиче, с другой – очень трудно, потому что по разносторонности своей, по полярности поступков и жизненных коллизий, в которые он попадал в течение своей жизни, я думаю, мало кто может с ним конкурировать.

Однако от того, что нас связывало в течение какого-то периода жизни (это было тридцать с лишним лет назад), у меня лично остались воспоминания о самой, может, привлекательной и прекрасной поре в моей жизни – о моей службе на флоте, на Дальнем Востоке, на Камчатке, и о нашем легендарном походе на собаках и оленях в течение ста семна-

дцати суток.

Я должен сказать, что Зорий, как я понимаю, был, наверное, с детства абсолютно самостоятельным человеком со своим оригинальнейшим мышлением, со своей очень острой хваткой ума, с очень порой парадоксальными решениями. В то же время ему совершенно доступно было как бы и наивное, трогательное внимание и интерес к самым простым вещам, которые волнуют любого человека.

И в этом смысле Зорий уникальная личность. И я лично благодарен ему за то, что в довольно тяжелый период моей жизни, когда в отрыве от дома оказался в новых, непростых для московского человека условиях, Зорий был настоящим другом. Кто знает, тот поймет, что такое, когда, скажем, после долгого пребывания в казарме вдруг оказываешься в квартире, в тепле, с ванной, с едой, в уюте – словом, на свободе. Это вот тепло камчатское для меня во многом связано исключительно с личностью Зория как старшего товарища, как доктора, а в какой-то ситуации еще как заступника. Он был на свободе, по одну сторону ограды, а я – по другую сторону контрольно-пропускного пункта. В таких условиях начинаешь ценить самые простые вещи, на которые не обращаешь внимания в обычной жизни... Поэтому в этом смысле школа, которая была мной пройдена там, на Камчатке, равно как и конкретные уроки этой школы, а также многие страницы нашей общей тетради, которые мы написали вместе с Зорием Балаяном, – это как бы часть моей жизни. И я за это

Зорию благодарен.

А еще, мне кажется, поразительное и очень важное качество, человеческое и мужское, оно заключается в том, что Зорий относится к такому типу людей, которые ставят цель и непременно ее добиваются. Вряд ли кто может представить себе, как это было сложно – организовать экспедицию на собаках и оленях с юга Камчатки до севера Чукотки. Это ведь не просто сложно, это все мучительно, да еще в рутинной обстановке. Это только он мог убедить нас, чтобы экспедицию называли «Карабахом». Почему «Карабах»?! На собаках. Зимой. Через Камчатку. И вдруг – Карабах. Казалось – непонятно. Но это – Зорий. Для него Карабах – это не просто место на земле, географическая точка. Это его жизнь. Тогда я и впрямь не очень понимал. Лишь потом я понял, когда все началось там. Понял, что к чему. И понял, почему Карабах. В то время я понимать не мог. Ну предложил назвать Карабахом, давай и назовем. Но Зорий уже тогда во все вкладывал несколько более глубокий, более объемный смысл, нежели просто географическое понятие, географическое название.

Зорий, как я уже сказал, очень разносторонний, одаренный человек. И, как я понимаю, в течение всей дальнейшей жизни эта разносторонность не покидала его. И я знаю, что совсем недавно он совершил морское путешествие. Кстати, Зорий меня тоже туда звал. Он куда-то плыл. С друзьями они шли морем к океану. И снова его настойчивость, его молодость, его авантюризм. В этом смысле он абсолютно из тех,

кто открыто говорит: «Да, я авантюрист, но я из тех авантюристов, которые рискуют своей шкурой, а не чужой». Наверное, в этот раз на море он рисковал опять. И, надеюсь, выиграл, добился своей цели. Меня, естественно, это ничуть не удивило.

Я хорошо помню, как Зорий вместе со своим другом, капитаном небольшой яхты «Дельфин» Вячеславом Пантелеевым, летом 1972 года чуть ли не ежедневно выходили в знаменитую Авачинскую бухту. Мне посчастливилось несколько раз, по выходным, когда получал увольнительные, выходить с ним на яхте в море.

Вот что писал Зорий о тех днях наших походов в своей книге «Белый марафон»: «Дух захватывало каждый раз, когда приближались к Трем братьям – трем гигантским скалам, стоящим бок о бок у входа в открытый океан. Туда нас всегда тянуло – на простор, где и цвет воды другой – более небесный, где и волны покруче, и белые «барашки» побелее и покрупнее! Но слишком маленький наш «Дельфин». Он даже меньше тихоокеанского «барашка». Да и не делается это просто так – захотел и вышел в океан. А главное – тогда у меня была другая цель, другая дорога».

Да, тогда у нас была другая дорога. Мы готовились в те дни к походу на собаках по тундре.

И однажды на яхте Зорий сказал мне, что он сделает мне уникальный подарок. Он попросил капитана «Дельфина» выйти из Авачинской бухты на несколько кабельтовых в Ти-

хий океан. Потом попросил, чтобы я спел из фильма «Я шагаю по Москве» строки из песни: «А я иду, шагаю по Москве, но я пройти еще смогу соленый Тихий океан, и тундру, и тайгу». И затем как-то уж очень уверенно добавил: «Вот походим сейчас по Тихому океану, но несомненно пройдем и тундру, и тайгу». Через несколько месяцев мы прошли и тундру, и тайгу.

И я впрямь получил, может быть, самый бесценный подарок в моей жизни. Слова из песни, которую я пел в фильме «Я шагаю по Москве», песни, которую пела вся страна, оказались пророческими благодаря Зорию. Он, повторяю, всегда добивался своей цели.

Поэтому я желаю Зорию <в день семидесятилетнего юбилея> самого главного: чтобы не была потеряна в жизни эта его гармония, которая для меня лично – целая философия.

Это когда то, что ты хочешь, совпадает в жизни с тем, что ты можешь. Ведь все беды людей от того, что они думают, что могут, потому что хотят. Уверен, что Зорию удалось избежать такой беды в жизни и, надеюсь, он избежит этого в дальнейшем.

Я поздравляю тебя, Зорий, дорогой, с твоим славным юбилеем. Помню каждый день, буквально каждый час нашего путешествия. Недавно я перечитывал дневники, которые, думаю, когда-нибудь опубликую.

А тебе, брат, желаю, чтобы ты желал того, что можешь. Это и есть настоящая гармония любого человека и любого

мужчины на земле.

Будь здоров. (XV, 10)

БАРИН (2001)

Интервьюер: *Вы барин?*

В чем же я барин, если применять это слово ко мне в качестве ругательства? Я что, целый день лежу на диване, пока на меня крестьяне пашут?

Пока не пашут, но постельное белье у вас уже с фамильными вензелями.

У меня и скатерти с вензелями, и салфетки. Ну и что? У меня еще есть носовые платки, носки, трусы...

Продолжать?

Все это сделано на заказ?

Нет. А если бы и да, так что из этого? Закажи я простыни и наволочки с вензелями герцога Букингемского, это было бы странно, но ведь я использовал символику моего рода, не чужого...

В вензелях, что ли, мое барство? Ответьте: как можно, будучи барином, за десять лет снять пять кинофильмов и десять телесерий о живописи, написать четыре сценария?

Мой рабочий день длится по восемнадцать часов в сутки!

А должностей у меня столько, что листа бумаги не хватит, если подряд их писать... (I, 80)

(2006)

Про меня в «Известиях» вышла статья – вот такими буквами в заголовке было набрано слово «БАРИН».

Интервьюер: Ага. Кичин, по-моему, написал. Лет шесть назад.

Хорошо, что не лет пятнадцать – двадцать. А то я бы стал невыездным, и моя карьера не рухнула бы, но сильно покачнулась...

Вы считаете слово «барин» обидным?

Я говорю сейчас о контексте. О том, как это слово звучит для ушей советского человека. Хотя вообще в нем ничего плохого нет.

Насчет барина. Крестьяне Нижегородской области, где у Вас имение и где идут съёмки «Утомленных солнцем – 2», действительно попросили Вас построить им дорогу?

Попросили, конечно. Запрос трудящихся будет удовлетворен?

Мы все равно станем улучшать дорогу для себя, значит, она улучшится и для них. (II, 55)

(2008)

Про меня часто говорят: высокомерный, барин. А я считаю: те, кто вкладывает в слово «барин» негативный смысл, сами – холопы в душе. Потому что для них барин – это тот, кто лежит на диване. А для меня – тот, кто несет ответственность за большое количество людей. (I, 130)

(2009)

Интервьюер: *Некоторые называют Вас барином новой России – насколько это соответствует действительности?*

Ну если уж барин, то не новой, а старой – нашему роду более пятисот лет, а что касается навешиваемых ярлыков...

Я из таких бар, которые пашут по восемнадцать часов в сутки, и ничего предосудительного в этом не вижу. Мне так работать нравится, и нужно немного – чтобы мой труд не пропал втуне...

В тех же, кого это раздражает, говорят слабость и зависть – качества, которые были и остаются уделом холопа. (I, 137)

(2011)

А что в барстве плохого? Знают ли те, кто меня в этом попрекает, что Толстого величали барином, Пушкина Александра Сергеевича? По-моему, не самая плохая компания. Это уже после революции слово «барин» вдруг получило негативную, даже ругательную окраску.

Меня, кстати, многие считают высокомерным. Но это не так. Я никогда не откажу своему зрителю в общении. Всегда открыт для диалога. При этом я терпеть не могу панибратства: когда кто-то подходит ко мне и запросто говорит: «А пойдем, Никитка, пропустим по стаканчику».

Тогда да – я высокомерен. (XV, 58)

БЕЗБОЖИЕ, БЕЗВЕРИЕ (1994)

Новый большевизм поменял свою окраску, но принцип остался тем же: зачеркнуть все то, что было до него. Совершенно не думая о том, что такого рода политика через какое-то время может привести к тому, что следующее поколение уже перечеркнет все сегодняшнее.

В чем дело? Почему это происходит?

Всему этому – одна причина. Одна. Глобальная и очень простая – безбожие. Только безбожие, больше ничего.

Безбожие... Оно распространяется как зараза, как болезнь, оно влечет за собой много-много разных последствий.
(I, 64)

(2001)

Я уже много раз об этом говорил и порядком, верно, многим надоел, но, что бы про меня ни говорили и ни писали, я еще раз повторю: я убежден, что все то ужасное, что случилось с нашей страной и русскими людьми в прошлом, XX веке, на сто процентов связано с безверием.

Потому что, когда пришло безверие, вопрос «зачем жить?» заменили на вопрос «как жить?». А на второй вопрос «как жить?» нельзя ответить без первого вопроса «зачем жить?».

Все. Точка ру. Больше ничего!

Можно ссылаться на красный и белый терроры, голод,

разруху, индустриализацию, коллективизацию, репрессии; но все то, что мы получили, связано, прежде всего, с безверием.

Из этого, кстати говоря, во многом произошел итог Гражданской войны. Большевики, не стесняясь, обещали дать то, чего не могли дать. А их противники (белые офицеры), такие, как Туроверов и подобные ему, не могли обещать того, чего не могли исполнить. Совесть и воспитание не позволяли.

И не обещали... А народ доверился и повалил валом за теми, кто сначала наобещал, а потом закабалил их больше, чем до реформы 1861 года.

Поймите, что колхозное крестьянство было гораздо более изощренным злом, чем крепостничество. Представьте себе, что в XX веке появиться в свет молодому хлеборобу можно было только тогда, когда он через военный билет получал паспорт. А все остальное для него было закрыто, его даже в гостинице не могли прописать, потому что кроме справки из сельсовета у него никаких документов не было.

Убежден, что в основе всех наших бед – безверие.

Однако как преступно и глупо было выбивать из людей веру палкой, так же бездарно и бессмысленно будет ее в них вбивать...

Я думаю, что рост веры в душе человека торопить нельзя. Ведь, в конечном счете, речь идет не о бабушках, которые испокон веку ходили в церковь, и не о тех молодых людях,

которые нацепили огромные кресты поверх рубаш.

Речь о наших детях. О тех детях, которые во время Божественной литургии копошатся в ногах, собирают огарочки, плачут, балуются, шумят, получают подзатыльники.

Эти дети через двадцать лет будут решать судьбу страны. И слава Богу, что сегодня Божественная литургия втекает в них как энергетика веков, пусть даже ни единого ее слова они не понимают.

Для них «Верую» и «Отче наш» станут частью их жизни... Это новое поколение, для которого церковь и культурные ценности будут носить характер абсолютно естественный. (II, 38)

(2002)

Я плыл недавно по северной реке и вдруг подумал: а ведь эту реку еще недавно хотели повернуть на юг.

Если можно совершить преступление против Бога, то этот поворот был бы таким преступлением. Значит, опять мы упираемся в безбожие. Я буду повторять это с маниакальной тупостью, ведь каждый день вижу подтверждение этому.

Я и в себе с этим сталкиваюсь.

Оправдаться человеку не трудно, стоит просто сравнить себя с другими: я убил одного, а он – пятерых, значит, я лучше. Это бесконечный путь вниз!

Зачем все спрашивают у Бога: «Почему, Господи, мне так плохо?!» И никто не спросит: «Почему мне, подлецу, так хо-

рошо?»

Недаром старец сказал: «Не требуй справедливости у Бога, ибо, если бы Бог был справедлив, он давно бы тебя наказал». (I, 87)

БЕЗОПАСНОСТЬ

Национальная безопасность

(2009)

Я бы хотел, чтобы этот круглый стол <в Липецке, «Российский кинематограф сегодня и завтра»> не остался пустым звуком и сотрясанием воздуха.

То, о чем сегодня говорилось, это в определенном смысле проблема национальной безопасности: это дети – будущее страны, нравственное положение – состояние страны. Это то, как выглядит страна из окна поезда, машины, дома, иллюминатора самолета. Сегодняшний разговор затронул самые животрепещущие темы. Разговор носил конструктивный, осмысленный характер. Я думаю, что документ, который будет его результатом – манифест нашего сегодняшнего собрания, должен сформулировать то, о чем мы сегодня говорим, и призвать тех, от кого это зависит, прислушаться к нашему мнению.

Разнузданность и безапелляционность, абсолютное смещение вкусовых нравственных критериев, которое происходит сегодня в СМИ и вообще в жизни, – все это стало волновать достаточное количество людей, родителей, молодежи...

Пример тому вчерашний Всемирный Русский Собор, на котором говорилось о невероятной опасности, о гибели нации от алкоголя, от суррогатов, от безысходности, которая приводит к алкоголизму, о том, что вопрос «как жить?» стал выше, чем вопрос «зачем?», что в принципе противоречит всей нашей культурной традиции.

Это стало серьезной темой для обсуждения. И я очень хочу верить, что это станет поводом для того, чтобы принимать решения. *(XII, 15)*

БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Коллективная безответственность

(1991)

Какая замечательная система – коллективная безответственность! Высшая мудрость была в словах: «Если кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет...» Все очень смело – и сказано вроде все, и ничего. Страшно это. Мы ведь как Петя Трофимов. Все время учимся. Ведь Чернобыль – это не трагедия 27 апреля. Она началась с целого каскада беззаконий, с уничтожения крестьянства, с поголовного, как было подписано товарищем Свердловым, уничтожения казачества.

А мысль Бухарина о том, что мы должны сделать из человеческого материала насилием – вплоть до истребления – коммунистического человека? То есть человеческий материал для них – это и Достоевский, и Пушкин, и Лев Толстой,

и Дмитрий Донской, и Суворов, и Кутузов, и Тимирязев, и Боткин... Все это материал.

А коммунистический человек – это то, что нужно. Мы его почти получили. И сейчас расплачиваемся за это. (I, 36)

(1993)

Я в последнее время уже не могу слушать ностальгические песни о Белой гвардии. Такая тоска, такой несчастный поручик, все со слезой...

Надо встряхнуть себя, надо воспитывать в себе волю жить! И иметь силы эту волю применять в жизни.

Сколько можно сетовать?

Это ведь напоминает заседания Верховного Совета, некое «фигурирование», когда выходит человек к микрофону и говорит: «У нас ужасная ситуация в регионе, потому что у нас протекают...» – «Спасибо. Пятый микрофон»...

Он сказал... По телевизору все увидели... А будет то, о чем он сказал, делаться или не будет – это никого не интересует.

Такая коллективная безответственность в результате приводит к тому, что все потихоньку, постепенно само собой разваливается. А в результате мы у остова нашей обглоданной державы разведем руками и скажем: «Ну как же, обстоятельства...»

«Обстоятельства» – это не выход для русской культуры. (I, 49)

БЕН ЛАДЕН (2001)

Интервьюер: *Чубайс утверждает, что у Путина появилась историческая задача после 11 сентября – это новое место России в новом мировом устройстве. Вы с этим согласны?*

Я не согласен, что не было никакой миссии, и вдруг 11 сентября Бен Ладен прислал нам посылку...

Я думаю, что эта трагедия сблизила мир с точки зрения понимания единых человеческих духовных проблем. Мы начинаем понимать, что цивилизация и культура – разные вещи. Цивилизация в лице Америки обогнала культуру. Но, право, наивно думать, что если ты можешь за двадцать миллионов купить Тициана и повесить его картину у себя дома, то тем самым ты прошел путь от Адама и Евы до Тициана. Нет. Ты купил результат того, что прошел Тициан от Адама и Евы, став Тицианом. Это дайджест жизни, это спрессованное ощущение ближайшего пути к результату.

Сто процентов людей, включивших телевизоры 11 сентября и не слушавших звук, решили, что показывают очередной блокбастер. Америка подготовила свою страну к тому, что с ними такого быть не может, это со съемочной площадки! И вдруг выяснилось, что нет, не со съемочной площадки. Что произошло дальше?

А дальше произошел тот же самый интеллектуальный

Макдоналдс.

Потому что стали говорить о терроризме (и правильно!), но не стали думать о другом – о внутреннем мире и ценностях тех, кто это совершил.

Что же это за психология у человека, который может отдать свою жизнь с наслаждением за какую-то идею?

Если человек может так легко отдать свою жизнь, то ему сказать: «Мы тебя убьем», это все равно, что вегетарианца наказать: «Мы тебе мяса не дадим!» – «Да я его и не ем!»

Чем мы их напугали – что они будут уничтожены? А мама этого камикадзе принимает цветы и счастлива, что ее сын отдал за Аллаха свою жизнь.

Хорошо это или плохо – я не это оцениваю. Я говорю о другом подходе, о другом восприятии мира. И для того чтобы бороться с этим минусом духовным, нужно выходить на духовный плюс. А не просто брать бомбы и крошить все вокруг. Ну убьют этих мальчиков, у которых еще не растет борода... Я имею в виду не терроризм, а абсолютно конкретную духовную направленность.

Когда-то шах в Иране поднял страну до огромного уровня, а Иран скатился в результате до Хомейни. И это постоянная парабола, это слоеный пирог, его невозможно решить одним бомбовым ударом.

Но Иран считает, что поднялся при Хомейни?

Вы правы. То, что я сейчас сказал, я сказал как европеец, но это и есть та же самая ошибка. Я сказал: «скатился», а для

них, напротив, «поднялся».

И если я, все мы не будем понимать, что не только по законам нашей цивилизации живут люди, а по другим, такие ошибки будут постоянно.

Не говорю, что надо жить, как они, но понимать, уважать других – надо... (I, 83)

«БЕСОГОН» (2011)

Интервьюер: *Немало шума наделал ваш блог «Бесогон». Зачем Вы тратите время на все эти интернет-баталии?*

Так я разговариваю с людьми. Мне важно, чтобы те, у кого есть ко мне вопросы, могли задать их мне.

А название «Бесогон» – это в честь моего небесного покровителя святого великомученика Никиты. (XV, 58)

(2011)

Интервьюер: *Вы завели свой блог в Интернете. Зачем?*

Я вынужден был это сделать, потому что появилось около двадцати блогов и сайтов под моим именем, где писались глупости несусветные, мерзости и хамство, к чему я не имею никакого отношения. Но для людей несведущих – это был я.

Причем, если вы обратили внимание, я не просто где-то пишу, я выхожу на экран и говорю: «Хотите меня слушать – слушайте здесь. Это я. Все остальное – фальшивка». (II, 69)

(2012)

Интервьюер: *Как Вы оцениваете результаты вашего недавнего эксперимента по выходу в Интернет в качестве видеоблогера и прямого общения с публикой в Сети?*

Двадцать лет назад я легко перешел из одного времени жизни страны в другое. Мои товарищи собрали книгу моих интервью за сорок лет. Я открыл текст 1986 года и с опаской подумал о том, что я мог в то время такого наговорить? Но выяснилось, что я и сегодня подписываюсь там под каждым словом. У меня это вызывает ощущение внутренней радости. Значит, стержнево моя сущность не изменилась. Я могу стареть, могу быть не прав, но сущность моя остается все той же. Я не изменил своему стержню вне зависимости от того, нравится это кому-то или нет. Это касается и моей жизни, и моего творчества, и моего существования в Интернете.

Я не заигрываю с ним и не лукавлю. Те, кому интересно, слушают меня. И я слушаю тех, кто мне интересен... В Интернете очень много интересного. Я читаю, что пишут обо мне люди, и иногда случайно наталкиваюсь на потрясающие вещи. У меня есть постоянные слушатели и зрители в Интернете, я не могу их обмануть.

Так что эксперимент пока будет продолжаться. (XV, 66)

БИЗНЕС (2001)

Полжизни работаешь на имя, а полжизни имя должно работать на тебя. Если это не так, ты должен задуматься: как ты жил?

Мой сын открыл ресторан «Ваниль» в Москве, а мне сейчас интересно открыть издательский дом «Сибирский Цирюльник». А еще Академию мечтаю создать, где молодые актеры и режиссеры из нашей провинции и из-за рубежа могли бы поработать по системе Михаила Чехова, Питера Брука и Вахтангова.

Говорят, что у меня в Карловых Варах гостиница и рестораны. Пишут, что в моих руках вся Ульяновская область. Бред и чушь полная. Я вообще в Ульяновске был два раза в жизни, а в Карловых Варах – один. И на Западе у меня никакого бизнеса нет. Другой разговор – есть компании, которые создаются на время съемок со стороны западного партнера. Западу удобнее работать со своими, нежели организовывать производство в России, и мы сотрудничаем с ними на договорных отношениях...

Нам предлагали купить студию «Баррандов», но у нас таких денег нет. А если бы были, то купили бы обязательно. Это классная студия, я на ней работал.

Но отвечать на заведомую ложь, судиться и вообще суетиться по поводу того, что о тебе говорят и пишут, я не собираюсь, помня казачью пословицу: «Если будешь разговаривать с каждой собакой, никогда не доедешь до дома». (II, 36)

(2002)

Мне не дают возможности заниматься серьезным бизнесом.

Интервьюер: *Кто же Вас может не пустить в большой бизнес? Ваши враги, завистники?*

Мой отец сказал: «Пусть лучше завидуют, чем сочувствуют».

Речь идет не только о людях из моей среды. Многим почему-то кажется, что Никита Михалков открыл ларец и там все уже лежало готовенькое...

Пока не возникает необходимости, что называется, «дать в торец», я в конфликты стараюсь не вступать. Мне приятнее снимать кино, которое мои недруги смогут обсуждать, ругать, злословить, но это будет обсуждение моего творчества, а не моих поступков. (I, 87)

(2011)

Интервьюер: *Бизнесом занимаетесь ради азарта?*

Это спортом можно заниматься ради азарта, а бизнес – вещь жесткая.

Но я никогда не претендовал на «сверхбизнес», потому что он близок к одиночеству и опустошению. Есть опасность того, что друзья приходят не к тебе, а к твоему бизнесу... (XV, 52)

БИРЖА

Актерская биржа

(1994)

Я планировал проводить «семинар русского провинци-

ального артиста» в Нижнем Новгороде. Это может быть очень интересная работа.

При том что это не семинар для актеров-новичков, для студентов. Это не обучение, это работа с теми актерами, которые уже работают в театре и которым необходимо некое академическое движение дальше, чтобы они не засыхали в своем соку. Здесь очень важно обновлять соки.

И если наша Студия <«ТРИТЭ»> будет развиваться, то мы даже создадим некую биржу.

Примерно такого характера: допустим, актер из Челябинского театра, который уверен, что он может сыграть Гамлета, но в репертуар театра не вписывается... Он присылает нам свою концепцию, несколько соображений, некое видеописьмо: кусочки, которые он играет, как он это видит и так далее.

Мы посмотрели. Потрясающе! Самородок! И начинаем подбирать для него актерский ансамбль для спектакля «Гамлет». В него могут войти актеры из самых разных городов. Мы делаем спектакль, и они ездят с ним по стране. Сколько они продержатся, сколько этот спектакль будет пользоваться успехом, столько они как коллектив будут существовать. Закончилось – они рассыпались, разъехались по домам.

Это делается для того, чтобы в театре существовала все время некая живая, реальная, бурлящая, текущая актерская жизнь... (XI, 1)

БЛАГОСОСТОЯНИЕ

(1993)

Я думаю, что должен настать момент, когда человек поймет, что больше одной пары обуви он на ноги надеть не может...

Когда в Чечено-Ингушетии я снимал свою первую картину, нас пригласил в гости один начальник. У него был большой дом, и в каждой комнате стоял арабский спальный гарнитур. Таким было представление этого человека о благосостоянии. Но наступит день, и он, наверное, поймет, что спать одновременно на семи кроватях невозможно. Вот тогда он будет думать о том, чтобы его дети знали историю и языки, жили в безопасности, а в стране была стабильность и работали законы. *(I, 50)*

(1995)

Что это значит – хорошо жить?

Во-первых, мы никогда в том понимании, которое содержит в себе само выражение «хорошо жить», жить не будем, потому что русский всегда недоволен.

Ну всегда он недоволен!

История нас учит тому, что она ничему нас не учит. Вот писатель Алданов однажды высказал одну смешную и печальную мысль, что «любое новое правительство всегда хуже старого». Сегодня, к сожалению, я в этом начинаю убеждаться. Ведь это действительно так! Только что-то появится, только к чему-то привыкнут, только возникнет профес-

сионализм – все, сметайся! Пришли новые – доесть то, что не доели старые... и пошла учеба заново! Опять чешем в за-
тылках...

Поэтому «хорошо жить» – для русского человека это нечто особое. Ему не свобода нужна, а отсутствие неволи... Для него по-настоящему «хорошо жить» будет тогда, когда он вернет себе свою веру... и обретет внутренний покой и гармонию. (V, 4)

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

(1987)

Пусть не покажутся мои слова громкими и выпренными, но я был бы счастлив всю мою энергию посвятить столь прекрасному делу – творить благо для моего народа, моей страны...

Сохранять, восстанавливать, бережно относиться ко всему, что относится к нашей истории, нашей культуре, – долг каждого человека, если он хочет честно смотреть в будущее и самого себя ощущать частицей народа.

Старинная библиотека или памятник, участок земли или дерево, книга или дом, имеющие отношение к нашему героическому прошлому и настоящему, – все это должно быть бережно сохранено.

И самое главное – такое отношение мы должны передать нашим детям и внукам... (I, 24)

(2012)

Вопрос: *Не хотели бы Вы создать свой благотворительный фонд, направленный на воссоздание старых храмов?*

Я вообще считаю, что благотворительность – это вещь интимная очень. И не люблю, когда люди все время рассказывают о том, сколько они вложили денег. Но поверьте мне на слово – я много помогаю и приходам, и монастырям. У нас в Студии «ТРИТЭ» есть церковный фонд, и мы покупаем большие прачечные в те монастыри, где много насельников или насельниц, где есть школы церковные, где живут дети из неблагополучных семей, покупаем тракторы и автобусы и так далее.

Так что мы помогаем...

Я не люблю только другого: помогите, как сможете... Вот этого я не понимаю, и этим людям я не помогаю. Что значит – как сможете? Сто рублей вам хватит? Или миллион вам надо, десять? Это неконкретно. Вот когда мне пишут, допустим, что у нас проблема с крышей, у нас протекает крыша в трапезной или в алтаре и для того, чтобы ее починить, нужно то-то, то-то и то-то; вот счет от организации, которая обязуется нам это сделать – это другой разговор. Это конкретика, на которую я могу ответить: могу я это сделать или нет. Если это тридцать миллионов, то не могу, а если это другие деньги, то да. Или же комплексное решение вопроса: нам нужно то-то, то-то и то-то; мы знаем, как это сделать, а вот это – мы просим сделать вас. Единственно, что я прошу – это присы-

лать мне какую-то документацию о том, что это было сделано, чтобы не чувствовать, что ты что-то кинул куда-то в бездонную бочку, и неизвестно, сделано ли было на эти деньги что-то. (XV, 69)

БЛИЦВОПРОСЫ

(2011)

У Вас в жизни была цитадель, на взятие которой нужно было идти с одной палкой наперевес?

Я думаю, что последние лет пятнадцать сплошная цитадель была.

Как боретесь со своими бесами?

Исповедью и причастием. *Ваше отношение к войне в Ливии?*

Я за Каддафи! *Кто из мировых политиков является для Вас эталоном?*

Уинстон Черчилль, а из российских – Петр Столыпин, император Александр III.

БЛОГИ

(2011)

Вопрос: *Что для Вас общение в блогах? Стоит ли тратить на это свое время?*

Дело в том, что если бы в блогах было только то, что обычно отличает блоги от нормальной переписки, то не было бы никакого смысла.

Я разговариваю с людьми, и я нахожу отклик у людей, которые хотят общаться, а другого общения, кроме как в блогах, у нас быть не может. Мне очень хочется, чтобы люди, у которых есть ко мне вопросы, могли ко мне обратиться. И я мог на эти вопросы ответить.

Именно поэтому я завел свой блог. (VII, 5)

БОГ (1994)

Мне думается, что, скажем, Франция, Италия, Англия могут существовать без Бога, потому что для Европы богом является закон, а свободой называется порядок – когда можно то, что можно, а нельзя то, что нельзя. Несвобода же для них – когда сегодня нельзя то, что можно было вчера.

А в России законом всегда был Бог. И демократия в высшем смысле этого слова (не в узкопрактическом и бытовом) в России была только в Храме, когда перед алтарем и государь, и нищий были абсолютно равны и равноправны. Это самое главное отличие наших исторических истоков от многих других стран и народов.

Причем я не имею в виду только узкорелигиозный смысл понятий, о которых говорю... (I, 64)

С Божьей помощью (2008)

Интервьюер: <После съемок картины «Утомленные солнцем – 2»> Вам стало понятно, почему советский сол-

дат победил немецкого солдата?

Я так и не нашел ответа на этот вопрос. Можно сказать про русский дух, но я считаю, что без Божьей помощи ничего бы не произошло.

На Афоне в монастыре был настоятель, он был капитаном во время войны. На Курской дуге он был обожжен, лежал раненым и умирал, и он видел над собой Покров Божьей Матери. И дал обет: «Если выживу – уйду в монахи». Покров Божьей Матери на Курской дуге видели очень многие.

Не хочу мистифицировать, но я убежден, что количество унижений, оскорблений, боль и ужас достигли пика. То, что сумел наш человек подняться над этим, это и Божья воля, и русский дух. (I, 60)

БОГАТСТВО (1990)

На телевидение пришло письмо от одной женщины. Она пишет, что готова до конца своих дней жить впроголодь, но только не видеть рядом с собой богатых.

Это письмо – яркая иллюстрация того, как понимается у нас демократия – как праздник всеобщей нищеты.

Обратите внимание: эта женщина не ратует за брошенных детей, за улучшение жизни престарелых. Нет, она не хочет видеть рядом с собой богатых! И что показательно: ее не волнует, откуда взялся достаток у тех, кого она называет богатыми, честно или нет они его достигли.

Это самое главное и страшное. Это наследие долгих лет

подавления естественной человеческой инициативы.

Мы часто задаем себе вопрос: почему Владимиру Ильичу Ленину достаточно было объявить НЭП – и вскоре прилавки стали ломиться от продуктов? Почему же сейчас перестройка идет с таким трудом, почему сегодня так необходимое нам кооперативное движение порою превращается во что-то уродливое, да и просто уголовное явление?

Причин на то много, но одна из них – почти полная утрата нами чувства хозяина; радости от чего-то хорошо сделанного, гордости за это.

Ведь, в конце концов, чем умная, честно проведенная сделка купца хуже хорошо сделанной лопаты, хорошо построенного дома, талантливо написанной симфонии? Почему раньше на Руси уважали богатых людей, а теперь в них видят только потенциальных жуликов и рвачей, место которым в тюрьме?

Да потому, что большинством наших социальных институтов в нас воспитывалось сознание: лучше всем жить одинаково плохо, чем по-разному хорошо. Этот принцип удивительно удобен для любого тоталитаризма, распределяющего блага не по возможностям человека или его таланта, не по результатам сделанного им, а по степени верности самому тоталитаризму. (I, 33)

(1993)

Кто сказал, что богатство – это плохо? Нет! Ведь даже

большевики сумели евангельскую истину подогнать под себя, когда трактовали фразу из Евангелия, что «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие». Но самое-то поразительное, что большевики этим требовали свести счеты с богатыми. Но не о колбасе пекся Христос, а о душе богатого: ты богат – поделись.

Когда я сегодня вижу компанию, организацию, которые выше интересов своей компании ставят личные интересы, то я понимаю – у них нет никакого будущего.

Я знаю волжское купечество, например Седова – русско-го купца, купца из Нижнего Новгорода. У него гигантские возможности, у него много денег. Но деньги эти нужны ему для того, чтобы реализовать себя, чтобы чувствовать себя достойно и уверенно у себя на родине.

Достоинство – вот что, на мой взгляд, являет собою знак, необходимый сегодня. (*V, 1*)

(1993)

А что касается богатых, то человек ведь не насытится никогда... Так не лучше ли отдать деньги воскресной школе, философскому театру, музею? И я говорю таким людям: вложи в свою страну; вложись, если ты хочешь здесь жить, а если нет – уезжай, свое ты уже наворовал...

Я не циник. Просто пытаюсь любую ситуацию использовать во благо Отечеству. (*I, 50*)

(2010)

Интервьюер: *На ваш взгляд, можно объединить Россию идеей личного благополучия каждого – тем, на чем стоит Европа?*

Нет. У нас богатые никогда героями не были, да и русская зависть не позволит.

А чем можно?

Верой. (I, 144)

БОГАТЫРЕВ ЮРИЙ (1989)

Это был великий русский актер... Нет, даже не так. Он был великий русский артист, ибо мощный его талант распространялся на многое, далеко выходя за границы кадра или театральной рампы. Бог дал ему невероятные возможности: фактуру, внешность, безукоризненное актерское чутье, блистательную технику, удивительную душевную тонкость. У него были те самые, определенные еще Пушкиным, лучшие качества доброго сердца: чувствительность и благодарность. Не дал же Юрию Богатыреву Господь Бог иммунитета к нашей лицемерно прагматической жизни, подчиняющей, а зачастую и перемалывающей тонкую сущность незащитного художника. Почти вся моя, да и не только моя, а многие художественные биографии связаны с именем Юрия Богатырева.

Впервые я увидел его на учебной сцене в самостоятельном отрывке из «Подростка» Достоевского. Тогда уже меня по-

трясла его удивительная мастерская способность создавать истинную напряженность, столь необходимую и столь резко точную, которая невидимой наэлектризованной нитью связывает сцену и артиста с публикой в зале. С того самого момента я ощутил ту завораживающую актерскую притягательность, которая всегда отличала Юрия Богатырева. От того часа началась наша творческая дружба, которая продолжалась до самой его кончины...

И вообще он весь как будто был соткан из контрастов: шумный, с мощнейшим голосом, он совершенно не умел накричать на человека, то есть накричать-то он мог, но в крике этом никогда не было того, пусть самого малого заряда злости, способного человека оскорбить или унижить.

Он мечтал о славе, но никогда ничего не делал для достижения ее. Он не делал ничего из того, что выходило бы за рамки его профессии и искусства. Я, например, могу представить Юру, ну, скажем, народным депутатом, всегда пытающимся кому-то помочь, но я не могу себе представить его кандидатом в народные депутаты, когда ему было бы необходимо отстаивать, а тем более нахваливать себя в предвыборной борьбе.

Еще одно удивительное качество для актера: обладал он завидной внешностью, но абсолютно не старался, как это частенько бывает, эксплуатировать ее возможности. Сколько мы знаем актеров, боящихся больше всего на свете быть некрасивыми и жалкими. Они знают, какой профиль у них

более выгоден, и никакая сила не заставит их повернуться «не тем» профилем. Юра был начисто лишен этого комплекса, мало того, он сам выдумал самые невероятные приспособления, предполагающие ярче и полнее донести характер персонажа. Когда мы мучительно бились над образом Сержа Войницева в «Неоконченной пьесе для механического пианино», неожиданно после долгих проб и метаний Юра вдруг предложил:

– А что, если я подожду пальцы на ногах? Мы не поняли. – Вот... смотрите... Он стал ходить по кабинету, широко расставляя ноги и выворачивая носки.

– У него плоскостопие... Понимаете? И вдруг этого обманутого и никчемного Сержа Войницева стало так нестерпимо жалко, что я лично тогда с трудом сдержался, чтобы не выразить не к месту возникшие эмоции, а проще – я чуть не заплакал.

Или «Свой среди чужих»... Может ли кто-нибудь себе представить, что того мощного и бесстрашного чекиста играл артист, никогда никого в жизни не ударивший и даже кулаки сжимающий по-женски – большим пальцем к торцу! Это я обнаружил уже на съемках.

А Штольц в «Обломове»: веселый прагматик Андрей Штольц и нежный, слабый, жаждущий любви и сострадания Андрюша Штольц, уезжающий из родного имения в неизвестную самостоятельную жизнь, – и это все он, Юрий Богатырев.

Я не анализирую других его блистательных работ в театре и в кино, не потому, что считаю их менее значительными, чем те, о которых я говорю здесь. А только потому, что с Юрой меня связывает нечто такое, что, с одной стороны, выходит за рамки наших профессиональных отношений, а с другой – неотделимы от них.

Я уже говорил, что он жаждал славы, жаждал признания мучительно и самозабвенно. Он часто жаловался мне, искренне страдая от того, что на улице его не узнают, что он никому не нужен, все созданное им плохо... Его задетое актерское честолюбие, наверное, мешало ему понять, что именно эта его как бы внешняя анонимность и есть залог и фундамент огромного его актерского многообразия.

И в этом тоже была определенная раздвоенность Юрия Богатырева: на экране, на сцене – ярок, многокрасочен, словно мощнейшим магнитом притягивающий к себе внимание зрителей; на улице же невидим, неотличим от спешащих и озабоченных людей. Русский созерцатель, любитель меланхолических разговоров, он был изумительным собеседником, умеющим слушать, в суете всеобщего всезнайства не потерявший дара удивляться новому, ему незнакомому. Он так и не съехал со своей дороги в одну из тех обочин, которые ему так щедро подсовывала наша действительность.

И жаль только, что дорога эта была столь коротка. Великий вождь и учитель всех народов, поучая их, воскликнул как-то, что «незаменимых людей не бывает». Я с удоволь-

ствием соглашусь с ним, когда мысль эта будет относиться к партократии, созданной этим вождем. В безликом бюрократическом механизме действительно «все и вся» заменимы, мы иногда даже не замечаем этой замены. Но в творчестве, в искусстве, особенно русском, потери наши невосполнимы.

Разные артисты разных поколений будут играть те роли, которые играли Михаил Чехов, Николай Хмелев, Борис Ливанов, Михаил Яншин, Ольга Андровская... Но место их с их уходом никем не заполнено, оно навсегда осталось пустым.

Навсегда опустело и место Юрия Богатырева в искусстве и еще в жизни многих его друзей, почитателей.

В том числе и моей... (X, 2)

(2001)

Я познакомился с Юрой в «Щуке», потому что учились вместе. Он учился на два курса младше меня. И я помню его невероятно дородную внешность...

Мы с Юрой пересекались на студенческих показах-спектаклях. Юра там играл, а я смотрел. Уже тогда он считался очень перспективным актером. К тому же у него еще было дарование художника. А также замечательный юмор, деликатность в обращении. То есть это был как бы образ артиста начала XX века – мхатовской школы, с интеллигентными манерами и веселыми шутками.

Но мы не были еще близко знакомы... А когда я начал

снимать свою дипломную работу «Спокойный день в конце войны», то совершенно естественно обратился к своим одноклассникам по «Щуке» – Сереже Артамонову, Вале Смирнитскому, Саше Пороховщикову... И конечно, к Юре Богатыреву – хотя с ним мы не учились вместе, но это была одна компания. Тогда-то Юра и попал к нам на съемочную площадку в первый раз.

У него была очень маленькая роль. У других, правда, еще меньше, но там были хоть какие-то слова.

Но у него была замечательная фактура – белоголовый, голубоглазый, с русой щетиной... Потрясающая фактура уже тогда была.

Потом я начал готовиться к «Своему среди чужих»... Вместе с Эдиком Володарским мы написали сценарий. И конечно, уже тогда в нем была роль для Юры. Потому что я видел его на экране, уже знал – по отрывкам из Достоевского, которого он очень любил, и по очень смешным ролям в водевилях – какой он универсальный артист, какой замечательный характер. Но... я ушел в армию, и все отложилось на год с лишним. Когда я вернулся, у меня столько накопилось энергии и жажды работы, что мы тут же включились и стали всех пробовать... Но на роль Шилова я никого не пробовал, кроме Юры.

Его физическая форма вызывала у всех уважение. Если меня группа называла «лось номер один», потому что я очень много бегал, занимался спортом, то его – «лось но-

мер два». Он был совершенно фантастической выносливостью. Его огромные руки все называли «верхние ноги» – они были с гигантскими кистями и толстыми мощными пальцами.

Вообще Господь одарил его совершенно невероятной фактурой. Юра был сложен так потрясающе, что когда мы снимали сцену, где он бежал в маечке навстречу товарищам, то он, никогда не занимавшийся спортом, выглядел настоящим ширококостным атлетом с рельефными мышцами...

Помню, спросил его: «А верхом ты ездешь?» – «Никогда не ездил...» – «Ну и как ты?» – «Я научусь».

И он сделал это просто в считанные дни, и виртуозно – сел на коня и тут же поехал... Когда мы закончили картину, я еще раз убедился, что, выбрав Юру, был прав. Я просто не представлял себе, где еще можно было найти такое свежее лицо и такие гигантские актерские возможности, как у него.

С этого началась наша серьезная совместная работа. Дальше уже все писалось как бы для Юры...

Мы уже настолько сблизились, настолько уже не могли друг без друга существовать в творчестве, что я предложил: «Юра, там тебе играть совершенно, абсолютно нечего (речь идет о фильме «Раба любви»), но пускай твой образ будет все время с нами – некий мифический возлюбленный Ольги Вознесенской на обложке журналов. Пусть он все время фигурирует в картине». И он согласился присутствовать в фильме как фотоартист.

Это был наш «мостик» к следующей картине – «Неоконченная пьеса для механического пианино», где для Юры уже просто писалась роль. И сумасшедшее удовольствие была эта работа – то, как мы искали и находили образ Войнищева... Мы понимали, что Серж – это такое большое, трогательное, глупое, наивное, слабое и в то же время очень искреннее и честное существо, такой Пьер Безухов, только глупый.

Но глупость тоже бывает разная. Это была не глупость, а скорее такая звенящая ограниченность. Труднее всего играть это. Потому что Серж говорит простые банальные вещи. И в общем людям нормальным эти мысли могут показаться естественными: «Вольтер, маман и ты... впрочем, еще и Глинка».

Все это никак не резало уха обывателя. Человек любит Вольтера, маман, свою жену и Глинку – чего уж тут подделаешь? Самое сложное – так сыграть, чтобы это стало смешным. И Юра сделал это ювелирно, на каких-то невероятных полутонах.

Его образ родился от походки героя – это Юра предложил сам. У него было плоскостопие, поэтому ему специально делали очень большие ботинки: размер такой гигантский – сорок восьмой или сорок девятый. Ему изготовили ботинки еще больше, и он поджимал пальцы на ногах, поэтому его походка становилась такая... шлепающая. Он шел, как ходят плоско-стопые люди – с пятки, с развернутыми носками и шлепая. И как только он пошел этой походкой – все сразу

стало ясно. Все слилось в один образ: и шляпа с высокой тульей, надеваемая прямо, и огромные руки, и трость, и косо-воротка – все сразу заработало.

Юра очень тонкий артист, тончайший. И что самое главное – у него были абсолютно потрясающие интуиция и вкус. Он точно чувствовал тонкость юмора. Он не мог играть средне – мол, это проходная сцена, и бог с ней... Он не мог быть просто тупо органичным артистом. Ведь вот есть органичные артисты, которые очень хорошо произносят текст и все делают очень мило... Но он не мог.

Он был по-настоящему театральным артистом – в самом прекрасном смысле этого слова.

Поэтому все его реакции, все повороты характера его героя были удивительно крупны. Но эта крупность была не театральным нажимом, а выразительным мощным мазком, как у художников «Бубнового валета», скажем, такой жирный, сочный, очень на своем месте.

И в то же время он держал тонкость паузы. Вдруг дрогнувший голос, вдруг наполнившиеся слезами глаза... Это он делал просто ювелирно. И в этом отношении сегодня я не знаю такого актера. Может, только Олег Меншиков...

Ему совсем не мешала его «театральность»... Юра был просто как выездженный скакун. Он мог по ходу импровизировать – достаточно было из-за камеры ему шепнуть, что делать, и он мгновенно разворачивался, и это было абсолютно органично. Он был совершенно мастерский импровизатор.

Хотя он, как и я, любил импровизацию, хорошо подготовленную, а не просто спонтанную – оттого, что не знаешь, что делать.

После «Неоконченной пьесы для механического пианино» были «Несколько дней из жизни И.И. Обломова». И все заранее знали – Штольца будет играть Юрий Богатырев.

Хотя, по-моему, он хотел пробоваться и на роль Обломова. Было много тех, кто хотел и имел право на это, в том числе и Александр Калягин. Но уже как бы априори Обломова должен был играть Олег Табаков. Это должен был делать именно он – хорошо ли это, плохо ли, молод он или стар... И он сыграл, на мой взгляд, достаточно убедительно.

Мне кажется, что Юра очень очеловечил Штольца. Он сделал из него не бездушную машину, а человека, который просто искренне не понимает, что такое русская душа. Он знает точно: то, что он предлагает, это правильно, это хорошо. И не может заглянуть за эту границу дальше. И в этой незыблемой убежденности Штольца, что именно так хорошо, так правильно для Обломова, Юра достиг высокой убедительности.

Квинтэссенция этой роли – эпизод, когда отец провожает мальчика Штольца учиться. В сцене прощания с отцом Юра сыграл безупречно точно. И конечно же, для меня чрезвычайно важна сцена с риторикой Штольца у Обломова в бане. Эти две кульминации Юра провел замечательно. (III, 3)

(2004)

В Юре было удивительное соединение. С одной стороны, мощный, огромный, выше всех на голову, шире всех в плечах, а с другой – доверчивый, трогательно-ранимый...

При своей мощности и дородности Юра казался необыкновенно легким, было ощущение, что он очень спортивен, хотя он никогда не занимался спортом. И это ощущение подтвердилось во время съемок «Своего среди чужих». Ничто не могло остановить его от прыжка без дублера с обрыва с гигантской высоты в реку. Когда Юра очутился в воде, их с Костей Райкиным так быстро потащило по течению, что мы не успели оглянуться, как они исчезли за поворотом. Выловили их только через два с половиной километра, самым из такой бурной реки было выбраться невозможно... Но дело не в этом даже.

Он был великий артист. Если ему нужно было сыграть музыканта, он бы выучился играть, если летчика – научился летать. Его делал костюм, надев его, он сразу преображался. Он был невероятно пластичным актером.

Честно говоря, такого артиста я больше не встречал... (II, 44)

БОЕЦ (1992)

Интервьюер: *Вы боец?*

Для меня экстремальная ситуация есть нормальная ситуация для жизни. Диванный покой меня убивает, лишает сил.

Невзгоды многих расслабляют, и они идут пить, махнув на все рукой. А я, наоборот, начинаю наращивать бицепсы и с наслаждением кидаюсь в бой. У меня это вызывает обратную реакцию – я оживаю. (II, 23)

БОКС (2012)

Вопрос: *Понравился ли Вам бой Лебедева с Коксом, и за что он Вас благодарил?*

Рой Джонс сказал, что, если Лебедев достоин до шестого раунда, он может выиграть. Лебедев не стал ждать до шестого раунда, а просто во втором раунде уложил Кокса на ринг, и на этом все закончилось.

За что благодарил?.. Я не вижу необходимости это рассказывать, но если тебя за что-то публично благодарит чемпион мира по боксу в тяжелом весе, то тому, кого он благодарит, должно быть приятно.

Я вообще этих ребят очень люблю: и Поветкина, и Пирогова, и Дениса Лебедева. И должен вам сказать, что меня поразило, когда я стал ближе с ними общаться, – насколько это тонкие, искренние, благодарные люди, люди, которые не имеют зависти и зла, которые, как говорил Че Гевара: «Да, я авантюрист, но я авантюрист, который рискует своей шкурой, а не чужой». Они на ринге рискуют «своей шкурой». И тут все видно. Это или есть, или нет. И вот это их товарищество, когда после жесточайшего боя один человек укладывает другого и потом к нему подходит, и тот его тоже проща-

ет, потому что каждый из них в равных условиях. Это очень достойно, по-мужски.

Я их очень уважаю и люблю, и надеюсь, что это взаимно.
(XV, 70)

(2012)

Вопрос: *Может, Вы и сами когда-то боксом занимались?*

Только на школьном уровне.

Бокс – ваш любимый вид спорта?

Один из. Так же, как теннис и футбол.

И кто же ваши любимые спортсмены?

Если говорить о боксерах, это Саша Поветкин, и Дмитрий Пирог, и Григорий Дрозд. Они мои товарищи.

А если окунуться в историю бокса?

Это, конечно же, Мухаммед Али и Джордж Форман. Они – боксеры моей молодости, мои кумиры. Конечно, и впоследствии было много достойных боксеров, но Али и Форман – все равно на первом месте. (XV, 74)

БОЛЕЗНИ (2000)

Интервьюер: *Что случилось, Никита Сергеевич?*

Ничего страшного. Своевременная операция на желчном пузыре.

Неужели желчи в Вас много накопилось?

Ну-у-у... да. Я ведь веду активный образ жизни, постоян-

но двигаюсь, занимаюсь спортом, поэтому желчь до поры до времени прокачивалась. Если бы в креслах сидел да на диванах валялся, прихватило бы еще раньше. А так до пятидесяти пяти лет продержался. Но меня, кстати, и потрянуло сразу после дня рождения.

Наверное, немало приняли на грудь в честь юбилея?

В тот день я почти ничего не ел, а только пил. Было полно народу, со всеми нужно было пообщаться, рюмку поднять, и к вечеру оказалось, что я в одиночку уговорил два с половиной литра виски...

Однако! Это ведь смертельная доза.

Верно. Но, как говорится, что немцу смерть, то русскому хорошо.

Поскольку Вы определенно не немец, выжили, и Вам было хорошо!

Не просто выжил – ночью приехал на Николину Гору и там отпраздновал с рабочими, которые дачу достраивают. А на следующий день с утра продолжал принимать гостей.

В общем, торжества затянулись.

В понедельник я был уже в форме. По обыкновению пробежал десять километров, тренировался, все шло нормально. Во вторник играл в теннис, в среду вечером пошел в ресторан «Изуми» и, видимо, съел или выпил то, от чего мне резко поплохело...

Так и попал сюда. Видишь, семнадцать камешков из желчного пузыря вытащили. Вот они.

Хорошая коллекция.

Стоило хотя бы одному «экспонату» двинуться и закупо-
рить протоку, и мои дела были бы совсем плохи. Поэтому
врачи советовали не тянуть с операцией. Сначала думал от-
ложить до будущего года, не хотел, чтобы резали в високос-
ном, а потом решил: ни к чему рисковать, и выбрал день Ни-
колы зимнего. Я ведь восстанавливал в деревне Аксиньино
храм Святого Николая Чудотворца, колокола для него лил.
Словом, прилетел из Нижневартовска, заехал в церковь, по-
ставил свечку, получил благословение от батюшки – и под
нож.

Вовремя лег: когда распахали мне брюхо, увидели воспа-
ление, гнойный перитонит.

Могли опоздать!

Ничего, с Божьей помощью обошлось. Шрамы, надеюсь,
затянутся, а камни останутся.

На память сохраните!

Ограню. Или на аукционе выставлю... Все это, конечно,
шутки. Хихикать можно сейчас, а неделю назад настроение
было другое. Операция все-таки достаточно серьезная, два
часа под общим наркозом. Мне ведь заодно и пупочную гры-
жу удалили, чтобы не мешала спортом заниматься.

А большие ничего не отрезали?

На бис? К счастью, обошлось. Правда, анестезиологи вве-
ли какой-то препарат, от которого у меня разыгралась ал-
лергия. Лекарство, что называется, не пошло. Я очнулся от

страшного колотуна, от стука собственных зубов.

Ды-ды-ды-ды-ды! Меня в буквальном смысле слова трясло, и три бедные медсестры держали мои руки и ноги, чтобы я с кровати не свалился. Потом вкололи что-то, и я – ш-ш-ш-ш! – опять уплыл в небытие.

Через четыре дня из реанимации перевели в палату. *Что врачи говорят о том, когда на ноги встанете?*

Месяца полтора рекомендую щадящий режим. Но к марту рассчитываю вернуться к привычным нагрузкам. До операции я ежедневно пробегал три километра за четырнадцать минут с копейками.

Буду возвращать форму.

Вокруг Патриарших прудов круги наматываете или на Николиной Горе?

На даче, конечно. За последние двенадцать лет я всего пару раз ночевал в московской квартире. Готов ехать на Николину Гору в любом состоянии и в любое время суток.

Стройку там когда завершите?

Это процесс перманентный, какое-то время он еще продлится, но главное уже сделано, дом вполне жилой. Я настолько привык к Николиной Горе, что даже неделя, проведенная в больнице, кажется вечностью.

По случаю выздоровления врачи разрешат чарку выпить, как думаете?

Надеюсь. Хотя, должен сказать, сейчас получаю удовольствие от того, что не пью алкоголь... (II, 33a)

«БОЛОТНАЯ» (2012)

Среди тех, кто приходил на Болотную и Сахарова, были люди, которые хотят здесь жить, но они хотят, чтобы им ответили на их вопросы. И это одна из самых главных проблем, которая стоит перед властью.

Думаю, если Путин услышит это, то поймет, что от многого нужно отказываться и многое нужно менять. Определенный этап закончился. Путин сделал великое дело, он спас страну от развала, когда пришел к власти. Сумел создать человеческую атмосферу в очень тяжелых условиях благодаря, в том числе, и цене за нефть.

Но! Сегодня приходит новое время и встают совершенно новые вызовы. (I, 159)

БОЛЬШЕВИЗМ (1992)

Подтасовка истории и идей – вот большевистская тенденция, которая и до сих пор, в сущности, имеет хождение.

Вспомните, каким образом сталинизм консолидировал народ во время войны: на возврате, на использовании именно тех корневых, настоящих ценностей, которые революцией были разрушены. Когда возникла необходимость консолидации, то и на историю глянули по-другому, и форма военная вернулась, и обращение Сталина к народу: «братья и сестры» – это уже совершенно другой уровень духовного общения.

Прием был сильный, в нем был заложен мощный объединяющий импульс. (II, 25)

(1993)

Напомню из истории, что для большевиков убийство царской семьи стало поводом не останавливаться ни перед какими нравственными преградами.

Если «убрали» царя, царицу, детей, прислугу, то что после этого могла значить травля Шалипина, Рахманинова, Бунина? И что там судьба каких-то философов, которых, слава богу, догадались не расстрелять, а «всего лишь» депортировать в другие страны... (I, 53)

Новый большевизм (1993)

Мне кажется, что новые большевики, с крестоносной расчетливо-безнаказанной жестокостью расстреляв парламент, пролив в огромных количествах кровь (в том числе и совершенно невинных людей, оказавшихся в Белом доме случайно), вкусив радость цензурных ограничений, запретив накануне выборов многие оппозиционные партии, должны будут и дальше действовать согласно уже укоренившейся логике.

А выглядит сегодня она так: если «революционная целесообразность» диктует разогнать парламент, но этому мешает Конституция, значит, можно ее отменить, как сталинско-брежневскую. Ну а если надо ввести цензуру, то та же сталинская Конституция для этого оказывается вполне при-

годна...

Не фарисейство ли это, не цинизм ли победителей, для которых произошедшее не стало пережитым, осмысленным уроком?..

Чем отличились новые большевики? Они прогнали старых, справедливо обвиняя их во всех преступлениях, но сами-то только и сделали, что сели на нагретые места, а сев, тут же забыли обо всем, кроме себя.

Разве они восстановили справедливость? Разве приняли на свою совесть бремя греха и стыда за то, что было сделано с Россией? Разве прислушались сердцем к ее чаяниям и мечтам? Нет, не случилось этого.

Только на то и хватило их: часть улиц обратно переименовать да, подчиняясь моде, тупо стоять со свечками во время освящения продуктового магазина, ни слова не понимая из того, что говорит священник...

А что сделано новыми большевиками в экономике, что построено ими?

Посмотрите рекламу приватизации. Акции – по телевидению. Чем предлагают владеть акционерам? Да только тем, что было сделано до них другими, по сути, теми, кого они прогнали. Я уж не говорю о запущенной социальной сфере, размахе преступности, казнокрадстве, которых в таких масштабах никогда не было на Руси. Вот и приходишь к выводу: нам не надо изобретать ничего нового, надо отмыть старое и проложить дороги...

Можно ли было избежать большевистского синдрома? Думаю, что нет – ни народ, ни сами демократы к подлинной демократии оказались не готовы.

Вот почему страну продолжает пучить... (I, 53)

БОЛЬШИНСТВО И МЕНЬШИНСТВО (1988)

Есть одно спорное утверждение, в котором имеется определенный смысл и над которым, наверное, стоит задуматься: «Большинство никогда не бывает правым».

Как это ни парадоксально звучит, но, если вдуматься, скажем, в проблему экологии, когда большинство совершенно однозначно утверждает, что техническая революция – вещь необходимая, какое-то меньшинство, но глядящее чуть дальше, говорит: «Нет, не надо строить на Байкале комбинат! Не надо поворачивать реки, не надо разрушать и нарушать то, что создано природой!»

И даже если большинство начинает поддерживать эти слова, жить оно продолжает по тем законам, по которым им удобней.

Поэтому я думаю, что в этом спорном утверждении есть определенный смысл. (II, 17)

(1993)

Так уж повелось в нашей стране, что правда всегда на стороне меньшинства, а не большинства...

Поэтому я политическому хоровому пению не верю. Все-

общее единодушие меня как раз и настораживает. Все эти коллективные письма, митинги «в защиту демократии», в организации которых так преуспел наш творческий Союз кинематографистов... (I, 53)

БОНДАРЧУК СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ **(1994)**

Маленькие, кусачие, злые, недовольные – напрасно вы думаете, что с уходом этой глыбы вам станет легче жить.

В этом мире сегодня, и завтра, и послезавтра бесконечной волной будет жить то, что сделал этот человек, мощный, искренний, лукавый. Да, он лукавил, но он лукавил безбожно для того, чтобы сохранить Бога в себе, в окружающих его. В тяжелое время он пронес эту веру. Он ее пронес, сумел.

Сумел! Как много людей отвергшихся, которые юлили, изворачивались, делали то, что прикажут. Он мощно шел своей широкой поступью. Вы посмотрите на его лицо. Я только сегодня увидел, сколько в нем намешано всего: степных ветров, песен казачьих, сколько в нем огромного дыхания, и как в нем все слилось, как в России, как все в нем переварилось, как все в нем существовало...

Я вижу здесь замечательные лица. И потрясающий день. И он ушел. Он ушел спокойно, достойно, исповедовавшись, будучи соборован, ушел в свой день ангела. И вот сегодня последний раз на его лице играют лучи солнца, но они играют, и душа его светла. Он может быть спокоен. Есть дети,

есть товарищи, есть Россия, есть то, что им сделано.

Прощай, дорогой! Пусть тебе пухом земля будет. (X, 3)

(2004)

Все свои фильмы мосфильмовского периода, начиная со «Свой среди чужих», я снял в Первом творческом объединении, которым руководил Сергей Федорович Бондарчук.

Но его впечатлений, замечаний по поводу моих картин припомнить не могу. Вообще-то он меня не баловал лестными отзывами, хотя, конечно же, все мои режиссерские работы смотрел. Наверняка знаю, что относился он ко мне тепло, даже с любовью, но вот особо одобрительных слов я от него не слышал. Он в первые годы моей работы на «Мосфильме» в достаточной степени был закрыт для меня.

Наши более близкие, более серьезные отношения установились, когда подружились наши выросшие сыновья – его Федор и мой старший сын Степан. Нас объединили отцовские тревоги.

Так что мы стали общаться чаще, и со временем не только на темы воспитания наших юношей. Я говорил ему о каких-то своих задумках, и чем дальше во времени и пространстве, тем серьезнее относился он к нашим беседам, мне даже казалось, он оценивал их глубоко, с пониманием, а иногда даже с долей восхищения.

Бондарчук – художник по-настоящему страстный. И всеобъемлющий. Почему его волнует «Война и мир», или «Ти-

хий Дон», или «Они сражались за Родину»?

Его волнует мощь! Как он ставит чеховскую «Степь»? Ведь и в этой, казалось бы, спокойной, лиричной повести он открывает гигантский, потрясающий масштаб: соединение маленькой жизни маленького мальчика с этим постоянно движущимся обозом в этой бескрайней степи.

Сергей Федорович нес в себе понятие чести, понятие святого, к чему нельзя прикасаться грязными руками, понятие серьезности отношения ко всему тому, к чему он, Бондарчук, прикасается. Любой русский художник, глубоко чувствующий то, что он делает, и то, что его мучает, – это часть русской идеи. Я не имею в виду: русский художник по крови. Исаак Левитан был евреем, а по чувствованию России в пейзажной живописи рядом с ним мало кого поставишь! Не кровь определяет русского художника, а реальное ощущение значения жизни в России, ощущение ее вкуса, ее запаха, видения этой жизни, ее осязания. Конечно же, Сергей Федорович во всех отношениях глубоко русский художник: по своему своему нраву и по силе своей любви.

Причем это выражалось не в пафосных речах с трибун, эта любовь была его нутром, его энергией. С другой стороны, Сергей Федорович принадлежит к той плеяде русских художников, которым не чужд византизм, то есть сознание, что ради главного в своем произведении иногда можно и нужно поступиться неглавным. В тех условиях, в которых ему пришлось работать, иначе было невозможно. Для того чтобы

спасти народную, солдатскую правду «Они сражались за Родину», он снял в финале картины, прямо скажу, плакатную сцену со знаменем. Про него злословили: партийный бонза; гнусно шипели: уж больно чересчур обласкан Советской властью. Но как замечательно написал мой отец: кого любят цари, того не любят псари.

Никогда Сергей Федорович не поступился своим существом, своей натурой. Я однажды присутствовал при его разговоре с одним большим начальником, это было впечатляюще. Не знаю, жаловался ли потом кому-то тот большой начальник, а может, предпочел промолчать, потому что Сергей Федорович, выражаясь современным языком, так на него наехал, что этот высокопоставленный самодовольный чиновник на моих глазах превратился в жалкого писаришку. Наверное, он почувствовал в Бондарчуке такую силищу, с которой лучше не связываться, отступить, дать все, что просит, и забыть об этой встрече навсегда.

Все, что Сергей Федорович имел от Советской власти, он имел совершенно заслуженно!

Предположим, была бы в России монархия, а Бондарчук создавал бы то же самое, что создал, он был бы признан точно так же, потому что он настоящий, крупный русский художник! Потому-то и от советской империи он получил все. Причем его пример довольно редкий.

В Советском Союзе предпочитали вознаграждать тех мастеров, искусство которых было не связано с идеологией. Со-

листов балета и оперы, например, или дирижера, или пианиста. Рихтер есть Рихтер. Какая разница, состоит он в КПСС или нет, если его фортепьянному гению рукоплещет весь мир. А тут кино, искусство, призванное в том числе и отражать идеологию государства, и мы знаем среди кинематографистов народных артистов СССР и лауреатов, которые получали звания и награды, но совсем по другим критериям. Не за то, что они выдающиеся художники, а за то, что... «с Пал Васильичем вдвоем, что прикажут, то поем». А Бондарчук делал только то, что хотел, но делал так, что не признать его на государственном уровне было невозможно. А это раздражало. Поэтому, когда на Пятом съезде разрешили его топтать и сказали: к нам пришла демократия, и ничего вам за это не будет, то злобный лай понесся из всех углов.

Что касается моего выступления на том Пятом съезде Союза кинематографистов СССР, то ведь у меня не было никакой специальной задачи защищать Бондарчука. Для меня само по себе было дикостью, когда бездарные, ничтожные неудачники, которые считают виновными в своих неудачах кого угодно, только не самих себя, наслаждаясь вседозволенностью и безнаказанностью, топтали мастеров старшего поколения, и в первую очередь Бондарчука. Я им сказал: «Ребята, вы можете его не любить, каждый из вас лично может не признавать его, но от того факта, что он вошел в историю мирового кино, никуда не деться, не говоря уже об истории родного кинематографа. Кого вы наказываете, не изби-

рая делегатом Всесоюзного съезда кинематографистов Бондарчука?!»

Замечательная есть в русских церковных тропарях фраза: «Демонов немощные дерзости». Вот это и были демоны, вот тогда они и разгулялись. Они из кожи лезли, чтобы унижить Большого Художника, в надежде, что таким образом возвысятся, обретут вожаденную значительность. Глупцы. А я просто сказал, что думал, не ожидая никаких выгод от Сергея Федоровича или еще от кого-то, поступил так, потому что просто не мог поступить по-другому, не мог я быть вместе в этой своре.

Правда, меня поразило, что я оказался единственным, кто его защитил. Вот это для меня явилось тогда настоящим потрясением. А сейчас, когда меня пытаются уколоть, обогать, я, может быть, острее, чем тогда, понимаю его чувства. Но опыт Сергея Федоровича мне очень многое дал: я видел, как сильно он переживал и даже иногда пытался отвечать, а с демонами разговаривать не надо, эта «немощная дерзость» пусть остается при них. Один очень хороший человек, игумен Агафон из Свято-Николо-Тихонова монастыря, мне сказал: «Никита Сергеевич, не отчаивайтесь и помните: клевета ложится черным пятном на души клеветников, а вашу душу просветляет, поэтому радуйтесь клевете и знайте: она как очистительный ветер для души». Я это высказывание воспринял всерьез, и сейчас оно мне очень помогает выстоять и выдюжить.

Ниша Бондарчука невосполнима, незаменима. Он был настолько обособлен в своей самобытности, неповторимости; он был настолько всегда нужен, именно на том месте, которое занимал, что мне сейчас его очень не хватает.

Очень! Не хватает его мощи, его иронии. Бывало, он только входил на «Мосфильм», или в Госкино, или в Союз кинематографистов, снующие «мыши» сразу по углам разбегались, только коготки по паркету царапали. Те самые «мыши», которые потом, упиваясь разнузданной «свободой слова», посмели его шельмовать. Они и сейчас успокоиться не могут, да и не должны бы успокаиваться, потому что его отсутствие не освобождает их от страха перед его творениями, перед этой мощью как таковой.

Они боятся его до сих пор. Да только немощны они перед ним. Заметил я в тот горький день, 24 октября 1994 года, среди притихшего, плачущего людского моря и их перекошенные лица. Пришли на панихиду с тайной надеждой хоть постоять у стен, как они думали, поверженной крепости. Тяжко я переживал кончину Сергея Федоровича и, хоть глаза застилали слезы, разглядел их бегающие глазки, их лицемерную скорбь. «Маленькие, кусачие, злые, недовольные, напрасно вы думаете, что с уходом этой глыбы вам станет легче жить», – сказал я им тогда в своей траурной речи.

И всегда готов это повторить... (I, 102)

(2006)

Интервьюер: *Вы отвоевывали у ваших любимых итальянцев «Тихий Дон» Сергея Бондарчука. Как Вам теперь кажется, результат стоил усилий?*

Я очень люблю Сергея Федоровича и обсуждать это не беру. Сделано и сделано. (I, 126)

БОЯРСКИЙ МИХАИЛ (2002)

Вопрос: *Когда можно увидеть ваш новый фильм с Михаилом Боярским в главной роли?*

Для этого господин Боярский должен проявить недюжинные способности, чтобы убедить меня, что, скажем, в «Утомленных солнцем – 2» он должен сниматься. (I, 90)

БРАКИ

Однополые браки (2013)

На сегодняшний день все то, что когда-то было безобразным, недопустимым и постыдным, становится нормой и правилом.

И это поощряется! А ведь то, что сегодня поощряется, в принципе является патологией.

Патология, когда у ребенка нет отца и матери, а есть родитель № 1 и родитель № 2. Ребенок в этом случае лишается ощущения того, что такое мужское и женское начало.

И эта патология уже законодательно утверждена во Франции, где, слава богу, уже миллионы людей против этого протестуют. Но и в Англии уже это одобряется, «на носу», так

сказать, первое однополое бракосочетание, признаваемое государством.

Можно, конечно, над этим посмеяться... Но все это не так безобидно, потому что на смену тем принципам, которые являются нравственными и нормальными, приходит то, что называлось уродством и патологией. И это поощряется! А все естественное и нормальное для человека отодвигается и объявляется анахронизмом.

Однако в России при всем желании определенных кругов сделать все так же, «как у них», – это вызывает резко негативную, даже агрессивную реакцию.

Мне кажется, что это очень серьезная проблема. Идет ясная и понятная борьба – между теми, кто пытается защитить естественные человеческие ценности, и теми, кто пытается их извратить и нормальных людей превратить в изгоев или выставить на посмешище. На поверхность выплывает все то, что так или иначе, изнутри пытается заставить нас поменять наш национальный код, поменять свою ментальность.

А ведь если человеку все время говорить, что он – осел, то он когда-нибудь скажет: «И-а...»

И наше будущее, если мы не сможем этому противостоять, очень печально... (XV, 82)

БРАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ (2005)

*Два чувства дивно близки нам – В них обретает сердце
пищу: Любовь к родному пепелищу, Любовь к отеческим гро-*

бам...

Александр Сергеевич Пушкин написал эти строки в XIX веке. Думается, что под словом «нам» поэт имел в виду не только своих современников, но и предков. И хочется верить – потомков! Однако то, что происходило с нами и нашей исторической памятью в советские времена, и то, что порой происходит сегодня, свидетельствует о том, что мы обманываем надежды великого русского поэта и не следуем его заветам.

Девяносто лет назад по представлению великой княгини Елизаветы Феодоровны Московская городская управа приняла Решение о создании Братского кладбища воинов, павших в Первую мировую войну.

Россия в Первой мировой войне потеряла убитыми более шести миллионов человек, почти восемнадцать тысяч из них были похоронены на Братском кладбище. Здесь же нашли свое упокоение юнкера и офицеры, погибшие в октябре 1917 года в Москве в боях с большевиками.

В 1925 году кладбище было закрыто, а в 1932 году его сровняли с землей. Надгробья были уничтожены, на их месте выросли дома, был разбит парк, открыта танцплощадка!

На протяжении пятидесяти лет о кладбище просто забыли, и лишь в 1987 году усилиями Героя Великой Отечественной войны Ерофея Михайловича Левшова и по благословению Патриарха Московского и Всея Руси Пимена был установлен памятный крест, который в дальнейшем, к сожа-

нию, был уничтожен.

Так началось возрождение Братского кладбища, возрождение нашей памяти, пробуждение нашей совести.

В 1998 году была построена часовня в честь Преображения Господня, в которой ежедневно служитя панихида в память погибших героев Первой мировой войны и жертв революции.

И все же кардинально положение до сих пор не изменилось! Поэтому в 2005 году я обратился с письмом к Президенту России

Владимиру Владимировичу Путину. Я попросил его взять под личный президентский контроль решение вопроса об установлении на месте Братского кладбища памятника воинам Первой мировой войны, памятной стены с указанием имен всех захороненных воинов и сестер милосердия, включая воинов стран-союзниц, восстановлении храма Преображения Господня, установлении памятника великой княгине Елизавете Феодоровне – основательнице Братского кладбища, придании этому историческому месту прежнего названия «Всероссийское военное братское кладбище героев Первой мировой войны».

Я уверен, возрождение Братского кладбища состоится, как состоится и возрождение нашей исторической памяти, основанное на понимании истинной роли, которую играет подвиг русского народа, совершенный в тяжелую и великую пору Первой мировой войны.

Вечная память ее героям! (VII, 3)

БРАТСТВО

Цеховое братство (2002)

Если ты уважаешь свою профессию, если ты уважаешь человека, картина которого тебе не понравилась, и если ты хочешь, насколько это возможно, помочь и себе, и ему, то надо честно сказать о том, что не понравилось, услышать ответ и согласиться или не согласиться с ним.

На мой взгляд, это и есть цеховое братство, о котором мы почти забыли. (XIII, 1)

«БРИГАДА» (2003)

Вопрос: *Не кажется ли Вам, что модный сериал «Бригада» – это вредный фильм? В нем все менты и чиновники плохие, а бандиты хорошие?*

Дело в том, что я профессионал, и я не могу оценивать произведения только с точки зрения зрителя. Эта картина очень грамотно сделана, и в ней очень хорошие актерские работы.

Я совершенно с вами согласен, что после просмотра остается очень простое резюме: власть продажна и подла, а если и есть порядочные люди, то они бандиты.

Хотим мы того или не хотим, но наш опыт это подтверждает. И именно поэтому картина практически во всех эшелонах власти вызывает огромный интерес. Я знаю людей, ко-

которые посмотрели картину, понимают ее пагубность, однако говорят: «Мы посидели, подумали – это все правда».

Но нужно снимать еще и другое кино, которое расскажет о людях, которые борются за справедливость в своем Отечестве и достигают успехов. (I, 93)

(2003)

Мне дали видеокассеты с «Бригадой». Это – профессионально.

Ну и пусть, что сериал снят о бандитах. Другое дело, какой вывод люди сделают. Но его-то надо делать не из фильма, а из того, как, например, работает Госдума, как депутаты между собой разговаривают, кто становится «народным избранником».

Давайте представим себе, что мы запретили «Бригаду» и больше не снимаем такое кино. Это поможет только тем, кто вуалирует свою непорядочность и работает «уличными» методами. Я предпочитаю, чтобы «Бригада» была только в кино, а не на улице. Наивно полагать, что если бы «Бригаду» не сняли, то ситуация сразу исправилась бы. А если начнут делать плохие фильмы про хороших, добрых людей, то будет только хуже. (I, 99)

«БУЛГАРИЯ» (2011)

Гибнут люди, тонет корабль... Человек выходит в плавание с людьми на корабле, который не готов, который не име-

ет лицензии. Возникают вопросы: виноват капитан, который это делает? Наверное, да. Но он за это расплачивается своей жизнью. Виноваты ли те, кто ради наживы выпускает такой корабль в рейс и рискует людьми? Да, конечно.

Ну а люди, которые видят с другого корабля тонущих и проходят мимо? Почему?! Почему так происходит? Почему то, что называлось состраданием, то, что было одним из важнейших качеств русского человека, вообще русского общества – оно исчезло.

Отчего? Отчего мы так любим смотреть мерзости по телевидению про других людей? Почему мы с удовольствием читаем откровения криминально-интимные, питаюсь этим?

Конечно, разговор не о том, чтобы лакировать действительность, как при советской власти, и рассказывать о наших трудовых подвигах и победах... Я про другое – почему мы не хотим этих побед, почему нам не интересно побеждать, почему мы разъединены в добром и объединены в дурном?

Понимаю, кто-то скорее всего скажет: «Это Медведев, Путин, олигархи...» Все, что угодно, можно сказать. Но ведь мы же понимаем, что довольно унизительно про себя самих считать, что нами настолько руководят правительство, государство и олигархи, что уже нет силы внутри себя, чтобы противостоять этому безбожью и отсутствию сострадания?

У меня нет готового ответа... Хотя, может быть, и есть, но он не окончательный.

Почему так получилось – это понятно. Но я хотел бы се-

годня этот вопрос всем нам задать и подумать о том, каким образом нам всем из этого выходить, причем, по возможности, без крови... (XV, 61)

БУНИН ИВАН (2001)

Бунин сегодня писал «Антоновские яблоки», а завтра писал одиннадцать страниц «Солнечного удара». Да?!

Из ничего? Из ничего! Вот я советую вам: когда-нибудь возьмите и перепишите (я попробовал это сделать – взять и переписать), просто от руки перепишите «Солнечный удар».

Почему там слова так расставлены, тут запятая, что это такое, из чего все произошло, что происходит? Мужчина встретил даму на пароходе. Они понравились друг другу. Сошлись. Провели любовную ночь. Утром она уехала. Потом он ходил бессмысленно по городу, ждал вечернего парохода. Ел холодную ботвинью, выпил водку. Жара. Мухи. Вернулся в этот номер (он уже убран). Нашел шпильку... «Поручик сидел... чувствуя себя постаревшим на десять лет».

Все. Больше ничего! Но это сделал Бунин. И это волнует так, что ты не знаешь почему... Там нет ничего: ни убийств, ни острого сюжета, ни измен – ничего; просто выхваченный образ, да?

Но это образ художника. Это Бунин. Это гений. (V, 6)

(2004)

Вопрос: *Вы хотели снять фильм по рассказам Бунина.*

Есть еще эти планы?

Да, я хотел поставить фильм по рассказу «Солнечный удар». На одиннадцати страницах изложена такая глубина духа, трагедии, счастья, одновременности и бесконечности...

Честно вам скажу: если бы я был уверен, что я хотя бы на шестьдесят процентов смогу передать это на экране с последней фразой: «Поручик сидел... чувствуя себя постаревшим на десять лет», то уже снял бы.

Даст Господь, дозрею. (I, 104)

(2010)

Чем больше я читаю Бунина, тем яснее вижу его как человека. Невозможно описать некоторые вещи, если сам их не испытал. Это относится и к «Солнечному удару», и к «Окаянным дням». Когда я улавливаю живого Бунина, это вызывает у меня просто дрожь. Не знаю почему.

Сейчас у меня практически готов сценарий «Солнечного удара», но я шел к нему тридцать пять лет. Переписывал рассказ от руки, хотел понять, как это сделано, как именно эти слова складывались в таком порядке...

Я считаю Бунина величайшим писателем и не перестаю удивляться, что же это было за время, когда он в череде других не был первым. (XV, 46a)

БУРБУЛИС (1993)

Пожалуйста, послушайте этот текст: «Важные проблемы, встающие в ходе уяснения места и роли сознания в коммунистическом воспитании человека, могут быть осознаны только с позиций марксистско-ленинского обществоведения. В частности, задача формирования научного материалистического мировоззрения в условиях современной идеологической борьбы, обеспечивая единство знаний и убеждений в словах и делах, о которых говорилось на XXV и XXVI съездах КПСС, не может быть рационально и конструктивно осмыслена без обращения к методологическому арсеналу материалистической философии...»

Я не буду продолжать цитировать, потому что я ничего не понимаю, что здесь написано... Здесь важно другое...

Как вы думаете, кто автор этих строк?! Думаю, что можно было бы назвать много народу, начиная от Генерального секретаря ЦК КПСС, секретаря обкома и так далее, и тому подобное. Но эти слова принадлежат философу-марксисту, и зовут его Геннадий Эдуардович Бурбулис. А написаны эти слова, этот реферат в 1981 году.

Причем написан он не под пистолетом, не в пыточной, не в тюрьме, не в одиночке, не в кандалах, не на галерах, не под страхом быть разжалованным или изгнанным. Совершенно осознанно написаны эти слова человеком, который строил свою жизнь и свое будущее именно на марксистско-ленинской философии. И практически тот кабинет, который он занимает сегодня, это было бы будущим, могло бы стать буду-

щим господина Бурбулиса, если бы не случилось перестройки. Но парадокс заключается в том, что и сегодня он занимает этот кабинет, тот, который мог занять, продолжая развивать мысль марксистско-ленинской философии. Но он занимает его с другой стороны, видимо, потому, что Земля все-таки круглая...

И сегодня он говорит: «Нас... конечно же, объединяет не чувство безысходности, а чувство победителей над этим, достаточно унижительным руслом – советским, коммунистическим. Богатейшая страна, талантливейший народ оказались в тупике мировой истории, понеся при этом конечно же плату за все человечество».

Ну и как вам это?! (V, I)

В

ВЕРА (1991)

Интервьюер: *А Вы сами верующий человек?*

Да. Я православный христианин. Плохой, к сожалению...
Не соблюдаете обряды?

Нет, я стараюсь соблюдать пост, но все равно я неграмотен в этом смысле, как и огромное количество людей.

Меня интересует, не приходится ли Вам преодолевать какое-то внутреннее препятствие для того, чтобы, скажем, перекреститься в церкви?

Абсолютно нет. Меня это смущало, когда обо мне говорили как о сыне Героя Соцтруда поэта Михалкова. Или как о начинающем артисте. Дескать, он в церковь ходит...

Но вот, скажем, сейчас я почти полгода жил в Париже и чуть ли не каждое воскресенье ходил в православную церковь. Самое печальное, кстати говоря, это когда люди теряют ощущение того, где они находятся. Когда у тебя просят в церкви автограф – это просто немыслимо, это означает какую-то полную потерю духовного слуха, это катастрофа. (I, 37)

(1992)

Интервьюер: *Вы всегда были верующим человеком?*

Да, хотя я очень боялся за отца, когда ходил в храм. Но

это воспитание матери, духовный мир которой был связан с православием. Мои дети пели в церковном хоре. Младшая пятилетняя дочь на вопрос, что самое важное в жизни, отвечает: «Терпение», а что самое трудное: «Богу молиться».

Это действительно труд – большой, требующий огромных усилий.

У Вас есть любимый храм в Петербурге?

Да, Никола Морской.

Почему?

Не знаю. Может, еще из Достоевского, когда Раскольников выбежал из подворотни, и эти купола ослепили его. Когда я снимал «Обломова», из окна Захара был виден Никольский, и я часто ходил туда во время съемок.

А в Москве?

На Неждановой, Пителимовский. Это была любимая церковь моей матери. (I, 43)

(1994)

Я верующий человек.

Хожу в церковь в Брюсовом переулке и в маленькую церковь в деревне

Аксиньино. Ее разрушили много лет назад, сейчас вернули людям, и уже через три дня там шла служба, хотя в куполе зияла огромная дыра... (I, 57)

(1994)

Когда у человека есть корень, есть Вера, есть Надежда, Любовь и мать их София, то бишь мудрость, то он ищет ответы на экстремальные вопросы именно в этом.

Когда у него этот стержень вынут, ситуация обычно развязывается кровью и насилием. (I, 57)

(1997)

Основой культуры в России всегда был не этикет – умение правильно держать вилку и эстетично одеваться, – а вера.

Православная вера...

И это было принципиально важно. Это держало, цементировало общество... (I, 68)

(2000)

Интервьюер: *А что такое детская вера, точнее, домашняя вера, идущая из детства?*

Это мама.

Мы ежедневно читали утренние и вечерние молитвы и 90-й псалом

«Живущий под кровом Всевышнего...», а каждый Великий пост, как и положено, перечитывали все четыре Евангелия.

Отец никогда этому не мешал. Но и не фарисействовал: мол, дома – православие, а на партсобрании – персональные дела за религиозные пережитки. Все было поставлено таким образом, что мама оберегала отца от всего того в нашей жиз-

ни, что было связано с церковью. Когда приходил духовник, который исповедовал нас и причащал, отца, как правило, не было дома. И он никогда не вступал в спор по поводу веры, хотя по всем остальным вопросам (коммунизм, Брежнев) в семье были кровавые битвы...

Мама (она была беспартийной) тоже никогда ничего не навязывала и не делала из религии культа. Все шло само собой. У мамы был прекрасный вкус и замечательное чувство меры, которые гарантировали от пошлости.

Дома вера была в безопасности, но я знал, что для внешнего мира – это подполье. И когда я уходил в армию, а мой духовник подарил мне замечательный образ священика Никиты, я прятал его, зашивал в вещи. Всегда было ощущение двойственности и огромного страха. Я с ужасом думал о том, что папу выгонят из партии, а меня – из комсомола.

Ощущение постыдное, но оно было.

Я помню себя восемнадцатилетним на Пасху в храме Воскресения Словущего на улице Неждановой, помню ужас от того, что мне даже в храме перекреститься было очень непросто.

А для моих детей это уже совершенно естественно. Когда мы как-то в Питере зашли на службу в храм Николы Морского, наш шестилетний Тёма исчез. Я нашел его среди нищих, он сидел у одного из них на коленях. Такой абсолютный выплеск чувств, и никакого страха, что за это что-то будет.

Меня это поразило. Мое чувство страха усугублялось еще и тем, что профессия моя публичная, многое на виду, многие узнают. Мне это всегда мешало, особенно на службе, где и так довольно трудно бывает объяснить себе, зачем это делаешь.

Зачем стоишь на службе, молишься, читаешь Евангелие? Конечно, со временем этот вопрос отпадает сам собой. Потому что каждый раз открываются совершенно невероятные вещи. И это всеобъемлюще: Господь дает тебе именно в эту минуту услышать то, что является ответом на твой вопрос, и ты как будто впервые слышишь слова, которые, казалось бы, давно знакомы.

Вот! Вот он, ответ!

Скажем, после выхода новой картины искушения просто наваливаются. Вдруг в Евангелии от Матфея читаешь притчу о зависти: помните, работники в винограднике, нанятые хозяином, пришли получать плату за свою работу. И первые говорят: мол, как так? Мы работали с раннего утра, а эти последние работали один час, а получают столько же, сколько и мы.

И хозяин им отвечает: вы не о том беспокоитесь, что я вам мало плачу, а о том, сколько я им плачу.

Прочитаешь такое, и все так ясно про себя становится! (II, 34)

(2000)

Интервьюер: *Вы ощущаете себя молодым христианином?*

Нет. Ни молодым, ни старым. Это действительно как воздух. Наверное, поэтому для меня сейчас уже мучительно провести месяц без исповеди. Такое ощущение, что не мылся.

При этом я никак не могу считать себя ни праведником, ни исполняющим заповеди в том виде, в каком это необходимо...

А тяжело жить по вере, с верой?

С верой нет, а по вере тяжело. Тяжело от осознания, а легко тоже от осознания.

Наверное, любой из нас, особенно в молодые годы, ищет разного рода оправдания. Но я думаю, что самое опасное – это оправдание гордыни.

Одно дело – быть лучше других, другое – просто лучше. Быть лучше других совсем не трудно, ведь всегда найдется кто-то хуже тебя: ты причащаешься раз в неделю, а он раз в месяц, ты постишься в среду и пятницу, а он только в Великий Пост...

Но вот стать лучше – трудно, так как неизмеримо труден путь осознания греха в самом себе, а не в сравнении себя с другими. (II, 34)

(2000)

Интервьюер: *Как взаимосвязаны ваша вера и ваш кине-*

матограф?

Я думаю, что сегодня не должен в своих фильмах напрямую говорить о Боге. Так же уверен, что нельзя играть Христа.

Ну как это? Артиста гримируют, и он в гриме Спасителя сидит на стуле и пьет кофе.

А вот если Он действительно в тебе, то, что бы ты ни делал, Его присутствие во всем сделанном тобой будет очевидно. При этом (хотя я не беру на себя смелость это утверждать, так как не богослов и не проповедник) я считаю, что в искусстве отражение всегда сильнее воспринимается, чем прямая авторская декларация.

Например, в «Казаках» Толстого ощущаешь его живую веру намного сильнее, чем во всех его философско-дидактических произведениях позднего периода, в которых он пытается объяснить читателю, что такое Бог.

Невидимость и неосязаемость Его присутствия во всем и вся – вещи всеобъемлющие и всепроникающие. И если Господь сподобил тебя видеть Божий мир открытыми глазами и передавать другим свои (пусть самые малые) откровения, то ты должен понимать, что Он тебя именно на это подвигнул, а вовсе не на проповедь.

Например, в «Детстве Обломова», где нет ни одного прямого разговора о Боге, Обломов вспомнил давно умершую и горячо любимую мать, и на его ресницы «выкатилась слеза и стала там».

И все.

Для меня это и есть молитва.

А что может быть в искусстве больше этого? (II, 34)

(2000)

Розановская фраза: «Человек без веры мне неинтересен» когда-то поразила меня своей резкостью, а потом я понял, что в ней есть такая правда!

Потому что человек так или иначе пытается восполнить отсутствие веры знанием. А знание без веры только умножает скорбь внутри человека.

Как только вы задаете себе вопрос: «А есть ли Бог?» – все. У верующего человека таких вопросов не должно быть.

Как же без Бога? Зачем тогда жить?

Я помню, в Вологде, на пресс-конференции, встает молодой человек, бледный, издерганный, в таком шарнирном, нервическом состоянии, и говорит: «Может ли быть такой человек: хороший, честный, образованный, благородный, который помогает другим, который умеет слушать, умеет любить, но не верит в Бога?» – «Может! – говорю. – Но он мне неинтересен».

У меня просто вырвалась эта розановская фраза.

И она его убила, потому что он говорил про себя. Это он верный семьянин, он образован, он помогает родителям, а вот веры нет.

Я, наверное, потряс его своими словами...

Когда в одиннадцать лет я по частям печнику Давыду про-

давал свой велосипед, доставшийся мне от старшего брата, то никак не мог понять, почему весь велосипед он покупал у меня за семь рублей, а если по отдельности (втулки, цепь, руль), то чуть ли не за шестьдесят.

Тот молодой человек из Вологды разложил свою жизнь на добродетели, которыми был полон. И в его сознании не укладывалось: раз он не крадет, не прелюбодействует, зарабатывает деньги своим трудом, то разве такая малость, как отсутствие веры, может сделать его человеком неинтересным?

Я не пытался, но вряд ли, даже если бы попробовал, сумел бы объяснить ему, что никакая из его добродетелей не интересна мне сама по себе. (II, 34)

(2003)

Человек без веры неинтересен – это мысль русского философа Василия Васильевича Розанова... она бытует во всей русской культуре, будучи связанной не только с православием, но со всеми религиями.

Я думаю, что в России любое метафизическое вероисповедное начало (независимо от религии) имеет огромное значение... Произведения Достоевского, Толстого или Чехова, даже если в них не говорится напрямую, так или иначе основаны на этом. (I, 97)

(2005)

Как только вы начинаете пытаться понять веру, то тут же

перестаете верить.

Почему, как мне кажется, Всевышний перестал являть чудеса, как это было в IX–XI веках? Потому что ему стали говорить: «Ты покажи, тогда я поверю». (I, 118)

(2008)

Интервьюер: *Вы всегда открыто говорите о своей вере. Даже имя свое трактуете не только как «победитель», что понятно – корень греческий, но еще и «бесогон». Почему «бесогон»?*

Есть икона «Святой Никита, изгоняющий бесов». В святцах несколько Никит, мои именины как раз выпадают на бесогона. На меня подали в суд и требовали моего медицинского освидетельствования, когда я на прошлом съезде Союза кинематографистов сказал с трибуны: «Ребята, я же слышу, как вы там копытцами по углам щелкаете и хвостами о ножки стульев бьёте...»

Не боитесь, что Вас назовут не бесогоном, а мракобесом? Корень один, но смысл разный...

Да пусть называют. Чем больше клеветают, тем чище душа. Это не мои слова, это мне священник однажды сказал.

Кстати, как результаты освидетельствования?

Здоров. Даже слишком. (I, 129)

(2009)

Интервьюер: *Вы глубоко верующий, православный хри-*

стианин...

Да, хотя Библию так до конца и не дочитал.

Вера – это же как душа: или она есть, или нет... Недавно я был на фестивале военно-патриотического фильма имени Сергея Бондарчука в Волоколамске, и меня там спросили: «Вы не хотите снять православное кино?» – «Это какое? – я удивился. – Чтобы в кадре были церкви, монахи?»

Я не знаю, как помогает мне вера, – знаю только, что без нее нельзя... (I, 137)

(2009)

Православная вера давала русскому человеку ощущение нравственности и закона, а мы, славяне, законов не любим, терпеть их не можем.

Знаете почему? Очень скучно по ним жить, тоска! Ну день, два, ну месяц, а дальше: «Ой, не могу уже так!»

Об этом, кстати, мы говорим и в картине «12». (I, 137)

(2012)

Вопрос: *Что Вас питает, каков внутренний подток?*

«Блажен, кто верует, тепло ему на свете...» Чудо веры в том, что ты никогда не чувствуешь себя одиноким. (I, 160)

Вера, Надежда, Любовь

(2002)

Вне зависимости от того, как изменился мир за эти го-

ды, рано или поздно, хочет того человек или нет, Бог ставит перед ним вопросы самые простые, одинаковые для всех, вне зависимости от образования, социальной принадлежности или вероисповедания, и человек на эти вопросы должен отвечать. В конечном итоге от того, как он ответит, зависит, каким этому человеку быть и что он оставит после себя.

Для России эти вопросы уместались в три понятия, в три женских имени – Вера, Надежда, Любовь: во что и в кого ты веришь, на что и на кого надеешься, что и кого любишь.

И как бы ни изощрен был мир сегодня, эти три силы являются основой в защите бытия перед небытием. (II, 41)

ВЕРОТЕРПИМОСТЬ

(1993)

В России, когда принималась присяга в Александровском училище или в любом военном Пажеском корпусе, при принятии присяги был и священник православный, и мулла, и ксендз, то есть это было едино – все принимали присягу на верность Царю и Отечеству. Каждый представитель своей конфессии.

Русский офицер всегда был русским офицером, вне зависимости от своего вероисповедания и национальности. Но самое главное, существовали некие законы, которые были выше законов человеческих. И это было самое главное. И это была идеология. И это был сдерживающий центр.

Как только это разрушилось – все стало возможно...

И тогда возникло то, о чем говорил Александр Сергеевич Грибоедов: «Колебание умов ни в чем не твердых». (V, I)

ВЕРЕВОЧКИ

(2001)

Веревочки... Как сейчас помню. В Столешниковом переулке, в самом знаменитом магазине пирожных, стоит тетка за прилавком, которая пирожными торгует и кладет тебе в коробку «корзиночку», «картошку», а ты стоишь и предвкушаешь удовольствие... Наконец она закрывает все это крышкой, завязывает, а потом начинает с кем-то разговаривать и навязывает, и навязывает узлы.

Вяжет она и вяжет, а я думаю, мама родная, что же ты делаешь...

Ведь привезу я эту коробку, которую ты завязала, наверное, узлов на сорок, домой. И что?

Казалось бы, возьми ножницы или нож, разрежь веревку, и все. Ан нет. Нам с сестрой и братом дома категорически запрещалось резать бечевки и ленты, которыми были завязаны покупки и подарки. (Я помню, на кухне в буфете открывался ящик, и в нем лежали пробки, на которые были намотаны эти самые ленточки и веревки.) И вот ломались ногти, доставались иголки, чтобы все это поддевать и разворачивать.

Для чего? Почему?!

А потому, что, как говорил Серафим Саровский: «Паче поста и молитвы есть послушание». Это была для нас насто-

ящая школа, урок – всегда доводить начатое дело до конца. Вот и раскручивали мы эти веревочки. За это время много чего передумаешь. Даже и пирожное есть порой расхочется, пока эту коробку развяжешь... (V, 6)

ВЕРТИНСКАЯ АНАСТАСИЯ **(1993)**

Я влюбился в нее, посмотрев «Человека-амфибию»...

Она была очень красивая. Когда я поступил в Щукинское училище, уже выходил ее «Гамлет» со Смоктуновским. Там была невероятная история... хотя ничего невероятного в ней нету. Я не знаю, любила ли она меня когда-нибудь так, как я в нее был влюблен. В тот момент у нее был такой выбор! Такой пасьянс лежал перед ней... Она могла снять с полки любого. Именитость ей была не нужна, она сама была дочкой Вертинского. Фамилия Михалков не могла произвести на нее впечатление.

Я мучительно был влюблен, мучительно. И мучил ее, наверное, всякими звонками, ревностью. И наступил момент разлада, мы расстались.

Я уехал из Москвы на пробы. У нас была близкая подруга, Лена Матвеева, замечательный человек, балерина. Мы с ней, когда я вернулся, пришли на день рождения Вани Дыховичного, а компания там была веселая: Вика Федорова, Полянский, Дыховичный. И туда пришла Настя с Андреем Мионовым. Я сидел наискосок от нее за столом... И дальше оч-

нулся на лестничной клетке – в поцелуе с ней. Она меня увела оттуда – дело не в том, кто кого увел, но было ясно, если бы она этого не захотела, никогда бы в жизни ничего не было. Во мне не имелось той силы, обаяния и тех возможностей, которые могли ее сломить. Она ко мне приспустилась, снизошла. Я помню как сейчас ощущение того электричества, которое возникло. Должен сказать, не вдаваясь в подробности, что у Насти мужской ум и мужской характер...

Мы прожили вместе три года, но вместе-вместе – полтора. Известие, что она беременна, меня так обрадовало: теперь «не соскочит», не уйдет. Это подтверждает, как я безумно был влюблен. У нас родился сын. Потом его воспитывала бабушка, ее мама, и мне было мало знакомо ощущение отцовства. Я думал, что, может быть, это наследственное...

Настя ни разу в жизни не дала мне понять и почувствовать, что она мною восхищена или что ей нравится то, что я делаю... В общем, я так и не научился быть тем, кем она хотела меня видеть.

Сначала я пытался, потом бросил... (III, 2)

(2000)

Интервьюер: *Пожалуй, единственная неудача в вашей жизни – это ваш первый брак с Анастасией Вертинской, с которой Вы вместе учились на одном курсе в «Щуке»...*

Нет, абсолютно нет.

Как можно назвать неудачным брак, в котором родился

хороший парень по имени Степан?!

Но Вы же быстро расстались? Вы прожили вместе всего три-четыре года...

Года четыре, да.

Ваш друг Евгений Стеблов в своей книге вспоминает, как Вы незадолго до разрыва с Вертинской с ним встретились и сказали ему с горечью: «Она меня не любит».

Вы знаете, я верю всем, кто пишет воспоминания.

Я лично этого не помню, поэтому у меня есть основание предполагать, что это было именно так. Вероятно, я сказал Стеблову, что она меня не любит. Очень может быть. Понимаете какая вещь: я, когда снимаю картину, могу про нее все сказать – почему я стал ее снимать, почему я снимаю так или этак... А потом проходит какое-то время, и это как ступень ракеты, она отпадает, начинает жить своей жизнью.

Вот сейчас спросите меня, как мы снимали «Обломова», я и не расскажу...

Это Вы к тому говорите, что для Вас и брак с Вертинской – это пройденная ступень, и Вы уже не помните, как это было?

Я помню все, как это было, но у меня нет осадка горечи.

Но Вы ее добивались?

Да.

В то время Вертинской добивался еще и Андрей Миронов. Говорят, он сходил по ней с ума...

Сходил. И Миронов, и, если не ошибаюсь, Смоктунов-

ский. Много людей. Один парень у нас был на курсе... такой сумрачный, сумасшедший. По-моему, он от нее с ума и сошел на самом деле...

Я очень много из-за нее дрался, это точно.

Правда?

О! Жуть! Кошмар!

Как дрались? Где?

Ну, всего не упомнишь – и в ВТО, и в Доме кино.

Не так посмотрели... Вот видите мой нос...

У Вас сломан нос из-за нее?

Да...

Но в моей памяти не осталось каких-то конкретных эпизодов, случаев, которые послужили бы причиной разрыва. Я не могу сказать: «Вот она сделала то-то, и поэтому мы с ней разошлись». Мы просто поняли, что в одной корзинке двум таким «фруктам» не усидеть.

Когда я встречаю ее, я испытываю замечательное чувство теплой ностальгии. Тем более, что вырос сын, который умно и иронично относится и к нашим тем отношениям с ней, и к сегодняшним, и к ней отдельно, и ко мне отдельно... (II, 33)

(2007)

Интервьюер: *И чем же Вы покорили Ассоль? Это случилось в «Щуке»?*

Мы учились на одном курсе, пока меня не выгнали, но познакомились раньше, еще до поступления в Щукинское

училище.

Андрон ухаживал за Марианной, старшей сестрой Насти, но ему нравилась и младшая. Мой бедный брат разрывался, как двуглавый орел, поглядывая то в одну сторону, то в другую.

Марианна была раскованная, веселая, компанейская, Настя выглядела закрытой и сдержанной.

Она уже начала сниматься и ощутила вкус обрушившейся славы, знала себе цену и никого близко не подпускала, держа поклонников на расстоянии.

Обстоятельства первой встречи стерлись из памяти, но факт, что я был отвергнут. Точнее, даже не отвергнут, а попросту не замечен. Словно и нет меня на свете. Мы пребывали, что называется, в разных весовых категориях. После «Алых парусов» по Насте сходила с ума вся страна, стоило ей появиться где-нибудь, тут же сбегались восторженные толпы. Вскоре к Ассоль прибавилась Гуттиэре из «Человека-амфибии». Настя много гастролировала, с творческими бригадами объехала весь Советский Союз... Уже шла работа над «Гамлетом», Настя готовилась к съемкам. Ё-моё! Шекспир, Козинцев, Офелия...

А кем был я? Мальчиком из «Приключений Кроша» и «Туч над Борском»? Смешно! Несопоставимые величины!

Разве Вы еще не снялись у Данелии?

Фильм «Я шагаю по Москве» пользовался успехом, меня начали узнавать на улицах, но это было несравнимо с попу-

лярностью Насти! Понимал: никогда не будем рядом, слишком уж она высоко взлетела...

Свет далекой звезды.

Недосягаемость Насти сильно меня обломала, внутренне осаждала. Я играл без козырей и даже призрачных шансов на победу. Мог лишь набить морду кому-нибудь из очередных Настиных ухажеров. Ради самоутешения. И бил.

Миронову?

Нет, Андрей был человеком деликатным, тонким, на открытый конфликт не шел, поводов не давал. Я ведь до сих пор даже не знаю степени близости Миронова и Вертинской.

Не спрашивали?

Никогда! Настя все равно не сказала бы, задавай вопросы или нет...

А Вы до этого, извините, по-настоящему добивались Настиной взаимности или сразу отступились, поняв, что головою стену не прошибить?

Разве я похож на капитулирующих без боя? Пытался завоевать расположение, порой вел себя не вполне адекватно...

Tuna?

Хотя многочасовое ожидание с букетом цветов у подъезда дома в надежде на случайную встречу не в моем стиле, но под Настиными окнами я выстоял достаточно. Понимаешь, в определенном смысле я хищник, принадлежу к породе людей, привыкших приходить и брать. Если с первой попытки не получилось, то и... ладно. Нет – значит, нет. Набиваться

не приучен.

Вероятно, Анастасия Александровна тоже хищница?

Не могу так сказать. Применительно к женщинам это слово приобретает иное звучание...

Короче, когда в гостях у Вани Дыховичного встретил Настю, меня затрясло...

И как она Вас увела?

Знаешь, специально для тебя мог бы сейчас присочинить историю, в деталях расписав, кто первым взял другого за руку, что сказал один и ответил второй, но ничего этого не помню. Провал, потеря сознания наяву. Очнулся на лестничной клетке этажом ниже квартиры Дыховичного. Стоял с Настей у окна и целовал ее в губы... Все, обратно к Ване мы уже не возвращались...

Не оправдываю себя, но с Настей мне попросту снесло крышу. С того момента, как вышел от Дыховичного, полетел кубарем, не разбирая дороги. На какой-то временной отрезок голова и ноги перемешались, не вполне отдавал отчета, что со мною происходит, на каком свете нахожусь.

Оглядываясь назад, понимаю, что не в состоянии вычленишь из той каши отдельный день, неделю или даже месяц. Все слилось в сплошную гулянку, мы с Настей кочевали из одной компании в другую: пили, пели, говорили.

Я, правда, еще дрался. Бесконечно! Пил и бил.

За что?

Да за все! За слово, за взгляд...

Настя давала поводы для ревности?

Мне этого и не требовалось, я, как пионер, был всегда готов, на боевом взводе.

В милицию после рукоприкладства попадали?

Сколько раз! Со счета сбиться можно.

И Настя сидела с Вами?

Ну конечно. Куда же я без нее?

Как думаете, Вертинская Вами играла?

Это часть женского естества, они не могут иначе, вечно играя нами или с нами... С нюансами надо разбираться в каждом конкретном случае.

Понять пытаюсь: снос крыши, случившийся с Вами по вине возлюбленной, он в плюс или в минус? Мордобои, разумеется, не в счет.

Любовь, по-моему, всегда во благо, а вот безумная страсть... Она похожа на извержение вулкана: может засыпать пеплом и сжечь города, вызвать землетрясения и цунами, но в то же время создает новые ландшафты, иногда целые острова...

К Насте я испытывал совершенно особенное чувство. И очень боялся ее потерять. Многие молодые мужчины страшатся известия, что их девушка ждет ребенка, а я, узнав о Настиной беременности, был абсолютно счастлив. Шел по ночной Москве с идиотской улыбкой на лице и думал: «Все, теперь точно «не соскочит», будет моей, никуда не денется».

Вы уже расписались к тому моменту?

Нет, поэтому так и радовался!

Где вы жили?

Каждый у себя. Я с родителями, Настя – с мамой. Никто не ставил нам условий, мол, сначала – под венец, потом – в постель, но все же существовали определенные устои. Настя переехала в нашу квартиру на улице Воровского, когда официально расписались. Свадьбу играли в ресторане ВТО. Нет, путаю, в ВТО гулял Андрон, а мы праздновали в «Метрополе».

Наверняка и на собственном торжестве умудрились подраться?

Надо бы у Насти уточнить, кажется, что-то такое было. Да вел себя безбашенно, но пикантными деталями опять-таки не порадуя, поскольку лез в драку в изрядном подпитии, когда башка не соображала и запоминала плохо...

Мы начали жить у моих родителей, а параллельно строили жилье в кооперативе на улице Чехова. Правда, въехать в него не успели. К моменту окончания строительства пришлось менять общую квартиру на две отдельные, поскольку наша семейная жизнь дала окончательную и бесповоротную трещину.

Недолго музыка играла? Любовная лодка разбилась о быт?

Если бы так просто!

Поначалу все шло хорошо. Родился Степан, как две капли воды похожий на меня, и это положило конец сплетням,

будто он не мой ребенок, а Андрея Миронова или Иннокентия Смоктуновского.

Боялись, что слухи окажутся правдой?

Об этом шептались за спиной, в глаза никто ничего не говорил. В таких ситуациях ты узнаешь все последним, живешь как в вакууме. Наш социум – вещь поразительная! Читай «Горе от ума» Грибоедова...

Совместной жизни с Настей нам было отпущено года три или четыре. Почему так мало? Нет однозначного ответа. Наверное, оказались не готовы к ролям мужа и жены. Я тогда даже плохо понимал, каково иметь маленького ребенка, хотя сейчас благодарен Господу, что Степа рано появился на свет...

Почему совместная жизнь с Ассоль не заладилась? Могло сложиться по-другому?

Думаю, все же нет.

Трудно в одной берлоге ужитья двум сильным характерам. У Насти была своя, особенная дорога, по которой она шла не сворачивая. «Современник», МХАТ, кино...

А Вы искали домохозяйку, стирающую закаканные отпрысками подгузники и готовящую мужу обеды?

Не в том дело...

Как ни парадоксально, мы оказались очень разными людьми. Настя сильная, умная, целеустремленная, полная чувства собственного достоинства, умеющая строить отношения с миром вокруг.

Нахожу эти черты и в себе, но все же я с другой планеты. Не говорю, лучше или хуже, – с другой. Мы могли двигаться параллельно, однако не должны были пересекаться.

Пытались подмять друг друга, проверить, кто кого?

Вроде бы нет. Поводы не появлялись...

Так отвечу: меня интересуют несколько иные вещи, нежели ее.

Не понял. Конкретнее.

Если начну приводить примеры, получится, что я хороший, а она плохая. Так нечестно. Посмотри наши работы, тогда, может, поймешь...

Вертинская щадила ваше мужское самолюбие?

Молодость жестока и бескомпромиссна, но я не позволял себя жалеть, был агрессивен и верил, что обязательно покажу всем, чего стою.

Но это когда еще должно было случиться, а пока не чувствовали себя бесплатным приложением к удачливой жене: мол, вон Вертинская с мужем?

Да, Настя получала одно интересное предложение за другим, снялась в «Алых парусах», «Гамлете», «Войне и мире», «Анне Карениной»... Мне же по-прежнему нечего было положить на другую чашу весов. Кроме известной фамилии. Нас не сравнивали. А если бы кто-то и шепнул гадость, тут же получил бы в лоб.

Кстати, не хотели, чтобы Настя стала Михалковой?

Даже тема не возникала.

Мама моя не меняла фамилию, и я этого не требовал от жен. Таня захотела, но это личный выбор.

И все же с чего-то ваш разлад с Настей должен был начинаться?

Пожалуй, тень набежала после моего возвращения из деревни Ирхино Вологодской области.

Кажется, в журнале «Новый мир» прочитал очерк Юрия Черниченко о местных кружевницах и поехал к ним в надежде найти материал для съемок. Увиденное легло потом в основу характера героя моей дипломной работы «Спокойный день в конце войны».

Поездка произвела столь ошеломляющее впечатление, что, вернувшись рано утром домой, не стал ждать, пока Настя проснется, а растолкал ее и принялся рассказывать о солдатских вдовах, потерявших мужей на войне, но продолжающих хранить им верность, о нравах, царящих в русской деревне, о хлебосольстве и гостеприимстве простых людей, встретивших нас, московских студентов, как ближайшую родню.

Я говорил, говорил, говорил, а потом поднял глаза и увидел вежливую, чуть печальную улыбку.

Наверное, с таким видом Елена Андреевна слушала доктора Астрова, рассказывавшего, как русские леса трещат под топором. В какой-то момент Михаил Львович остановился на полуслове и спросил Серебрякову: «Да Вам, похоже, это вовсе не интересно?»

Вот так и со мной: реакция Насти меня надломила. Смешно, правда?

Из сказанного совершенно не следует, будто я прав, а она – нет. Разбудил человека, нес какую-то ахинею и требовал живого участия. В принципе Настя могла сразу послать меня далеко-далеко, но не сделала этого. Слушала, хотя хотела спать. Встав на ее сторону, готов все понять и оправдать, но... Степень моего восторга и возбуждения была так высока, что отстраненность жены неприятно резанула. Какая-то струна внутри лопнула, и с этого момента трещина между нами стала расти.

Неужели не было ничего более существенного, типа измен?

Попадались сумасшедшие, пытавшиеся за ней ухаживать. Вокруг Насти постоянно вились мужчины. Так было на киноплощадках, где ее окружали знаменитости, и в «Щуке», из которой меня уже успели выгнать за участие в съемках, что у нас категорически запрещалось.

А почему Вас из училища выперли, а ее за то же самое – нет?

Для звезды сделали исключение... Словом, Настя не давала оснований сомневаться в супружеской верности, но я находил, к чему придаться: кто-то не так посмотрел или не то сказал... Это отдавало ребячеством, и Настя не воспринимала мои наскоки слишком серьезно.

С бытовыми проблемами мы тоже не сталкивались, по-

сколько жили в городе с моими родителями или на даче на Николиной Горе. В любом случае рядом постоянно находились люди, готовые помочь. Тем не менее семью сохранить не удалось.

Кто первым произнес слово «развод»?

Не помню. Правда.

Отношения медленно, но верно сошли на нет, лишая необходимости делать какие-либо заявления. И так все было ясно. Не скажу даже, кто из нас в суд подал, хотя развод собирал толпы зевак. Народ валил, как на премьеру во МХАТ. К счастью, формальная процедура не затянулась.

Квартирный вопрос вас не испортил?

Не надейся.

Разменялись на две квартиры в одном доме, но на разных этажах. Это высотка на углу Садового кольца и улицы Чехова, ныне Малой Дмитровки. Раньше дом за «прекрасную» акустику называли «Матросской Тишиной».

По-моему, Настя до сих пор там живет...

Став холостяком, наверное, пустились во все тяжкие?

Не без того... Мы хорошо погуляли с Сережей Никоненко в его коммуналке!

Вы ушли из дома?

Да, а Настя осталась в квартире моих родителей на Воровского.

Сергей Владимирович и Наталья Петровна обитали на даче?

Нет, там же, в городе. Ситуация была занятная: я собрал вещички и съехал, Степа жил у Настиной мамы... Так продолжалось несколько месяцев.

Но почему Вы отчалили, а не наоборот?

В этом вся Настя!

Она всегда обладала железной логикой: «Ты захотел уйти и ушел. Это твоя проблема. Своей жизнью я распоряжусь сама».

С курса ее было не сбить.

Ваши родители приняли сторону невестки?

Они не вмешивались в наши конфликты. И когда паковал чемодан, никому в голову не пришло задаться вопросом: а на каком, собственно, основании ухожу я? Такое даже теоретически невозможно было вообразить. Не представляю, чтобы мама сказала: Никита наш сын, это его дом, а ты, Настя, теперь здесь чужая. Исключено! Они общались, будто ничего не случилось. Я периодически звонил, разговаривал о том, о сем, но ни разу не услышал: «Возвращайся!» И отец вел себя похожим образом. Дескать, твое решение, сам за него и отвечай.

А из-за чего Вы хлопнули дверью?

В очередной раз крупно поссорились с Настей, мне это все надоело, и я решил: хватит. Долго не думая, отцедил у мамы бутылку нашей фирменной «кончаловки» и отправился отдыхать в даль светлую, слабо представляя, куда же теперь податься... Было холодно, зима стояла не в пример нынеш-

ней, и я, чтобы окончательно не задубеть, залез в «подстаканник» к регулировщику. Тому было скучно одному. И вот представь картину: три часа ночи, я сижу в милицейской будке на перекрестке Садового кольца с Красной Пресней и переключаю светофор. Пустая заснеженная Москва, ни души вокруг, все словно вымерло, лишь Сережа Никоненко вышагивает прямо по центру улицы – в пальтишке, в шапке-пирожке... Такой аккуратный маленький Есенин. Он забрался к нам в «подстаканник», мы на троих распили бутылку водки и отправились дальше.

С гашишником?

Вдвоем! Я поселился у Сережи в Сивцевом Вражке, и началась веселая жизнь...

Через полгода нас с Настей официально развели, от Сережи Никоненко я вернулся домой... Словом, что упало, то пропало. Я мог встречаться с кем заблагорассудится, она – тоже...

Градский в ее жизни тогда появился?

Кажется, позже.

Впрочем, я не вел учет Настиным кавалерам, не считал нужным отслеживать и как-то комментировать подробности ее биографии: Градский, Ефремов, Козаков... лишь внутренне посмеивался: ну-ну, ребята, посмотрим, что у вас получится... (II, 57)

ВETERАНЫ

(2010)

Я не задумывался раньше, а сейчас мне интересно понять, почему люди, воевавшие на одном и том же фронте с разных сторон, сегодня, дожив до восьмидесяти пяти лет, так по-разному живут. Немецкий ветеран – побежденный – нормально живет в доме престарелых. И наш ветеран без руки, который восемь месяцев мыться не может, потому что у него воды нет. Я хочу понять, чего не хватает нам, победителям, чтобы отнести к нему как к родному. Хорошо, там есть закон и он оберегает этих людей. В России закона нет, но вместо него было сострадание.

Как оценить невероятную фразу молодых из старого анекдота про ветерана, который кинул сколько-то копеек, ему налили полкружки кислого пива, он пьет, морщится, а молодые говорят: «Да, отец, хуже бы воевал – сейчас бы баварское пили»?

Это невероятный цинизм. Но это и правда. Мы не сумели воспользоваться результатами нашей победы.

Интервьюер: *Почему так произошло?*

Причин много, но основная – тотальное безбожие. (II, 64)

ВИНО (2013)

Информация: *Мэтр отечественного кино Никита Михалков презентовал именную коллекцию вин в модном ресторане итальянской кухни «Пробка».*

Осознание того, что есть земля, и ей бесконечное количе-

ство лет, есть лоза, и из этой лозы делают потрясающее вино...

Кто пил вино из этого места когда-то? Может быть, апостол Павел? Когда ты понимаешь, что можешь иметь к этому отношение, не просто присобачив к этому свою этикетку, а продолжая традиции людей, которые там выросли, для которых это семейный бизнес, который разваливался, а ты помог им его сохранить, – это очень достойное ощущение вызывает.

Первым, так сказать рабочим, названием напитка было «Очи черные». Однако несколько позже мои партнеры предложили мне назвать вино в честь другого моего фильма – «12», и я согласился. Потому что никогда не дал бы напитку название собственного кино, если бы не был уверен в том, что это действительно хорошее вино. (XV, 81)

ВЛАСТЬ **(1989)**

Интервьюер: *Вы давно завоевали имя, славу и прочее. Но в вашем поведении незаметно стремления к власти. Это странно – ведь по характеру Вы лидер...*

Это не странно.

Я действительно никогда не стремился к власти, потому что она мне не нужна. Мне нужна власть только над тем, что я делаю. Я всегда сопротивлялся и буду сопротивляться любому насилию над собой, над тем, что я делаю, и над тем,

что я думаю.

Нет, я не хочу власти. Я слишком субъективен и слишком боюсь этой субъективности... Я не хочу брать на себя ответственность за человеческие судьбы. И делать выбор: судить других по избранным для себя критериям или же быть просто добрым человеком, могущим понять чужую слабость... (II, 18)

(1999)

Я думаю так, кто-то думает по-другому.

Но стоит только выразить свою точку зрения, чтобы она была кем-то услышана, мгновенно тебя записывают претендующим на власть.

Я не претендую ни на какую власть.

Я живу в своей стране. Мне интересно и важно, что будет в ней дальше. Мне важно знать, как будут жить мои дети и внуки. Почему же я не имею права высказывать мою точку зрения и почему сразу же она должна расцениваться как претензия на какую-то узурпацию власти?

Господь с вами.

Я помогу любому, в ком почувствую, что для него власть есть обуза, тяжкий крест, а не возжеленное желание. (VI, 3)

(2005)

Власть – это тяжелейший крест. И давать ее можно только тем людям, для кого это действительно крест, а не мечта. Я

очень боюсь тех, для кого власть – мечта. Боюсь смертельно и очень не хочу, чтобы эти люди власть получали. Знаете, есть такая замечательная короткая молитва. Владыка Сергей сказал: «Господи, сделай так, чтобы моя воля не перешибила Твоей».

Другой разговор, что человеку, облеченному властью, иногда приходится совершать поступки и принимать решения, которые, в общем-то, лежат за пределами христианских заповедей и канонов. Подписывать приказ о смертной казни, например. Поэтому Михаил Федорович Романов так и упирался, не желая становиться царем. «Не хочу быть царем воров», – говорил он.

За власть расплачиваешься одиночеством. Человек, идущий во власть, себе уже не принадлежит: не может любить кого хочет, не может идти куда хочет, не может жить как хочет.

Я такой властью никогда не обладал. (1, 121)

Власть в России (1992)

Без власти Россия жить не может. О том, что будет, когда развалится большевизм, совершенно точно пишет Иван Ильин в своей гениальной работе «О России»: либо в России возникнет серьезная, мощная справедливая и крепкая власть, умноженная на справедливость и силу, либо Россия вступит в хаос, разруху, безработицу, развал...

Без власти Россия жить не может...

Но и мы – другие по отношению к власти; мы по-другому понимаем власть. Для нас вопрос доверия правительству – второй вопрос; у нас на первом месте – вера во власть.

На чем держится эта вера? Чем она оплачивается?

Посмотрите, как русский человек, при всей своей недоверчивости и этаким крестьянском поглядывании вприщур на все вокруг, как он хочет верить каждому, кто оказывается над ним.

И верит: ну вот, наконец, вот теперь... С абсолютной, наивной верой думает, что все, исходящее от власти, серьезно и значительно: ну это же не просто так, это – для чего-нибудь... и мысли не допуская, что порой – просто так...

Вопрос власти и народа в России поставлен давным-давно. В реформах ли императора Александра I, Столыпина ли; в том, как реорганизовывался один комитет в другой, как собиралась Государственная дума... Примеров тому масса, опыт богатейший. Все «сегодняшние» вопросы о власти возникали всегда, и надо не искать ответа только в сиюминутных ситуациях, а надо знать то, как это происходило.

Потому что, хотя изменились люди, погибла во многом культура, разрушена церковь, вывернут наизнанку уклад жизни, но где-то там, глубоко, в генетической сфере, все равно остался *этот* народ, у которого в истории не последние лишь десятки лет, а века, столетия большой созидательной работы... (II, 25)

(1992)

Константин Леонтьев когда-то тонко заметил, что «власть должна быть красивой...».

Для многих людей старшего поколения красота, эстетика власти были воплощены в образе вождя народов. Не их вина, а беда, что они почитали ее за красоту истинную. Если возможны некоторые параллели, то это примерно то же, что любование базарным китчем (лебеди и т. п.), и даже предпочтение его искусству подлинному.

Трагедия этого периода нашей истории в искажении чувства прекрасного и подмене здоровой монархической идеи большевистским китчем... (II, 24)

(1998)

Куда же двигаться?

Да ничего не нужно придумывать или выписывать откуда-то издалека. Почитайте хотя бы гениального русского философа и государственника Ивана Ильина. «Не ясно ли, – писал он еще в 1949 году, – что для спасения множества виновных людей и множества невинных людей от лютой нужды и гибели необходима будет *единая сильная государственная власть, доктринальная по объему полномочий и государственно-национально настроенная по существу*».

И думать о такой власти нужно сейчас, пока крайние слева или крайние справа не использовали накопившуюся у народа

тоску по порядку в своих (опять в своих!) интересах. (I, 73)

(2001)

Я надеюсь, теплится все-таки во мне надежда, что наконец к власти ее жрецы отнесутся как к Божьему промыслу.

Предвижу, что даю повод для иронии. Но как православный человек действительно считаю: власть – это

Божий промысл. Недаром в каждой литургии каждое воскресенье во всех православных церквях России звучит просьба к Господу Богу: помочь власти и воинству; власти, над нами поставленной, и воинству, нас оберегающему. Не от рабства же русский человек просит за власть: он хочет, чтобы Бог помог этой власти быть честной и справедливой по отношению к тем, над кем она поставлена.

Если смотреть на власть как на Божий промысл, невозможно тупо и пошло просто использовать ее для того, чтобы мягче спать и слаще есть самому.

Как говорил Платон: во власти должны быть лучшие... (I, 81)

(2009)

Пришла пора определяться: кто мы, куда мы идем, зачем мы, с кем мы? Потому что неопределенность для России с ее масштабами, просторами, часовыми поясами – это самое страшное и опасное, причем не только для самой России...

Я считаю, что безвластие для России и последствия без-

властия в России намного более жестокие и кровавые, чем последствия любой (пусть меня осудят), любой, пусть даже самой худшей власти. (XII, 15)

Вертикаль власти (2001)

Думаю, что сегодня принципиально важно прийти к сочетанию вертикали власти и децентрализации социальной жизни.

Когда-то власть соединила в центре страны и культуру и быт: театр – это Москва, кино – Москва, колбаса – опять же в столице...

Затем рассыпалась централизация власти.

Поэтому важна децентрализация культурно-социальной жизни, когда культивируются понятия «малая родина», «свой говор», «свои традиции»... а власть централизуется, укрепляется ее вертикаль.

Взятые сами по себе, централизация власти (в худшем случае) приводит к диктату, а децентрализация власти – к хаосу.

Но хуже хаоса в России быть ничего не может.

От диктатуры в России плохо русским, а от хаоса будет плохо всем. (I, 83)

(2010)

Ну хорошо, убрали вертикаль власти. Что будет здесь, в

России?

Интервьюер: *Неизвестно.*

Неизвестно? А я тебе скажу. В России результаты отсутствия власти тысячекратно страшнее и кровавее, чем результаты любой самой жестокой диктатуры.

Намного страшнее. И самое страшное, что этот хаос везде.

Когда есть диктатор, одни его обожают, а другие его ненавидят, но ты его хотя бы видишь, знаешь. А безвластие — это коллективная безответственность, она всегда в России заканчивалась великой кровью.

Но сейчас-то тоже в некотором смысле хаос.

Давай все-таки соизмерять тот хаос, который есть при этой вертикали власти, с тем хаосом, который будет, если ее не будет.

Это разные вещи. (II, 64)

Преемственность власти (2001)

Сегодня я размышляю о том: почему должна быть преемственность власти в России?

Вот четыре года строится какая-то страна, и президент такой-то ее создает. Через четыре года новые выборы, и приходит к власти человек с негативной информацией на предшественника и начинает поворачивать страну в другую сторону...

А что делать тем, которые приняли присягу? Что вообще могут значить четыре года для такой страны, как Россия?!

Тут не может прижиться опыт другой страны. Здесь вступает в силу теория больших чисел – вы летите восемь часов над страной, где говорят на одном и том же языке люди, воспитанные в одной культурной среде.

Когда я говорю о преемственности, недаром вспоминаю российских императоров, отвечавших за страну, понимавших, что эта страна достанется человеку, который им дорог.

Царь не оставлял преемнику разруху. Любой человек, который оказывается волей Божией на высшем посту страны, обязан думать о том, кто придет ему на смену. (I, 83)

Противостояние властей (1998)

В России три раза было лобовое противостояние властей.

В 1917 – Дума против Императора. В 1991 – ГКЧП против Верховного Совета. В 1993 – Президент против Верховного Совета.

Во всех случаях это кончалось вооруженным столкновением.

Причем столкновение было лишь в одной точке – в столице, а волны шли по всей России. Два раза при этом менялся режим и разваливалась страна. А в 1993 году хоть до этого и не дошло, но рубец на лице власти остался глубокий.

Кто от этого выиграл?

«Победителей» Февральской революции сдуло через несколько месяцев... «Победители» 1991-го, где они?

Где Бурбулис, Хасбулатов, Кобец, Станкевич? (I, 73)

«Роман» с властью

(2001)

Интервьюер: *В России тема взаимоотношений художника и власти всегда имела особое звучание... Должен ли творец быть лоялен к сильным мира сего?*

В гробу я видел все эти рассуждения!

Если человек мне симпатичен, я его люблю, то общаюсь с ним, невзирая на должности и звания...

Вот мы говорим сегодня о моих взаимоотношениях с властью, и в твоем тоне я чувствую скрытый сарказм. Дескать, знаю, знаю: заигрывает Михалков с правителями, заигрывает...

Наверное, ты забыл 1993 год, когда я сказал, что друзей не предаю и ни за что не отрекусь от Руцкого, кем бы он ни оказался – вице-президентом России или заключенным в «Лефортово».

После этого я надолго испортил отношения с ельцинским окружением, в котором меня называли не иначе как «руцкист».

Но уже в 1996 году Коржаков позвал меня поддержать своего патрона. Когда я увидел, кто претендует на пост главы государства, понял: лучше помочь насытившемуся властью Ельцину, чем пускать в Кремль голодных претендентов на трон.

Это ты называешь заигрыванием?.. (II, 37)

(2010)

Вопрос: *Ваши фильмы всегда вызывали у меня восхищение. Трудно сравнивать Вас как художника с кем-либо из ваших коллег. Вместе с тем ваша гражданская позиция при любой власти не вызывает подобного ощущения. Вы всегда «с властью», всегда подле нее, будь то времена СССР или наши дни. Это действительно искреннее уважение и нынешних, и прошлых руководителей страны или просто умение дружить с властью в обмен на свободу творчества?*

Вообще, дружба с властью в обмен на свободу творчества – это, наверное, было бы гениально, если бы так возможно было: дружишь с властью – и абсолютно свободен в творчестве...

Но это не совсем так.

Что значит «при советской власти»? У меня не было ни одной премии при советской власти. Моя картина «Родня» пролежала на полке три года. Я получил по ней около двухсот замечаний. Я просто об этом не говорю, потому что не считаю нужным об этом говорить. А кроме того, существует самое главное – то, что ты делаешь. Мне не стыдно ни за одну свою картину. Не потому, что я их считаю такими хорошими, а потому, что мне сегодня не нужно говорить, потупив взор: «Знаете, время было такое, приходилось это делать». Я делал то, что мне нравилось, и то, во что я верил, и

абсолютно не обязательно было, чтобы я дружил с властью, потому что если вы посмотрели бы обсуждение в Госкино моих картин, скажем, той же самой «Родни» или «Обломова», то вы бы поняли, что это не так.

А что касается сегодняшнего дня, то это не дружба с властью, а дружба с людьми...

Поэтому в данном случае разговор не о власти, а о людях.
(V, 24)

(2010)

Я не скрываю, что нынешняя власть мне гораздо симпатичнее, чем, например, брежневская. С последней я ничего общего не имел, наград от нее не получал, в КПСС никогда не состоял.

Но люди, упрекающие меня сегодня в близости к власти, — чего они на самом деле хотят?

Интервьюер: *Такой же близости к власти.*

Причем к любой. (I, 144)

(2012)

Интервьюер: *Что, с вашей точки зрения, должна делать в нынешней ситуации власть?*

Нашей политике нужна конкретика. Сейчас нужно быть очень конкретным. Говорить конкретные вещи, определять время их выполнения и неукоснительно следовать данным народу обещаниям.

Под конкретными мерами сегодня часто понимают борьбу с коррупцией. Как Вы относитесь к этой риторике?

А я не верю, что коррупцию в России можно победить, по крайней мере, в ближайшем будущем. Это нереально.

Победа над коррупцией – это победа закона над беззаконием. Об этом рассказывается в фильме «12», когда один из героев говорит, что «русскому человеку по закону жить скучно, в законе ничего личного нет». И дело не в личной выгоде, а в личностном отношении к тому или иному явлению. И эту черту русского национального характера не удалось вытравить еще никому.

Хорошо это или плохо? Наверное, плохо. Но это пока что так. Поэтому нужны не только репрессивные меры, но и воспитание, и самовоспитание таких черт, как сострадание, любовь к ближнему, обостренное чувство справедливости. Об этом рассказывается во многих сюжетах – в «Капитанской дочке», «Робин Гуде», даже в «Бригаде».

Значит, надо воспитывать человека, воспитывать власть?

Воспитание – это важнейшая обязанность общества. К сожалению, даже в школьных программах сегодня вообще отсутствует не только понятие, но и слово «воспитание». А что касается власти, то, на мой взгляд, воспитание ее заключается в том, чтобы она понимала во всей полноте, что власть – это величайший кредит доверия народа. И его нужно отрабатывать. И если власть это понимает, то она будет отно-

ситься к людям иначе.

Ведь на Болотной и на Сахарова были не только «норковые воротнички», стоявшие на сцене, но множество горожан, которые действительно устали от всего того, что происходит. Когда ты видишь по телевидению лица местных начальников, этих «уездных князьков», пытаешься представить себе на секунду: каким образом ветеран, пенсионерка или студент смогут достучаться до этого человека, чтобы он выполнял то, ради чего он на это место поставлен, охватывает ужас.

Я убежден, что программа будущего президента должна быть четко сформулирована и укладываться в несколько конкретных направлений развития нашего общества. Это можно назвать «столько-то шагов лидера страны», «столько-то прорывов лидера страны». Эти шаги должны быть сформулированы так, чтобы народ знал, что его ждет и когда это будет выполнено. Будь то строительство доступного жилья, реформы ЖКХ и ВПК или, предположим, появление в стране налога на роскошь. Поэтому задачи, стоящие перед лидером, должны быть осуществимы и не расплываться в пустых рассуждениях об общем благе и благих намерениях. (XV, 66)

Сегодняшняя власть (1992)

Сегодня, конечно, кое-что изменилось, мы видим у вла-

сти людей, закончивших университеты и даже преуспевших в науках.

Но у меня возникает вопрос: они же не инопланетяне, они же приехали не из Парижа, не из Сорбонны, не из Оксфорда?

Они же воспитаны в этой системе: пионерская организация – «всегда готов!»; Павлик Морозов; религия – опиум, атеизм – хорошо; материализм – Карл Маркс, Энгельс, Ленин; противоборствующие силы – только в выдержках ленинского анализа; комсомольская организация – этот полигон политических игр, откуда через съезды комсомола или через молодежную трибуну на съезде партии можно впрыгнуть в черную «Волгу» с мечтой о «Чайке».

(Родилась даже такая поговорка: «Чайка» летает над «Волгой» – для непосвященного просто некая фраза, а сколько в ней смысла, это же знак, пароль...)

Они же – оттуда.

И мы это видим по методам, которые применяются в решении тех или иных вопросов, видим и раздел власти, и желание ухватиться за рычаги... (II, 25)

(1994)

Есть такая притча:

На раба рассердился хозяин, отвел его в болото, привязал к дереву, раздел догола и ушел.

Закат солнца. Раб, привязанный в болоте, весь облепленный москитами, в крови, его кусают, он не может их согнать,

мучается страшно. Идет мимо пилигрим, пожалел раба, срезал ветку и согнал с него moskitov.

Раб говорит: «За что ты так ненавидишь меня?» Пилигрим возмутился: «Я? Ты стоишь привязанный, весь в крови, я согнал с тебя moskitov, а ты говоришь, что я тебя ненавижу?! Неблагодарный ты человек!» Раб отвечает: «Да, ты ненавидишь меня...» – «Но почему?» – возопил пилигрим. «Ты согнал сытых, сейчас прилетят голодные...» – вздохнул раб.

Я думаю, что сейчас самое пагубное – это втащить страну в новую возню за власть. Кремль думает, что он делает политику страны, а он делает всего лишь политику Кремля. *Провинция делает политику страны.* И поэтому ей надо дать сейчас главное – передышку.

И никакой суеты! (XI, 1)

(1998)

Суетятся власти.

Причем все ветви. Мельтешат и подпихивают друг друга к пропасти. Ломают государство, рушат тот ствол, без которого они – ничто, так, сучки гнилые...

Сегодня разделение властей перерастает во взаимное истребление властей. Я боюсь, что президент будет вести дело к роспуску Думы.

Дума не распустится и начнет процедуру импичмента.

В результате мы получим две воюющие друг с другом и

равно легитимные власти. А воевать эти штатские генералы, как водится, пожелают «до последнего солдата»... (I, 73)

(2001)

Мифологизированное сознание советского человека верило: не может быть, чтобы нами правили неумные, безответственные люди.

Мои иллюзии закончились, когда, однажды приблизившись, случайно увидел, как принималось одно решение. Неважно какое. Но оно принималось пьяными людьми. Думаю, что то же самое происходило в Беловежской Пуще.

Я этого точно не знаю, но мне так кажется.

Перед глазами – тот случай: люди пили водку, как будто ее у них отнимают, как лекарство от страха. Выпили три бутылки водки вчетвером в течение двадцати минут под виноград.

И через полчаса – внутреннее освобождение: мы это делаем по большому телефону. В одну секунду было принято решение, имевшее затем негативные последствия...

Хотя сегодня в политике и во власти уже есть люди, которые научились отделять зерна от плевел. Они смотрят вперед, их интересуют перспективы того региона, за который они отвечают. Им важно, как к ним относятся люди. Да, можно запутать людей грязным омерзительным пиаром. Я наблюдаю за тем, как подло, пошло, грязно и мерзко проходят выборы в некоторых регионах. Но в то же время вижу достойных людей, которые совершенно спокойно, ровно дыша,

ничего не боясь выигрывают. Они убеждены в правильности своих позиций, нужности обществу, в вере в них избирателей. Этих политиков обошла стороной социальная мутация. (I, 81)

Селекция власти **(1990)**

Последовательная селекция властей предрежащих – прямая дорога к вырождению, к уничтожению корневой системы национального самосознания, а это в свою очередь ведет к самоуничтожению... (I, 33)

Советская власть **(1992)**

Советская власть всегда знала о наивной нашей вере (во власть вообще) и озабочена была одной проблемой – самовоспроизводством.

В течение долгих десятилетий шла селекция. Для того чтобы занять пост у власти, нужно было доказать доподлинно: что ты в поколениях ничтожество, и чем ниже твое происхождение, чем меньше в тебе генов, которые так или иначе устремляли бы тебя к свету, к знаниям, к науке, тем больше ты имеешь прав руководить другими... (II, 25)

Художник и власть **(2002)**

Я мечтаю любить власть. Мечтаю.

Я хочу любить Государя, любить Сенат. В России вообще ничего хорошего без любви невозможно.

Я так хочу, чтобы это были люди более достойные, чем я. Так хочу, чтобы те, за кого я голосую, оправдывали мое доверие.

Я совершенно не хочу жить по принципу: если ты художник, то должен пить, как подорванный, ругать все вокруг и помереть от туберкулеза под забором нищим, оборванным, оболганным, и только через тридцать лет твои рукописи найдут за печкой. Вот тогда ты художник!

Я абсолютно не согласен с утверждением, что художник должен быть обязательно в оппозиции к власти.

С унижением, высокомерием, хамством власти по отношению к кому бы то ни было и особенно к художнику бороться необходимо беспощадно и до конца! Это так! Но презрительно кривить рот в уничижительной ухмылке при упоминании о власти есть проявление пошлости, бездарности и слабости.

О, сколько я видел таких «обиженных» с горящими глазами! И как это сладко и выгодно – быть обиженным властью. Нет, конечно же, не репрессии и ужасы, с ними связанные, имею я в виду. Я имею в виду это дивное ощущение своей значимости от того, что с тобой не согласились сильные мира сего, что позволяет тебе сверху вниз смотреть на своих более удачливых коллег, приговаривая со вздохом: «Мне бы

ваши заботы»...

Не ной, родной! Вкалывай! Не пустили в дверь – лезь в окно!

Пойми, что, кроме тебя самого, тебе никто не поможет. Ты должен отвечать за себя, за то, что ты делаешь, и за тех, кто вокруг тебя. Я могу уважать человека до тех пор, пока уверен в том, что он сам отвечает за свои действия. Вплоть до президента. Я должен быть уверен, что именно он руководит страной, а не им кто-то. И мне нужна индивидуальная ответственность человека, и особенно того, которому я отдал свой голос.

Если власть недостойна нас, то это наша вина, и только наша. Мы должны сами отвечать за нее. Поверьте мне, тут дело не в том, что я очень политкорректен. У меня были сложные отношения с начальством. До 1990-х годов ни одна моя картина не получила ни одной премии от государства. После того как мой брат уехал в Америку, мне не давали снимать «Очи черные» с Марчелло Мاستроянни. Министр говорил: «Ты что, не понимаешь, у тебя брат *там*, а ты еще будешь тут настроение портить!» Я тогда вынужден был сказать ему: «Если вы не дадите мне снимать картину с Марчелло Мастроянни, я сейчас выйду из этого кабинета и сделаю такое, о чем вы сильно пожалеете». Что я имел в виду, говоря это, я не знаю, но в результате подействовало. Он тут же подписал нужные бумаги...

Но я категорически против того, чтобы плодилось гигант-

ское количество неудачников, убежденных, что им все время кто-то что-то должен. Особенно это касается тех, кто потратил свою молодость не на то, чтобы вкалывать и пробиваться, а на то, чтобы, по словам Ивана Ильина, «фигурировать», сотрясая воздух рассказами о своих творческих проектах, которым никогда не суждено было сбыться по вине чиновников, завистников и т. д., и осуждая тех, у кого уже что-то сбылось.

Я знаю много таких «героев».

Я знаю и тех, кто сегодня снимает «черное» эпатажное кино, оскорбляющее и унижающее человека. При этом, как правило, сами эти люди выросли в прекрасных условиях, в чудных квартирах, никогда не испытывали никакой нужды. Никто из них не сидел в тюрьме, не рос в детдоме, никто не торговал в ларьке. Это люди, у которых всегда были сухие ноги, свежая рубашка и хороший завтрак. И вдруг – такое желание показать свою страну как можно страшнее, унижительнее.

Почему? Ради чего? С какой такой высокой целью?

Притом что я вовсе не против того, чтобы все (даже самые неприглядные, уродливые) стороны жизни народа были поводом для разговора художника со зрителем. Но важно, чтобы те, кто об этом народе говорит, его любили, ему сострадали, хотели помочь, – хотя бы потому, что сами они из этого народа, из этой страны. (I, 92)

(2005)

Художник и власть должны объединить усилия, чтобы сохранить культурное наследие России.

Охрана памятников и сохранение культурного наследия России – тема архиважная и чрезвычайно актуальная сегодня. Ведь если что-то и осталось ценного сегодня в нашем государстве, то это прежде всего великая культура, которую надо сохранить во что бы то ни стало.

И для этого надо объединить усилия и общества, и государства. (IX, 2)

ВЛЮБЛЕННОСТИ

(2007)

Интервьюер: *Помните, когда впервые влюбились?*

С точкой отсчета есть проблемы, поскольку влечение к противоположному полу испытал рано и какие-то детали из серии: «Кто? Где? Когда?» вряд ли вспомню.

Что-то более или менее серьезное возникло, наверное, лет в двенадцать.

Надо сказать, «первый раз в первый класс» я не пошел, поскольку рос на даче на Николиной Горе, откуда выбираться каждый день на занятия в Москву было нереально, на дорогу уходило бы полдня. Поэтому поначалу я брал частные уроки у местной учительницы, ходил к ней на дом. Когда все же переехал к родителям, попал в школу для мальчиков.

Где она находилась?

Возле американского посольства на улице Чайковского, ныне – Новинский бульвар.

В ту пору еще практиковалось раздельное обучение, только в четвертом классе нас объединили с девочками, и это стало настоящим откровением, шоком. Не верилось, что будем сидеть за одними партами, вместе ходить по коридорам... Мы разглядывали их, они – нас. Тогда и появились первые влюбленности, еще лишенные каких-либо эротических признаков или намеков. Объекты увлечения менялись, но оставалось терпкое ощущение соперничества, борьбы за внимание дамы сердца. Осязаемые привязанности возникли позже, года через три. Правда, в тот момент меня уже тянуло к девушкам постарше. Был влюблен во внучку легендарного героя Гражданской войны Щорса. Она опережала меня на пару классов... (II, 57)

ВОЗРАСТ

(2000)

Интервьюер: *Женщине столько лет, на сколько она выглядит. Как определить реальный возраст мужчины?*

Единственное ощущение возраста для меня в том, что все меньше становится людей, которые могут сказать мне «ты», и совсем почти не осталось тех, кто может сказать: «Когда ты был маленьким».

Очень люблю в «Луна-парк» ходить с младшей дочерью Надей. Иногда кажется, что мне это доставляет большее удо-

вольствие, чем ей. (III, 6)

(2006)

Интервьюер: *Вы совсем не скрываете свой возраст?*

Я вообще предпочитаю, если уж перегибать, то в другую сторону.

Пока что, Божьей милостью, нет ничего такого, что я не могу сделать сегодня из того, что мог сделать десять лет назад.

То есть на сколько себя чувствуешь, столько тебе и лет?

Думаю, что да, во-первых. А во-вторых, так как я постоянно нахожусь в работе, постоянно занят, времени сидеть на стуле и размышлять о проделанной работе у меня нет. Да и желания такого нет. Мне неинтересно.

То есть Вы сейчас можете даже больше, чем могли двадцать лет назад?

Ну, это в нашей профессии естественно, потому что приходит опыт и приходит понимание того, каким образом можно найти самый короткий путь к решению вопроса.

Я и двадцать лет назад говорил то, что думаю, и сейчас говорю то, что думаю. Другой разговор, что время иллюзий прошло – это правда. Но, как сказано, никогда не жалуйся на время, ибо ты рожден для того, чтобы сделать его лучше. (XV, 29)

(2006)

Вопрос: *Возраст уже чувствуется или пока нет? Как вам ответить?*

Азарт не исчез. Интерес к жизни не исчез. Иногда мои желания до неловкости не вписываются в мое положение, мой возраст и так далее... *Это какие, например, желания?*

Ну я не знаю. Карусели, например.

Карусели?

Да. Атракционы. Или стрельба в тире. Какие-то банальности из серии «Парк культуры и отдыха». Кто сильнее ударит молотом по башке...

Я азартен, мне это интересно, я получаю удовольствие. С детьми мы ругаемся, кто больше мячей в корзину забросил...

Если у тебя есть желание – не просто прилечь, а, скажем, сесть в машину, взять товарища, собаку, ружье и уехать, и ночевать в лесу – значит, ты пока жив...

Не могу сказать, что я чувствую возраст. Нет, в одном чувствую – у меня меньше пристрастий к выпиванию. Когда-то мне нравилось все это столование: а, давай, накрывай!.. Потому что потом замечательное ощущение, потом приключения какие-то возможны.

Теперь я удовольствие от жизни получаю в основном на трезвую голову. Хотя как можно вернуться с охоты и не выпить полстакана водки? И не повторить два раза?

И все равно меня сдерживает мысль: завтра работать, завтра заниматься спортом. Буду ли я бежать на пятнадцатом

уровне или на восьмом? Или я знаю, что можно встать на рассвете, сесть на лошадь и поехать в поля, и для этого лучше лечь пораньше...

Хотя если, например, пошел спор в тире – у меня тир в хозяйстве, электронный – тут уж до пяти утра. Кто больше выбьет.

Соревновательный азарт во мне очень силен. (I, 124)

(2009)

Интервьюер: *Признайтесь, Вы совсем не скрываете свой возраст или с годами волей-неволей об этом приходится думать?*

На бесплодные сожаления времени у меня не хватает: когда занят делами, важно другое – насколько поддерживаешь форму для того, чтобы быть в тонусе и выполнять работу, которая требует серьезных физических нагрузок.

Тем не менее иногда грустите, что Вам не двадцать, не тридцать лет?

Ну, если над этим задуматься, станет, очевидно, невесело, но я пока не испытал необходимости о таких вещах размышлять. (I, 137)

(2011)

Интервьюер: *Можете себе представить, что когда-нибудь перестанете «гореть»? Сядете с книжкой в кресле-качалке...*

Я не зарекаюсь. Как будет, так и будет...

Пока чувствую себя на сорок пять. Мои интересы не изменились. Люблю играть в теннис, особенно «одиночку», азартно, на счет, терпя невезение и стремясь к победе. Люблю путешествовать на машине по стране. Охоту, рыбалку, воду. Общение, дружеские застолья. Мы не безумствуем, как безумствовали сорок лет назад, но энергетический настрой остался, надеюсь, таким же.

А смерти боитесь?

В бытовом смысле, как и всем, мне трудно это представить. Но если ты веруешь, что душа бессмертна, а следовательно, дух человеческий вечен, ты ощущаешь, что не один, даже если ты в одиночестве. Тебе не должно быть скучно, если твоя душа распахнута для мира.

У Бога обиженных нет. Как в притче: идет человек по песку, оставляет следы, а рядом появляются вторые следы, которые потом вдруг исчезают. Он говорит: «Господи, Ты покинул меня? Где Ты?» А Господь отвечает: «Ты перепутал – это не твои, а мои следы. Просто я несу тебя на руках!» (XV, 52)

ВОЙНА **(1986)**

Мне кажется, что ужас перед войной и ненависть к ней заложены в нашем народе генетически...

Генетическое знание, которое впитано с молоком матери

и которое существует в наших детях, хотя они не видели войны, в моих в частности, это заложено поколениями. (II, 13)

Вторая мировая война (2003)

Пятьдесят миллионов людей погибли во Второй мировой войне...

Это пятьдесят миллионов войн. Потому что для каждого война была своя, конкретная. Маршалы говорили: я не могу и не должен видеть лица солдата перед боем. Он для меня не должен существовать как личность. Я не могу поддаваться внутреннему ощущению жалости перед тем, как этих людей послать на смерть. Мы знаем: из ста – двадцать, тридцать, восемьдесят, девяносто человек погибнут или будут ранены. А он должен их посылать в бой. Невероятная жестокость, с одной стороны. А с другой – потрясающая арифметика войны.

Где здесь истина? Кто имеет право на себя брать такое и почему имеет право?

Понимаете, когда закапываешься все больше и больше в это, возникает ощущение невероятное совершенно. Вот Ставка, Сталин, Жуков, все это вместе. И простой вопрос: «А что происходит у нас там?» – спускается вниз через огромное количество вопросов, переходящих в мат, и становится приказом конкретным людям куда-то бежать.

Что стоит за этим?..

Вот, скажем, огромное поле – мертвое, горящее, с изуро-

дованными танками. По краю идет колонна. Грохот, гарь. А среди поля пойнтер на стойке, с обрывком веревки, охотничья собака. Пойнтер поймал верхним чутьем перепела, где-то там, в траве. Это его инстинкт, он не знает про войну. И в этом его жизнь, и в этом жизнь вообще.

Жизнь вообще – в этом соединении жизней конкретных-конкретных людей, с конкретными лицами, с конкретными желаниями. С их желанием выжить, раненных тут или там – и это все внутри огромной войны, в которую вовлечены миллионы и миллионы людей...

Есть еще очень важный момент. Как говорится, кто верит в случайность – не верит в Бога. Вот идут восемь человек по лесу, один отошел по малой нужде, задержался на несколько секунд, оглянулся, а семерых нет. А он уцелел. Почему он? Почему остался? Или человек в атаке минометной (я прочел огромное количество материалов, посмотрел около сорока часов хроники), у него осколком срезает ремень, как бритвой, а он остается в живых! Почему человек прошел всю войну без ранения, а в последний день случайный снайпер попадает ему в глаз? И как природа принимает в этом участие – природа, жизнь, Бог?

Не может быть так, чтобы мир – с Богом, а война – с дьяволом. Так не бывает. Если Бог споспешествует этому – где его участие? Я не пытаюсь ответить на этот вопрос, но я хочу его задать. (XI, 2)

(2010)

Интервьюер: *Почему, как Вы думаете, мы выиграли эту войну?*

Есть такой замечательный военный историк Кавад Раш, который написал, что советские историки отняли победу у русского солдата, показывая немцев дураками, пьяницами, идиотами и кретинами...

Это была неправда. Немецкая армия – действительно была великой армией, которая покоряла европейские страны за считанные дни...

Могли бы мы сейчас выиграть такую войну?

Но ведь сумели же псковские ребята совершить подвиг... хотя общество не располагает к подвигу эмоционально.

В стране победил всеразьедающий гламур. На ТВ-каналах развлекают одни и те же люди, которые друг про друга говорят, спорят, беседуют. И все это касается «песочницы» московской и питерской без учета огромной страны...

Вот предлагают – наемную армию. Моя личная точка зрения: мы немножко другая страна.

Наверное, какие-то подразделения должны быть профессионалами. Но человек, воюющий за деньги, пойдет туда, где дадут больше. А ведь армия в России всегда была не только средством нападения или защиты, но образом жизни. А наемники не знают, что защищать, они не чувствуют родины, корней, традиций, они потребители... (I, 142)

(2010)

Ни один народ не может считаться воевавшим, если он не бился с внешним врагом на своей территории. Война – это не только солдаты, а все, что накрывает нацию. Война касается всего – пейзажа, речки, скамейки во дворе, неба над головой, родных и близких. Когда твои города бомбят вражеские самолеты, по ночам комендантский час и нельзя выйти на улицу, когда продукты отпускаются по карточкам, а в хозяйской постели спит чужой человек, говорящий на незнакомом языке...

Такое генетическое ощущение беды может быть развито лишь у тех, кто воевал на родине. (II, 65)

(2011)

Интервьюер: *Вы родились в год Победы, какое в Вас было воспитано отношение к войне?*

В детстве я испытывал восторг от запаха портупей, от вида людей в гимнастерках, с золотыми погонами, с орденами, с медалями... Мне перешили отцовскую форму, и в пять лет от роду я гордо ходил в кителе с погонами и фуражке. Ощущение войны, подвига Победы очень вдохновляло. Во дворе с мальчишками каждый день играли в войну.

До середины шестидесятых годов главный слоган страны был: «Лишь бы не было войны!»

И это говорилось не иронично, а совершенно серьезно. Стабильность в обществе существовала именно потому, что

у власти и под властью было поколение тех, кто воевал. Не важно, солдатом ты был или генералом – все легко понимали друг друга... (XV, 52)

Гражданская война в России (2000)

У меня была идея снять фильм о Гражданской войне, которая в большой степени навеяна Николаем Туроверовым... «Уходили мы из Крыма, среди дыма и огня...» или его стихами «В Легионе».

Вот это соединение казачества, изгнания, Африки... Все это, вместе взятое (да если еще соединить с Триестом, с концом войны, с тем, как выдали и предали всех этих казаков), рождает трагическое, потрясающее ощущение. Это квинтэссенция трагедии народной, отраженная в судьбе казачьего офицера. Но это только бродит у меня в космосе представлений, или, как гениально написал об этом Мандельштам: «Я слово позабыл, что я хотел сказать / Слепая ласточка в чертог теней вернется»...

Вот пока и у меня все находится в «чертоге теней», все «плавает», не сгущаясь в чем-то конкретном.

Была у меня и идея экранизации Донского похода... Я читал об этом времени довольно много. Донскому походу посвящено много, если можно так выразиться, литературообразных воспоминаний, не имеющих отношения к литературе. Их написали офицеры казачьи. И вот там можно найти

совершенно потрясающие детали, которые немислимо найти у профессиональных писателей...

Например, на фронт отправляется обоз с гробами. Длиннейший обоз – сто пятьдесят подвод, на каждой подводе по десять гробов. И молодой совсем юнкер, мальчик, которому поручено командовать этим обозом, и его любовная история с сопровождающей этот же обоз казачкой.

Все это настолько пронзающее.

Эти гробы через десять дней будут наполнены мертвыми телами, останками воюющих солдат и офицеров. Но все равно жизнь и любовь, как трава, пробиваются сквозь окружающую человека смерть... (XII, 5)

Первая мировая война (2012)

Вопрос: Хотели бы Вы снять фильм о павших в Первой мировой войне? Согласны ли Вы, что они совершили не меньший подвиг, чем воевавшие во Вторую мировую войну, однако из-за смены правящего режима о них незаслуженно забыли?

Да, я согласен с этим.

Это трагедия огромная. И память об этих людях, она, к сожалению, действительно искажена. После Октябрьской революции они предстали империалистами и несправедливо воюющими, несправедливо посылаемыми в бой, и так далее... Вообще не хочу серьезно вдаваться в историю, но войну-то мы выигрывали, и по большому счету, если бы не произошла ре-

волюция, то мог бы быть совершенно другой исход мировой истории в тот период, и следовательно, и во все остальные.

Я думаю, что эта страница истории действительно требует внимательного рассмотрения. Мы же видели Первую мировую войну, в принципе, только как переход ее в Гражданскую. А все кино про Гражданскую войну было о доблести красных и о ничтожности белых. Я думаю, что это очень серьезная тема. Очень много Солженицын посвятил своего времени, труда и таланта разбору того, что являет собой Первая мировая война.

Я считаю, что такого рода картина историческая должна быть. У меня просто не было этого в планах, но я, в принципе, убежден, что эта тема достойна того, чтобы сделать о ней большую историческую картину. (XV, 64)

«ВОЙНА И МИР» (2003)

Первое мое настоящее соприкосновение с Сергеем Федоровичем Бондарчуком произошло на пробах на роль Пети Ростова <в «Войне и мире»>.

Помню, он вошел в гримерную, зорко поглядел на меня и поговорил не как со знакомым мальчиком, а как с актером. Первый раз в жизни мне завили волосы. Я тогда еще очень надеялся, что они такими выющимися и останутся.

Не помню деталей, помню замечательную атмосферу в съемочной группе, атмосферу всеобщего благоговения пе-

ред Сергеем Федоровичем. И еще помню в комнатах съемочной группы фильма «Война и мир» гигантское количество материалов: копии исторических документов, исторические журналы, картины, эскизы, литографии, редкие иллюстрации, огромные фолианты произведений Льва Николаевича Толстого...

Я снялся только в одной сцене – в эпизоде «Охота». Благо детство я провел на конном заводе, поэтому верхом ездил довольно прилично. В «Охоте» меня снимали на общих планах.

Мы жили в подмосковной Кашире, снимать уезжали недалеко, но уже в Тульскую область. Стояла золотая прекрасная осень, октябрь выдался теплым, охотничий сезон в разгаре, а я охочусь с детства и в киноэкспедицию взял с собой ружье. Настреливал диких голубей, их тушили в сметане, угощалась вся группа, обслуживающие съемки вертолетчики приносили спирт... И начинались восхитительные вечерние посиделки с рассказами, раздумьями вслух... Причем над всем этим витал дух общего восхищения прозой Толстого, этой описанной им дворянской охотой.

Я слушал эти беседы, может, не все понимал, но меня просто захлестывало счастье, и еще... так сладостно замирало сердце только от одного взгляда на Люсю Савельеву. Такая она была прелестная, светящаяся потрясающей улыбкой, перевязанная белой шерстяной шалью, восседающая амазонкой в седле...

Очарован Люсей был не я один – композитор Овчинников, хватив спирта, творил чудеса, ревновал, показывал всю удаль русского влюбленного человека. А меня захватывала вся эта съемочная стихия, весь этот мир с лошадьми, с борзыми и русскими гончими... и мой костюм из тонкого сукна, и скачки галопом, и влюбленность в Наташу Ростову...

Я был как отрок, впервые пригубивший вкусного вина и почувствовавший хмельную легкость от нового, головокружительного ощущения. А сейчас думаю, то дивное время было поистине волшебным подарком Господа Бога...

В Кашире я жил с Сергеем Федоровичем Бондарчуком в одном доме. Не помню уж, почему меня решили поселить вместе с ним и поставили рядом с его кроватью для меня раскладушку. Нет, я не требовал к себе особого внимания, не позволял никакого амикошонства, однако же так получилось, что я оказался допущенным в святая святых. Помню одну ночь, мы проговорили почти до рассвета, он мне рассказывал о брошюре Циолковского «Монизм Вселенной». И это было для меня абсолютным открытием. А еще большим открытием явилось то, что он занимался не только романом Толстого, он увлеченно и горячо сосредоточивался на вопросах, казалось бы, от романа и фильма далеких. «Как же так? – поражался я, вытянувшись на своей раскладушке. – Снимать «Войну и мир» и изучать Циолковского: один ракеты изобретал, другой писал про первый бал Наташи Ростовской, где же логика?..»

Я только потом понял, какое значение это имело. Вселенский масштаб – это то, что и стало знаковым в картине «Война и мир». Именно как к вселенской истории подходил Сергей Федорович к этой работе.

Но главное – он в ней купался... (III, 5)

«ВОКЗАЛ ДЛЯ ДВОИХ»

(1993)

Интервьюер: *«Вокзал для двоих» наделал много шума. Вы там хорошо сыграли такого нахального, нахрапистого, самоуверенного персонажа. Очень колоритно.*

У меня там небольшая роль, смешной эпизод, и я его с удовольствием играл.

Было много импровизации, очень смешно и трогательно...

Назван характер: проводник, халуга, ворюга, хамло. Но имеет как бы две стороны. С одной – не лишен очарования; с другой – совершенный хам и насильник, когда дело касается добиться своего. Персонаж, который я в меру своих способностей и понимания сыграл.

Но тонкости здесь особой, психологии, перламутра и кружев не было... (III, 2)

(1993)

Все то, что вы видели в фильме, – это лишь вот столечко, а мы с Люсей Гурченко такого наворотили, пока снимали...

Рязанов нам дал полную свободу. Когда мы с ней импровизировали в купе, Рязанов чуть не выпал из машины – он смотрел это по видео. Сбежался весь монтажный цех, мы-то думали, что это между нами, и такие тексты лепили! Я же знаю шестьсот матерных частушек. И тогда говорю Люсе: «Послушай, спою». И пою одну, другую... пятую частушку.

Люся умирает со смеху.

Потом в окно глянул, а там вся площадь людьми «заставлена». Оказывается, микрофон был включен, и я на всю площадь *такое* лепил!

Это мне, кстати, прибавило доброй популярности... (I, 46)

ВОЛОГДА

(2003)

Интервьюер: *Вы не в первый раз в Вологде. Чем так привлекает наша область?*

Я как-то привязался к этому краю, я люблю Вологду, люблю здесь путешествовать, люблю приезжать сюда на охоту, рыбалку, сплавляться по маленьким речкам...

Вообще Вологодчина – это край, в котором заключена огромная энергия. Проходит время, меняется власть, меняются эпохи, а настоящее остается настоящим.

И то, что здесь, в Вологде, это сохраняется, огромная заслуга всех, кто этим занимается, и, конечно, в первую очередь руководства области, которое обращает на это внима-

ние.

Говорят, мы с вами практически земляки?

Да, здесь, в Тотьме, мой пращур был воеводой – Тотемским и Романовским. (XV, 4)

ВОЛОГОДСКОЕ МАСЛО

(1999)

Замечательный мой знакомый из Вологды, который занимается сельским хозяйством, однажды поэтически роскошно ответил на вопрос: чем отличается вологодское масло от новозеландского?

Я ожидал от него услышать какие-то неизвестные для меня технические отличия в производстве этого продукта, а он сказал очень просто: «Хорошим, настоящим маслом не может быть то, которое изготавливают из молока коровы, питающейся зеленой травой круглогодично. Не может производиться вкусное, хорошее масло в стране, где растет трава зеленая круглый год. У нее нет времени для того, чтобы набрать соки, чтобы быть скошенной, умереть, лечь под снег, потом заново родиться и зазеленеть. Нет той уникальности, которая только и рождает естественное, дорогое и редкое». (I, 77)

ВОЛЯ

Политическая воля

(2009)

Интервьюер: *Вы активно призываете государство чаще демонстрировать политическую волю. Так ли это необходимо сегодня, как, скажем, десять – пятнадцать лет назад?*

Политическая воля не должна ослабевать!

Я прекрасно понимаю, сколько ненависти, раздражения, сопротивления я вызову этим своим призывом у людей, думающих по-другому. Но я абсолютно, стопроцентно уверен, что без вертикали власти и политической воли Россия превратится в хаос и рассадник катастрофических последствий для всего мира.

Россия – это крест. Вертикаль власти и горизонталь культуры и экономики. Другой разговор, кто в этой вертикали: образованные, талантливые люди, патриоты или кто-то другой... Но сегодня это зависит уже и от нас, мы ведь сами выбираем себе правителей. При этом я должен видеть, что, со своей стороны, эти люди готовы идти на поступки, на жертвы. Мы должны быть уверены, что власть понимает, что секундная выгода оборачивается в России многолетними катаклизмами и катастрофами. Можно напечатать денег, и все будут довольны сегодняшними правителями, а послезавтра эта мера превратится в экономическую катастрофу. Вот что я имею в виду. Я готов слушать и слышать только власть с политической волей. А о власти, которая только делает вид, что она демократична, а на самом деле она всего лишь безвольна и осуществляется людьми, которые к ней совершенно

не должны иметь никакого отношения, я слышать не желаю!

Кто пример силы, а кто безволия?

Горбачев – замечательный пример безволия. Масштаб личности должен соответствовать масштабу страны. Не может человек с мышлением секретаря крайкома ощущать общее дыхание огромной страны, где только разница в часовых поясах – девять часов!

Слава тебе господи, что появился канал «Вести»! Благодаря ему теперь есть возможность слышать страну. Можно в двенадцать часов ночи включить телевизор и увидеть новости из регионов, о которых мы вспоминаем лишь тогда, когда там происходило нечто экстраординарное. Слава богу, что сегодня заседания Госсовета и другие важные совещания происходят не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в других городах. Замечательно, что есть попытка осознать истинный масштаб России. Человек может прекрасно водить «жигули» или даже «мерседес», но если его посадить на «КамАЗ» с пятью прицепами – вроде бы за машину с такими же механизмами, – то на повороте он, считая, что по-прежнему едет в «жигулях», снесет автобусную остановку вместе с теми, кто на ней стоит.

Кто, по-вашему, в российско-советской истории из наших правителей ощущал этот самый масштаб страны?

Ну, во-первых, это некоторые наши государи. И конечно, Столыпин, Сталин ощущали. (XV, 44)

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

(1992)

По-моему, от художников не стоит ждать ответов...

Лично мне неинтересен ответ. За ответами вообще ничего нет. Мне интересен вопрос.

Как знак препинания – мне интереснее многоточие, а не точка. И неправда, что прошлое имеет ответом настоящее. Девятнадцатый век – это вопрос. Вся жизнь вопрос...

Я думаю, что без вопроса только единый закон нравственный, по которому жили предки. (II, 24)

(1999)

Интервьюер: *Есть ли в жизни вопросы, на которые Вы еще не нашли ответа?*

Конечно, есть.

Я думаю, эти вопросы были во все времена одни и те же. Откуда все это происходит и куда девается? Где грань между одним и другим – не буду расшифровывать... Где грань между жестокостью и справедливостью и насколько трудно тебе оправдать для себя по большому счету твою же несправедливость по отношению к человеку... (II, 31)

(2006)

Я вообще считаю, что вопросы могут быть сильнее и важнее, чем ответы на них.

За правильно поставленным вопросом лежит больше, чем

за правильным ответом. За ответом нет ничего, а за вопросом есть движение. (XV, 29)

(2006)

Настоящих, истинных вопросов очень мало. Жизнь, смерть, любовь, голод, болезни, детство, старость. Рано или поздно в жизни каждого возникают такие вопросы...

Толстой сказал: «Бытие только тогда и есть бытие, когда ему грозит небытие». К сожалению, для России только испытания становятся поводом для объединения нации в единое целое.

Но всем все равно придется отвечать на главные вопросы. (II, 55)

(2011)

Интервьюер: *Встречаясь с публикой, журналистами, не боитесь неудобных вопросов?*

Для меня нет неудобных вопросов.

Понимаете, качество ответа зависит от качества вопроса. Что человек хочет, то он и получит. А задавая вопрос провокационный, можно получить в лоб... (XV, 47)

ВОСПИТАНИЕ

(2002)

Моя мама всегда говорила: «Воспитывать надо, пока поперек лежит, вдоль лег – уже поздно!»

Поэтому надо водить детишек в церковь, в воскресную школу, читать им русские сказки. Тогда, подрастая, они будут ощущать себя частью великой Родины, ее истории и культуры. (II, 41)

(2007)

Да никак меня не воспитывали!

Я думаю, как бы ни воспитывали, та атмосфера, которая была в доме, передалась той атмосфере, которую мы культивировали со своими детьми. И, надеюсь, которую они создают у себя в доме. Это аура. Это ж не значит – пороть по субботам. Хотя меня пороли.

Затрещины летели только так. Знаете, летишь бывало мимо шкафа, а там: Толстой, Гоголь, Достоевский... В этом нет ничего такого. Русский человек так устроен. У нас же нет свободы, у нас есть воля, а это совсем разные вещи. Чередование кнута и пряника – очень важно. Но еще важнее знать, когда что применить. Я знаю только одно: существует доверие и недоверие. Существует уважение или отсутствие его. Существует душевно-духовная связь. Ты можешь не видеться с родными месяцами и не испытывать тоски, потому что они в тебе. Это больше, чем просто писать открытки на именины и на день рождения и обижаться, когда не получил.

Иммунитет, который должен быть в человеке, должен даваться родителями. Это значит, что им нужно появляться, когда нельзя не появиться. И не тащить за руку в профес-

сию или в институт. Когда ты нужен, и там, где ты нужен, ты должен оказаться. Бывают ситуации, когда твоя помощь необходима. (XI, 3)

ВОСТОК И ЗАПАД

(2003)

По большому счету Киплинг прав: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места им не сойти». Хотя есть и другой перевод: «и вместе им не сойтись», но это уж слишком трагически, но то, что «с места им не сойти», я думаю, что это так...

Да – отношения, да – уважение, да – торговля, обмен; все – да. Но не нужно пытаться превратиться в других и не нужно пытаться других превратить в себя.

Это очень большое заблуждение.

Кстати, огромное заблуждение в этом смысле, на мой взгляд, существует у Соединенных Штатов, которые в силу отсутствия исторического, глубинного опыта предполагают, что достаточно объяснить словами, а если что (как они говорят) – доброе слово и хороший «смит-вессон» действуют лучше, чем только доброе слово.

Это, в общем, красивая формула, но не везде она действует.

Посмотрите, что происходит в Ираке. Есть гениальная фраза. Мне она очень понравилась: «Хвост войны намного страшнее, чем ее клыки». Вот сегодня как раз и происходит

именно это. А люди удивляются: как же так, ведь все случилось, перемирие объявили, война кончилась, мы победили...

И что? Почему же не получается?

А потому, что невозможно с менталитетом одним пытаться влиять механическими средствами на менталитет иной, глубинный, да еще к тому же многовековой.

Поэтому я думаю: общаться – да, любить – да, уважать – обязательно (и встречаться, и обмениваться), но не пытаться быть ни на кого похожими, но в то же время и не надуть щеки, считая, что мы самые лучшие.

Идти своей дорогой... (V, 16)

ВРАГИ

(2010)

Врагов у меня нет.

Враг – это тот, по отношению к кому испытываешь чувство той же силы, адекватного накала. В моей жизни такие люди отсутствуют. Я никому не навредил, никого не снял с работы, ничего ни у кого не отнял и не украл.

Если кто-то считает себя моим врагом – это его проблемы и его опустошение. (XV, 46a)

ВЫБОРЫ

(2012)

Вопрос: *Впереди выборы президента, за кого Вы будете голосовать и почему? Как Вы в целом относитесь к тому,*

что происходит сейчас в связи с выборами 2012 года?

Я отвечу.

Все просто – я буду голосовать за Путина. Объясню почему. Довольно коротко.

Во-первых, когда я вижу, кто и почему будет голосовать «против» Путина, то я буду голосовать «за» него, именно поэтому.

Во-вторых, когда мы вместе с вами видим: сколько грязи, лжи, клеветы, злобы, сколько денег, наконец, вкладывается в то, чтобы Путин не выиграл президентские выборы, я попытаюсь сделать все, чтобы он их выиграл.

И третье – это то, что мы все видим и слышим: с каким истерическим ужасом наши с вами «друзья» по другую сторону границы нашей страны бьются и трепещут перед возможностью увидеть Путина вновь президентом России.

Вот почему лично я буду голосовать за Путина!

Мне скажут: проблемы!

Да, их много, огромные проблемы, их надо решать. Но кто их будет решать? Вот сегодня возникает вопрос: в той ситуации, которая существует в мире, и при том раскладе и возможностях, которые существуют у нас, у избирателей, я глубочайшим образом убежден, что любой, кто вольно или невольно будет голосовать сегодня против Путина, в принципе, будет голосовать против интересов России и против ее будущего.

А я – за Россию! Поэтому буду голосовать за Путина, и

вам тоже советую так сделать! (XV, 64)

(2012)

Интервьюер: *А все-таки оправдан ли протест людей, которые вышли на митинги? Считаете ли Вы, что выборы 4 декабря были честными?*

В этом случае я еще раз удивляюсь чиновничьей глупости, этому суетливому желанию угодить. Я уверен, что ни Путину, ни Медведеву вся эта катавасия после выборов была совершенно не нужна. Потому что какая для них разница: получила бы «Единая Россия» на семь процентов больше или на семь процентов меньше? Ну было бы на шесть мест больше у коммунистов в Думе, на четыре места у партии Миронова...

Если я правильно Вас понимаю, речь идет о том, что чиновники на местах зависили показатели правящей партии и тем самым подставили Путина?

Конечно.

Потому что очень хочется бежать впереди паровоза. Они же живут по принципу одной из армейских заповедей: «Вспотел – покажись начальству». Вот это и есть чиновничья логика.

Но по моему ощущению, была и фальсификация фальсификаций. Потому что профессиональному взгляду видны склейки при монтаже видео. Мне очень интересны выводы, которые сделает прокурорское расследование.

Мы знаем, что окончательная цифра «Единой России» на выборах в Думу была около или чуть больше сорока процентов, верно? Так ведь это уверенная победа. Что еще нужно? Нет, «догнать и перегнать». Чиновничья логика – кто первый добежит и доложит.

А Чуров знает об этой реальной цифре? Как делится ответственность между чиновниками на местах и Центризбиркомом?

У меня нет оснований обвинять Чурова, равно как и нет оснований предполагать, что он сам не является частью чиновничьего мира, которому очень хочется показать начальству, как он «вспотел».

Но я точно знаю, как требовали высоких процентов на местах. Но не только за «Единую Россию». Абсолютно то же самое происходило в тех регионах, где сильны позиции коммунистов. То же самое касается «Справедливой России». И так далее.

С другой стороны, покажите мне страну, где ты говоришь «выбирайте меня», а потом сидишь и ждешь – выбрали или нет.

Вспомните хотя бы показательную историю с кандидатом в президенты США Гором, который изначально лидировал в президентской гонке. Но при этом фигура Буша была более выгодна Америке в тот момент, в той ситуации. И вот тебе раз! Вдруг нашлись потерявшиеся где-то несколько десятков голосов. И президентом стал на восемь лет Буш, ко-

торый именно благодаря своему президентству выяснил, что Австралия и Австрия – совершенно разные страны.

У нас же речь идет не о чем-нибудь, а о судьбе России. На карте сегодня стоит судьба нашего Отечества. Размывание политической власти и ее вертикали – это верный путь к расчленению страны. По большому счету, к исчезновению многовековой державы, ее тысячелетней государственности и, как конечная цель, к исчезновению генетического национального кода...

Занятно, что несколько лет назад я снял картину «12», в которой все эти вопросы были поставлены. Жалко, что они не были услышаны. К этому времени гламурно-чернушное кино отучило большую часть зрителей читать скрытые смыслы и метафоры...

Что для Вас будет хорошим исходом президентских выборов?

Плохо все, если не Путин...

Если бы Вас пригласили на Болотную площадь объяснить это, выступили бы перед людьми?

Конечно, выступил бы.

Но оппозиция никого не допускает до микрофонов, кроме своих сторонников, из-за нежелания слушать и слышать чужое мнение, заикленности на своем видении мира. Наша оппозиция намного обгоняет любые тоталитарные режимы. Мало того, почти убежден, что для достижения своих целей она не остановится ни перед чем. А для начала наша оппози-

ция ищет помощи и поддержки у американского посла Мак-фола, который тогда еще даже не вступил официально в свои полномочия...

И последний вопрос: что бы Вы порекомендовали человеку, который полностью дезориентирован в нынешнем политическом «болоте», который не знает, кому верить. Что ему нужно делать?

Познакомиться с различными мнениями, в том числе, при желании, и с моим. И принять самостоятельное решение.
(XV, 66)

ВЫСОЦКИЙ ВОЛОДЯ (1980)

Уста говорят от избытка сердца, но бывают минуты, когда от избытка сердца лучше молчать. Но так уж заведено, что самые разные люди, провожая в последний путь человека, говорили о нем прекрасные слова, наверное, пытаясь этим восполнить то, что не удалось, не смогли или не захотели дать ему при жизни. Но слова остаются, в общем, словами, поэтому в эти минуты чрезвычайно трудно говорить любому.

Умер народный артист Советского Союза.

В самом истинном смысле этого слова. Потому что его знали все, многие любили, многие не любили. Но и те, кто его любил, знали, за что его любят, и те, кто его не любил, знали, за что его не любят. Потому что он был ясен, конкре-

тен, чрезвычайно талантлив...

Для нас это был просто Володя, для кого-то он был Владимир Высоцкий, для кого-то – Владимир Семенович Высоцкий. Но для всех это был человек чрезвычайно близкий. Близкий. Просто близкий...

Герцен сказал, что человек, поступки и помыслы которого не в нем самом, а где-нибудь вне его, тот раб при всех храбростях своих. Володя был всегда человеком, поступки которого были внутри его, а не снаружи.

И он всегда был человеком живым. Для нас он всегда живым и останется. (X, 1)

(1990)

Я очень уважаю и люблю Высоцкого. Но не считаю, что он гениальный. Пушкин – гениальный. А у нас и Пушкин, и Высоцкий оба гении. Это к вопросу о критериях. (I, 31)

«Высоцкий. Спасибо, что живой»

(2011)

«Высоцкий. Спасибо, что живой» – серьезная, мощная картина.

То, что делают актеры, и как это все собрано – это очень профессионально и, на мой взгляд, чувственно. Картина будет иметь серьезный, глубокий, а самое главное – долговременный успех.

Я очень хорошо знал Владимира Высоцкого, хотя никогда

это не афишировал, мы с ним жили в одном доме с разницей в три этажа. Поэтому, когда я смотрел картину, ощущение было просто inferнальное: он действительно очень похож. Работа гримеров просто ювелирная...

Для нашего поколения – это знаковая фигура, для совсем молодых – *terra incognita*. В картине все сделано для того, чтобы его увековечить, и я думаю, что эта цель достигнута. (XV, 62)

ВЫСТУПЛЕНИЯ

(2006)

Знаете, я, когда был юным, обожал выступать.

И вот однажды в каком-то клубе я выступал, выступал, выступал... Зрители начали засыпать потихоньку. А в первом ряду сидел мальчик. Совсем маленький. Лет пяти. Он ничего не понимал, но смотрел на меня с неугасающим интересом. Наконец я говорю: «Вопросы есть?»

Мальчик тянет руку. «Ну, какой у тебя вопрос?» Он прыгнул с кресла, потому что не доставал до пола ногами: «Скажите, товарищ, а кино скоро будет?».

С тех пор я стараюсь не доводить свою аудиторию до такого вопроса... (I, 126)

Г

ГАДОСТИ

(2001)

Люди, которые говорят гадости о Михалкове, никогда не были близки со мной.

Что те, кто полощет мое имя в прессе, знают обо мне? Разве я когда-ни-будь им отвечал?

У меня нет на них зла, ибо люди не ведают, что творят.
(II, 37)

ГАЗЕТА

(2002)

Вопрос: *Какая ваша любимая газета?*

Все зависит от того, что там написано про меня... (I, 90)

ГАРАЖ (1991)

Тут рядом с нашим зданием < Студии «ТРИТЭ» > стояла во дворе деревянная грязная халупа под ржавым замком, который не открывался десятки лет. Я официально получил разрешение Моссовета построить на этом месте маленький кирпичный гараж – того же размера, как и эта грязная развалина, портившая вид двора. Мы снесли это строение, выкопали яму, чтобы подвести коммуникации... Причем я гарантировал жителям, что в компенсацию за такое соседство

на свои средства оборудую рядом детскую площадку, буду следить за ее состоянием...

Тем не менее, когда жители узнали, что неподалеку от дома строится личный гараж, поднялась буря, война, стали писать письма во все инстанции. А на собрании жильцов, куда меня пригласили, стали говорить, что им тоже нужен гараж...

Доведенный этой бессмыслицей, я спросил: «Кто тут еще имеет право на гараж? Вы? Я отдаю Вам свое право – стройте!» Остальные тут же накинулись на этого человека, начали поливать его грязью... Я повернулся и ушел.

И вот уже год, что, вы думаете, располагается на месте непостроенного маленького красивого гаража и детской площадки? Грязная помойная яма. Никто палец о палец не ударил, чтобы там что-то сделать.

Ну что можно от этих людей ждать? И что они могут ждать для себя?

Мы прозябаем во взаимном равнодушии людей и государства... (II, 21)

ГАРМОНИЯ

(1994)

Я... жду гармонии и боюсь дисгармонии.

Потому что гармония – это когда твоя личная нота совпадает с нотой твоего поступка и твоих мыслей, то есть когда ты говоришь, что думаешь, и живешь согласно данному тебе

Богом душевному строю. (I, 63)

(2002)

Я считаю, что гармония человеческая возникает, когда желания сочетаются с возможностями.

Огромное количество несчастий в жизни людей возникает именно потому, что им долгое время толком не могли объяснить разницу между «хотеть» и «мочь».

Особенно это заметно в художественном творчестве. (I, 92)

ГАРМОНЬ (2000)

Мне было три года.

Я знал, что большие деньги – это где Ленин; я знал, куда Феня <домработница> прячет эти деньги. Я у нее эти деньги из-под подушки вытащил и зимой сам перешел улицу Горького, где мы тогда жили.

Я шел в магазин, чтобы купить гармонь.

Я был потрясен, потому что до этого никогда гармонь не видел, а у нас инвалид в садике играл. И меня так поразило, что это не рояль или что-то другое, а можно просто сидеть на скамейке и извлекать звуки из какого-то аппарата.

Моя мечта была эту гармонь приобрести, но у меня не получилось.

До сих пор. (VI, 4)

ГЕНИЙ (2008)

Во время встречи со зрителями в Киеве ко мне пришла записка: «Мы заплатили деньги на гения посмотреть, и чё?»

Я призадумался.

Интересно, что мне нужно сделать, чтобы быть похожим на гения в понимании этого человека? Выйти на сцену без штанов, что ли? (I, 130)

ГЕРМАН

(1998)

Интервьюер: *Что скажете про германовский фильм «Хрусталев, машину!»?*

Я с большим интересом всегда смотрю его картины, но «Хрусталева» еще не видел...

Я убежден, что Герман свою публику найдет, хотя «Хрусталев» – это сложное кино, попытавшееся отойти от повествовательного сюжетного принципа. (I, 69)

(1998)

Интервьюер: *В Каннах «Хрусталев» Германа провалился, тем не менее Алексей Юрьевич вернулся героем, подтвердив славу непризнанного гения.*

Ну, если это так, то, стало быть, победа на Каннском фестивале оказалась бы для Германа сущей трагедией...

Кстати, когда «Утомленных солнцем» отодвинули на второе место, вслед за «Криминальным чтивом» Тарантино,

Герман сказал в каком-то интервью: мол, если бы он был в жюри, Михалков вообще никакой награды бы не получил. Мы, дескать, живем в разных Россиях, снимаем разное кино и так далее...

Обиделись?

Обиды мешают жить.

Недавно у Германа был юбилей – шестьдесят лет. От моего имени ему послали телеграмму, совершенно безобразную в своей тупости. Типа: «Поздравляем, желаем творческих успехов и крепкого здоровья».

Я позвонил и говорю: «Алексей, вам отправили телеграмму...» Он даже не дослушал: «Спасибо, получил». Я продолжил: «Выбросьте ее, Алексей. Вы – выдающийся русский режиссер и не заслужили формальных слов».

По-моему, Герман не ожидал услышать от меня подобное. Но самое главное: я действительно так думаю...

Конечно, люди не обязательно должны любить друг друга, однако важно все-таки не терять собственного достоинства.
(II, 30)

(2003)

С Германом я виделся два раза в жизни живьем. Один раз в Доме кино и другой раз еще где-то в публичном месте.

Два раза говорил с ним по телефону: поздравил его с шестидесятилетием и второй раз (не помню, в какой последовательности) позвонил ему и сказал, что готов помочь ему

напечатать копии его картины, и дал ему пятнадцать тысяч долларов (своих, личных). И напрасно он в прессе написал, что это деньги Российского Фонда Культуры. Фонд Культуры никогда бы не дал ему денег, просто потому что у Фонда Культуры нет статьи расходов по кинематографу. (V, 14)

(2009)

Вопрос: *Как Вы относитесь к творчеству Германа-старшего? По-моему, замечательный режиссер! Но как же он не любит людей!..*

Согласен совершенно.

Герман – замечательный режиссер. Не все его фильмы мне нравятся одинаково, но он, безусловно, отдельная самостоятельная планета.

Что касается любви к людям, то каждый любит как умеет, и рассчитывать он может на ответные чувства равнозначно своим. (XV, 41)

(2013)

Из жизни ушел выдающийся художник.

Можно совпадать или не совпадать характерами, взглядами на жизнь, но это абсолютно не умаляет того, что есть истины непреложные – это мастерство на высочайшем художественном уровне. Я считаю, что Алексей Герман снял ряд действительно шедевральных картин.

Он, без сомнения, обладал великим даром, данным Бо-

гом. Я очень скорблю, что из рядов кинематографистов, тех, кто создавал честь и славу нашему кино, ушел один из его лидеров, искренне соболезную его близким, друзьям и всем тем, кто так или иначе прикасался к его творчеству. (XV, 76)

ГЕРОЙ

Герой нашего времени

(1986)

Вопрос: *Каков в вашем понимании герой нашего времени?*

Вопрос серьезный.

Были прекрасные герои в картинах «Коммунист», «Наш современник» Юлия Райзмана, даже в «Полетах во сне и наяву» Романа Балаяна тоже герой своего времени, хотя и не герой, а олицетворение каких-то тенденций развития человеческой личности, живущей в определенных условиях. Мне кажется, что героя *нашего* времени сейчас на экране еще нет.

Каков он?

На мой взгляд, на этот вопрос точно ответил Чехов. Он сказал, что в его пьесах нет ни ангелов, ни злодеев, он рассматривает человека в единстве противоположностей.

Один из героев Феллини произнес слова, под которыми я мог бы лично подписаться стопроцентно: «Я хочу говорить правду, которую я не знаю, но которую ищу».

В этой попытке искать ответ на вопрос вместе со зрителями и есть жизнь, и есть реальность, при одном обязательном условии – желании добра своему Отечеству.

Это должно быть основой. (II, 13)

(2003)

Я убежден, что герой, который сегодня должен быть, то есть которого нужно искать, это тот человек, который в условиях сегодняшней жизни не просто катится по ее склону или тащится течением дня, а пытается в атмосфере сегодняшнего дня, в новых условиях построить осмысленное существование.

Кто такой герой?

Человек, который встанет и скажет: я живу здесь потому-то и потому-то, а мне мешают жить здесь вот эти люди потому-то и потому-то. А я хочу, чтобы мои дети жили здесь, и вот что я для этого делаю... (V, 14)

(2009)

Вопрос: Обычно ваш главный актер и любимый актер – как бы отражение героя нашего времени. В «Неоконченной пьесе» – рефлексирующий интеллигент Калягин, потом – суетливый, ранимый Меньшиков. А сегодня видите ли Вы такое новое лицо?

Я вам сейчас с ходу не назову актера, но тип, думаю, – это ванька-встанька. Человек, который не растеряется. У которого руки не опустятся. Который понимает: ну да, мы привыкли, что кто-то наверху отвечает за нашу жизнь. А почему бы самому в эти трудные времена не развернуться?

Встань, делай! И чтобы были юмор и надежда. А смертные грехи – уныние и отчаяние.

Снимите кино с таким героем, чтобы полегче жить было!

«Утомленные солнцем – 2»! Там вы его увидите!

Вы не можете себе представить – я ухожу на время от этих скандалов, сажусь в монтажную и погружаюсь туда, в экран. И какое счастье! (I, 136)

Мои герои (1983)

Я всегда испытываю родственное чувство к моим персонажам. Отношусь к ним с нежностью и любовью.

Если не любишь героев, ничего не получится. У меня, во всяком случае. Можно, конечно, что-то снять и что-то склеить. Но это не будет фильмом. Авторы, естественно, имеют право на иронию, но ирония должна быть доброй.

Повторяю, я говорю только о своей работе.

Как режиссер я не испытываю желания издеваться и хохотать. Мне хочется вглядываться в моих героев с сочувствующей улыбкой. Мне кажется, что такая улыбка присуща нашему национальному мировосприятию... (I, 17)

Положительный герой (1998)

Интервьюер: *Сегодня героя... нет?*

Героя нет, если искать его в квартире на Мосфильмов-

ской, в Доме кино или на какой-нибудь столичной тусовке!

А если немножко отъехать за кольцевую дорогу – не на дачу, разумеется, а куда-нибудь подальше – и проникнуться идеей того, что ты можешь людям помочь, то... (I, 69)

(1998)

Интервьюер: *Дождутся ли когда-нибудь зрители появления на экране положительного героя, а не маньяка?*

Я только что вернулся из Хакасии, где провел шесть дней в тайге. Мы проезжали верхом по тридцать – сорок километров в день, разговаривали с людьми.

Боюсь выглядеть секретарем Союза кинематографистов 1970-х годов, призывавшим искать героя в народе, в простых людях, но не могу не сказать этого сейчас.

Потрясающие есть люди, берущие в аренду таежные земли, строящие там дома, наслаждающиеся тем, что они – хозяева. Они независимы и дышат по-другому, в них есть ощущение самодостаточности и нет жажды поскорее обосноваться в Москве только потому, что там можно купить плащ-блону и жевательную резинку. Они живут полноценной жизнью, трудной, как и повсюду.

Нарождается новый класс собственников.

Вот это герой, о котором нужно сегодня рассказывать. Говорить о том, как и что он преодолевает во имя того, чтобы стать человеком, желающим жить на этой земле. Уверяю вас, там есть все: экшн, любовь, секс...

Только нужно это увидеть и захотеть об этом рассказать. А это доступно лишь тому режиссеру, который тоже хочет быть самостоятельным и жить здесь. И если он не подумает о детях, которые будут воспитываться на его фильмах, то он породит и воспитает монстров.

Вот тот путь, который я вижу. Он абсолютно реален. (I, 74)

ГИМН (2001)

Мне позвонил Путин, пригласил к себе и спросил: могу ли я узнать у моего отца, готов ли он поработать над новым текстом гимна. Президент хотел получить предварительное согласие, чтобы не нарываться на отказ. Все-таки отцу уже восемьдесят семь лет, он перед этим лежал в больнице...

Я вообще считал, что музыкой гимна может стать мелодия, написанная Эдуардом Артемьевым. Замечательная музыка, роскошная, русская, напоминающая по масштабу «Боже, Царя храни!». Но руководство страны сочло, что мелодия должна остаться старая, поэтому для сохранения целостности гимна нужно взять за основу прежний текст.

Этим, кстати, удалось остановить поток новых вариантов стихов и вал претензий, которые неизбежно последовали бы. (I, 80)

(2001)

А что гимн?

До сих пор кое-кто не может успокоиться, что его написал мой отец? Почему же этот «кое-кто» не предложил текст, который был бы лучше?

Выбрали объективно лучший вариант. Я знаю, поскольку входил в отборочную комиссию... Или вы думаете, будто я навязывал текст Сергея Михалкова? Ну не взяли бы его – и что? Это же не мои слова, верно?

Для меня было важно другое: если утверждают текст Михалкова, то именно его, а не еще восьми соавторов, которые якобы помогали отцу запятые расставлять... (II, 37)

(2009)

Интервьюер: *Когда я был пионером, мне очень нравился гимн Советского Союза: прекрасные музыка Александрова и слова Михалкова и Эль-Регистана, от которых мороз шел по коже, а лет в десять я нашел в дедушкиных пластинках старый вариант гимна со словами: «Нас вырастил Сталин на верность народу» и задумался: «Почему сначала так пели, потом иначе?» Когда повзрослел и пришли новые времена, для обновленной России Сергей Владимирович написал очередной вариант гимна, под который лично мне, если бы я был россиянином, вставать не хотелось бы. У меня, владеющего совершенно иной информацией, это произведение ассоциируется с очень нехорошими вещами: с советским дубовым строем, с лагерями, репрессиями... У Вас, когда слуша-*

ете третий вариант гимна, внутреннего неприятия не возникает?

Говорить так – значит отрицать страну!

Вы отождествляете гимн с репрессиями, но это не совсем точно, потому что, если уж на то пошло, во время арестов и допросов его не играли. Он звучал, когда побеждали в войне, когда спортсмены выигрывали чемпионаты мира и Олимпийские игры, поэтому отказаться от него под предлогом, что с ним связан один негатив, – это предвзятый подход.

В той стране, где этот гимн появился, происходило много всего плохого, но и много хорошего. (I, 137)

(2009)

Интервьюер: *Ваш отец, Сергей Владимирович, автор также и обновленных слов к гимну России. Скажите, почему большей частью именно из стана интеллигенции, которая слаще всех жила при СССР, посыпались проклятия в адрес по существу технического атрибута государственности. Откуда столько эмоций? Путин даже оправдывался: мол, возможно, мы с народом не правы...*

Эта «интеллигенция» – как преступники, которые убирают свидетелей преступлений.

Они не хотят иметь ничего общего с той властью, которой они безостановочно лизали задницу! Порой будучи еще и сами в той власти. Это рудимент абсолютной беспринципности. Унижались перед советской властью и за это же ее

ненавидят! Это объяснимая вещь, практически на медицинском уровне.

Толстой ведь писал, что мы любим людей за добро, которое мы им сделали, и ненавидим их за то зло, которое им причинили. (XV, 44)

(2011)

Я абсолютно понимаю, что есть вещи формальные, которые необходимо протокольно проводить: приветствия и так далее, и так далее...

Но мы существуем во время подмен, нам одно заменяют другим. И все строится на мелочах. Вот Его Святейшество Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл сегодня упомянул слова из российского гимна про защиту Бога... Но ведь мы не поем нашего гимна. Это опять песня без слов. И тут дело не в том, кто написал его.

Гимн государства – это гражданская молитва.

Мы стыдимся в гражданском обществе молиться гимном за свое государство. Мы слушаем музыку, и мы не произносим те слова, которые являются нашим публичным отношением к той стране, в которой мы живем. (VIII, 4)

ГКЧП (1991)

Люди победили хунту, но проблемы-то остались.

Девяносто восемь процентов населения, в этом я глубоко убежден, могут подписаться под любым пунктом в обращении

нии ГКЧП к народу, в нем – правда.

Другой разговор, кто намеревался заняться решением проблем и как. Никто из путчистов не имел права заниматься судьбой народа. Они не знают ни его истории, ни его культуры.

Все вопросы поставлены четыреста – пятьсот лет назад. Дмитрий Донской, Иван Калита ломали головы над теми же вопросами, которые занимают сегодняшних политиков.

Только жаль, что нынешние государственные мужи просто не знают об этом. Они думают, что это проблема сегодняшнего дня России.

Ленин прекрасно усвоил историю государства Российского и поэтому достиг всего, чего хотел. Ради чего эти люди устроили путч? Чтобы помочь народу, которого они не знают? Ну что, Янаев серьезно знает проблемы людей, скажем, в городе Вологде или в городе Рыбинске?

Нет. Они говорили о проблемах, стоящих перед народом, с одной целью: чтобы удержать у кормушки кувшинное рыло той дьявольской силы, которая страшно боится потерять власть. Но самое ужасное, что после провала путча все до единой проблемы остались... (I, 39)

ГЛАВНОЕ

Главное в жизни (2001)

Самое главное понятие в жизни: «Значит, так надо»... Это потрясающая фраза, сказанная моей матерью.

Она сказала три великих вещи.

Первая: «Значит, так надо». Вторая: «Если тебе что-то катится в руки, катится очень легко и стоит только руки протянуть, чтобы это получить, подумай, сколько человек из десяти это сделали бы, не задумываясь. Если больше пяти – откажись». И третье: «Бери чуть меньше, чем то, на что ты, как тебе кажется, имеешь право».

И в этом – рождение твоей независимости, когда никто не сможет снисходительно похлопать тебя по щеке и сказать: «Да ладно, чего там, мы же все понимаем...» (V, 6)

Главное в искусстве (1980)

Для себя главным в искусстве считаю: точку зрения, масштаб мышления, искренность, юмор. (II, 4)

Главное сейчас (1993)

Сейчас главное – не потерять волю к жизни.

Вера, Надежда и Любовь – это, наверное, то, на чем держалась и держится Россия.

Великий Чехов как-то очень точно сказал, что «русские обожают свое прошлое, ненавидят настоящее и боятся будущего». Потому у нас, сейчас, есть надежда, что когда-нибудь и об этих наших сегодняшних днях мы вспомним с улыбкой... (I, 52)

ГЛАЗА (2010)

Посмотрите на старые фотографии заключенных на ка-
торге, на этих страшных убийц, посмотрите на их глаза. И
посмотрите на глаза членов Политбюро.

Просто сравните их.

Я никого не хочу убеждать... Я говорю о моем личном
ощущении. Вот с этим, который, допустим, убил троих, я мо-
гу говорить обо всем и буду понимать его, а с этим, из По-
литбюро, я говорить могу, но глубинно мы никогда друг дру-
га не поймем. (II, 64)

ГЛАМУР (2008)

Интервьюер: *В ваших речах сквозит неприятие гламура
и глянца. Как Вы к этому относитесь? По-вашему, кризис
как-то повлиял на это?*

Очень-очень бы хотел, чтобы повлиял!

Гламур и глянец были во все века, только по-другому на-
зывались. Но здесь срабатывает все то же тяжелое зверопо-
добное рвение. Ну вот разрешили им эти обложки... Ну что
можно узнать о людях, с коими как-то познакомились по те-
левизору, в шоу-бизнесе или в кино?..

Да, я понимаю, что всегда интересует частная жизнь. Ко-
нечно, интересно – перченое, соленое.

Да ради бога! Но когда это становится естественной и единственной пищей... Ну невозможно питаться только устрицами, ну с ума ведь сойдешь! Устрицы – очень вкусно, очень дорого, редко, а свежие устрицы с шампанским... Вот представьте себе, если вы жрете эти устрицы с шампанским с утра до ночи, то чего вам захочется через месяц? Так и здесь, когда жизнь напоказ и на продажу. Когда человек строит дом для того, чтобы показать его другим, а не для того, чтобы в нем жить... Когда человек одевается во что-то не потому, что это ему нравится, а чтобы показать это другим.

И идет смещение ценностей. Сама ценность человека, жизнь человеческого духа и вообще все, что связано с русской литературой – с Толстым, Чеховым, Достоевским, все исчезает, размывается.

Ботокс расплзается, груди обвисают, целлюлит приходит рано или поздно...

И что далее?

А далее – все! Что тогда, когда придется отвечать на самые простые вопросы: родители, дети, болезни, здоровье, богатство, нищета, смерть? Тогда начинаешь понимать, что все это «розовый сон».

Знаете, у меня ощущение, что окончание жизни тех, кто сегодня живет в гламуре, будет в монастыре. Я искренне это говорю. И не потому, что их туда посадят, а потому что их туда должна привести нехватка ощущения связи души с Богом. А эта нехватка может восполниться только в концентра-

ции монастырской жизни. (XV, 38)

ГЛЕБ ЯКУНИН

(1993)

Быть одержимым человеком? Зачем же?!

Надо не бегать, не прыгать, надо идти своей дорогой. Просто ощущать эту дорогу. Нужно просто делать свое дело. И на сегодняшний день, мне кажется, самое страшное – именно эта подмена. Идет симуляция деятельности, симуляция процесса.

Когда православный священник отец Глеб Якунин стоит на трибуне перед полумиллионной толпой и кричит: «Петрова в отставку! Петрова в отставку!», я думаю: «Господи, ему надо кожаную рясу, подпоясанную пулеметными лентами».

Вы понимаете, что я хочу сказать?

Идет грандиозная подмена... (V, 1)

ГЛУПОСТЬ

(2013)

Вопрос: *Как Вы относитесь к тому, что Общественная палата предложила Государственной думе заменить в воинской присяге слово «клянусь» на слово «обещаю»?*

Вы серьезно?..

Ну, если это такой синедрион, если это такие самые мудрые, самые достойные, разноплановые, ратующие за Отече-

ство люди, то разве это нормально, если они заняты тем, что предлагают Госдуме заменить слово «клянусь» на слово «обещаю»?

Ведь даже пословица такая есть: «Обещать – не значит жениться».

Ну как это? Зачем? Что, других проблем больше нет? Детей бездомных, воровства чудовищного? Что это дает?

Вот мы у нас в стране никак не можем поменять время, перевести часы. Была сделана глупость. Ты просыпаешься утром – темно, когда ты выходишь на улицу, в половине десятого утра – темно.

О чем и с кем тут надо советоваться? Есть такие вещи, которые нужно просто взять и сделать политической волей.

Да, зимнее время. Мы отстали сегодня на три часа от Европы, на четыре часа от Англии, на два часа от Киева, хотя вот оно – все рядом.

Какой в этом смысл? Стыдно признаться, что сделана глупость? Да глупость надо исправлять, а не продолжать ее делать, потому что так решили.

Детский сад какой-то, по-моему... (XV, 75)

ГОГОЛЬ (2013)

Мечта моя – это прикоснуться к Гоголю.

Причем не к «Мертвым душам» или «Тарасу Бульбе» (и не потому, что их уже сняли), а к «Старосветским помещи-

кам». К тому Гоголю – неуловимому, с невероятным юмором, с такой странностью... Думаю, что, кроме русских актеров, этого сыграть никто не сможет.

Вот это гоголевское чудо слова попытаться передать на экране – не фабулу, а вот эти «отношения» – мне было бы очень интересно. (XV, 79)

ГОЛЛИВУД (1999)

Да, я не работаю в Голливуде.

А что мне там делать?

Там есть потрясающие режиссеры-американцы, которые месяцами стоят в очереди друг за другом, чтобы снять кино про Америку. Они такое кино снимут все равно лучше меня, а вот кино про Россию они снять лучше меня не смогут.

Так вот пусть и смотрят мое кино про Россию, а я буду смотреть их кино про Америку... (I, 78)

(2002)

На самом деле Голливуд можно даже уважать: там хорошо знают свое дело.

Американская «фабрика грез» заставила сперва американцев, а затем миллионы зрителей во всем мире считать, что все лучшее, созданное за историю мирового кино, сделано именно там. (I, 89)

(2002)

Я хотел бы, чтобы мои картины смотрели в Голливуде, но никогда не хотел бы снимать там...

Я слишком амбициозен для этого. (I, 90)

(2010)

Интервьюер: *А Вас звали снимать в Голливуд?*

В Голливуде по большому счету великое американское кино сделали выходцы из России и славянских стран – Милош Форман, снявший «Кукушку» и «Амадея», Питер Богданович, снявший гениальную «Бумажную луну». Там, куда ни приедешь – «моя прабабушка из Одессы». Но все они – стали американцами.

Мне действительно предлагали работать в Голливуде, но я не хочу. Отказываюсь. Уже, собственно, и не зовут.

Денег заработать? Да, там можно заломить цену. Но вот какая штука – там не ты хозяин своей картины, а продюсер. Исключения – максимум человек пятнадцать. Это, скажем, Вуди Аллен, Скорсезе, Коппола... Все остальное – «рау ор плау». Все, что ты снял, идет к продюсеру – и на экране ты увидишь, что сделали они... И повлиять не можешь, в отличие от Европы, где картина не выйдет без участия режиссера на последнем этапе. Моего брата это устроило, он снимал в Америке свое кино. Но... Я не могу сказать, что его американские картины лучше, чем «Ася Клячина» или «Дворянское гнездо».

Могли бы снять американскую картину?

Ну, наверное, с их технологией могу. Будет это моя картина? Нет, не будет. Хочу я снять картину про американцев? Нет, не хочу. У них есть свои замечательные великие режиссеры, я толкаться локтями не хочу.

А самим американцам я могу быть интересен только отсюда – скажу то, что никто другой не скажет. А князь Орлов с медведями-цыганами-водкой-тройкой-икрой... Увольте.

Человек, у которого поступки рождаются не в его сердце, – раб при всем богатстве... Гениально сказано. Я не хочу быть понятным, американское кино – оно понятное. Я хочу быть понятым... При всей близости этих слов они разные.
(I, 142)

(2011)

Интервьюер: *С кем из звезд Голливуда хотелось бы поработать?*

У меня очень хорошие товарищеские связи с Джеком Николсоном и с Робертом Де Ниро. Из тех, с кем бы мне было интересно поработать, – эти двое.

Еще Брэд Питт, Шон Пенн, думаю, что Кевин Спейси, великолепная Мерил Стрип – это те актеры, которые реально работают по системе Станиславского. (XV, 51)

ГОЛОДАНИЕ

(2005)

Я когда голодал три недели (это лечебное голодание), понял, как много времени отнимает у нас застолье.

Куда-то едем, думаем о еде, выбираем, заказываем, ждем, пока приготовят, едим, ведем беседы, после пьем кофе... У нас ведь не так, чтоб быстро поест в «стояке» и бегом на работу – нет, еда отнимает минимум два часа. Завтрак, ладно, не в счет, а обед – два часа, ужин – два...

И вот я, когда голодал, получил дополнительные четыре часа в день! Такое было впечатление, что день бесконечный, просто бесконечный.

А это всего-навсего связано с едой.

Интервьюер: *Вот это ваше голодание; насколько я помню, это Вы для роли ездили в какую-то немецкую клинику худеть.*

Для «Утомленных солнцем»... С Меньшиковым мы ездили туда. Одиннадцать кило я там скинул за шестнадцать дней.

Это сила воли или жестокие какие-то процедуры?

Никаких процедур, просто определенный режим питания.

Я ничего не ел, только воду пил. И много занимался спортом. Первые три – четыре дня трудно, а на пятый день приходит такая легкость фантастическая.

Главное, в город не выходить и не смотреть там на витрины.

Что, вообще не ели ничего?

Ну отвар какой-то лечебный пили. (II, 49)

«ГОЛУБЫЕ»

(2004)

Вопрос: *Вот что хочу спросить. У нас сейчас на кого из актеров ни посмотришь – все сплошь «голубые».*

Вы обобщаете, ей-богу.

Как Вы к этим товарищам относитесь?

Они мне не товарищи.

Не товарищи? Вам с ними не по пути?

Конечно, нет. А у Вас были какие-то сомнения?

Ну, как бы ваша известная любовь к Олегу Меньшикову, а некоторые его подозревают...

Что значит «моя известная любовь к Олегу Меньшикову»?

Вы его везде снимаете, не можете с ним расстаться...

Я также снимаю Владимира Ильина, Алексея Петренко.

Что, они «голубые», что ли?!

Ну, не знаю...

Я-то знаю... (I, 105)

(2005)

Идиотов хватает. Есть и такие, которые уверяют, будто я гомосексуалист.

Прикажете с ними спорить, опровергать?

А еще есть один композитор, который якобы лично поставляет мне мальчиков в Нью-Йорке. Жаль, что не довелось

мне это слышать от него лично, только в аудиозаписи.

Очень советую ему учитывать, что все знаю. (II, 49)

(2009)

Интервьюер: *В Интернете я прочитал недавно о Вас гнуснейший слух: якобы секс-символ Советского Союза и России Никита Михалков придерживается нетрадиционной сексуальной ориентации. Что Вы на это скажете?*

Вы знаете, я понял, что слыть «таким» невероятно выгодно, по крайней мере, при выяснении отношений с женщинами есть возможность сказать: «Интернет почитайте».

С ньюсмейкерской точки зрения мне грех жаловаться: сорок лет, даже больше, я на виду...

И на каком виду!

К тому же если про человека распространяют сплетни, это хорошо. Как замечательно сказал сценарист феллиниевского фильма «8 1/2»: «Говори плохо, говори хорошо, но говори про меня».

Конечно, это вызывает недоумение, смех, иногда даже в лоб хочется дать... Но, с другой стороны, если это вызывает интерес, возбуждает людей, заставляет о тебе говорить, значит, ты своим существованием, работой и мыслями будоражишь сознание. Ложь это или правда – неважно: на самом деле, многие специально распускают слухи, только бы о них говорили, но чтобы умудриться выдержать сорок пять лет, надо быть гениальным пиарщиком, а я ничего для этого не

делаю, просто Божьей милостью живу.

Поступаю так, как считаю нужным, говорю, пишу и снимаю то, что нахожу необходимым, то есть веду себя в соответствии с моим представлением о жизни и моим ответом, так сказать, перед Богом. Хорошо, плохо, ошибаясь, но я живу, и замечательно, что это вызывает такую реакцию.

А что касается «голубого» слуха... По-вашему, я так выгляжу?

В том-то и дело, что нет...

Видите, как сказал Чехов: «Человек – это то, во что он верит». (I, 137)

ГОРБАЧЕВ

(1993)

Давайте будем справедливы. Социализм начал разрушать все-таки Горбачев, а не Ельцин... (V, 1)

(1999)

Безусловно, Горбачев вошел в историю России.

Но он как был, так и остался руководителем Ставропольского края. А, к сожалению, его территория оказалась намного меньше территории СССР... Сегодняшняя Чечня получила свой развальный импульс от событий в Сумгаите, где власти не среагировали вовремя на конфликт. Михаил Сергеевич считал, что невмешательство и вялость – это и есть демократия. А России нужна жесткая и ответственная

власть. Та, которую сегодня показывает Путин... (I, 78)

ГОРДОСТЬ

(2005)

Интервьюер: *А чем Вы гордитесь?*

Горжусь тем, что могу принимать решения. Я не боюсь ответственности.

Принимаю иногда абсолютно жесткие и нелогичные для понимания современного человека решения. Но делаю это исходя из того, что продолжение вялотекущей полуправды обернется большими потерями. Поэтому предпочитаю сказать в глаза то, что считаю нужным.

И говорил человеку, распространяющему обо мне гадо-сти: «Я очень хочу, чтобы ты знал, что я об этом знаю».

И испытываю большое удовольствие от того, что могу это сделать. (I, 121)

(2010)

Меня часто упрекают в излишней гордости. Даже в гордыне. Наверное, порой справедливо...

В пятом классе я мечтал, как однажды въеду в школу на коне, со Звездой Героя, и учительница по математике поймет, наконец, кого она уничтожала. Потом эта мечта повторялась неоднократно. И в работе, и в неразделенной любви.

Я не скрываю, что для меня унижение страшнее боли. На этом, кстати, подорвались те, кто затевал декабрьский съезд

в Доме кино. Когда мне стали передавать через близких людей, что, мол, пусть он уйдет, мы его не тронем, оставим ему и Московский кинофестиваль, и «Золотого Орла» – вот тут я взбеленился. Они сделали гигантскую ошибку, думая, что я просто боюсь сдвинуться с места, потому что сижу на собственном компромате. Это был их конец. Тогда я вышел в Гостином дворе к двум с половиной тысячам коллег и сказал все, что думаю...(XV, 46a)

ГРЕХ

Грех и стыд (2001)

Мой двоюродный дед Дмитрий Петрович Кончаловский в своей замечательной книге «Пути России» написал следующую фразу: «В государстве, где утеряно понятие стыда и греха, порядок может поддерживаться только полицейским режимом и насилием».

Понимаете, человек, в котором живут понятия греха и стыда, не станет красть деньги. И не потому, что ему по-человечески боязно, а потому, что ему по-настоящему страшно – нарушить одну из Божьих заповедей.

Я у себя на Студии «ТРИТЭ» создал фонд, абсолютно частный. Мы десять процентов от всех своих заработков передаем в этот фонд. Такая своеобразная «десятина вскладчину». Из средств этого фонда мы помогаем храмам, монастырям, детским домам, где воспитываются сироты и дети из неблагополучных семей.

И ведь какое счастье, когда к тебе приходят матушки и говорят: «Никита Сергеевич, голубчик, тут нам двести гектаров земли дали, а обрабатывать нечем». А ты знаешь, что можешь взять деньги из этого фонда и купить им трактор. И на следующий год они приезжают и рассказывают, какой они собрали урожай.

Вы представляете, какое это счастье?!

Но это вещь внутренняя, сокровенная, потому что она соприкасается с понятием греха и стыда. И ведь главный-то вопрос не в том, чтобы дать, а чтобы взяли. Чтобы за все неблагоприятные твои мысли и поступки, вольные и невольные, тебе не сказали: «Спасибо, от вас ничего не надо...»

Вот что страшно.

И то, что более всего достойно сожаления и печали о человеке – это отсутствие у него сознания личного греха и стыда. (II, 38)

(2002)

До революции россияне были связаны великой нашей культурой.

А еще их объединяло Евангелие.

Когда один человек говорил другому: «Побойся Бога, креста на тебе нет!» – второй понимал, о чем идет разговор. У людей независимо от образования или положения в обществе были равнозначные понятия греха и стыда.

Этого сейчас нет, а отсюда проистекает и все остальное: и

необязательность, и ложь, и зависть.

Да, на Руси воровали всегда, но было и понятие чести. Купцу не требовались бумаги, заверенные у нотариуса, – ему дорого было его имя. (I, 87)

(2009)

Грех и стыд – понятия сугубо индивидуальные.

Человек понимает, что глаза не должны быть больше, чем рот. Что есть общие интересы, являющиеся основой его собственной безопасности. И дело не в том, чтобы нанять еще тридцать охранников. А в том, чтобы, оглядевшись вокруг себя, подумать: что ты можешь сделать для людей, которые не имеют твоих возможностей, твоих связей, не оказались в нужное время в нужном месте, не были приближены к недрам страны или к ее банковской системе.

Это как раз и есть показатель наличия греха и стыда – не откупиться от нищего и обездоленного, а искренне озаботиться, чем ты можешь ему помочь. По физическому воздействию это практически одно и то же, но по внутреннему импульсу «нате, и отстаньте от меня!» или «я хочу тебе помочь» – совершенно разные вещи.

Причем главное – не поделиться деньгами, главное – научить человека зарабатывать. По китайской поговорке – дать не рыбу, а удочку. (I, 141)

«ГРИБОЕДОВ»

(1985)

Я хочу снять картину о человеке, которого люблю, об Александре Сергеевиче Грибоедове. Это и должно быть основой изначального подхода, и это же хотел бы передать зрителю.

Мы основываемся на мемуарах, на письмах, на деловых бумагах.

Перерыли архивы, влезли в камер-фурьерские журналы императора Николая I, где фиксировались ежедневные его аудиенции, и нашли встречу царя с Грибоедовым, которая раньше нигде не упоминалась. Нашли – какое счастье! – неопубликованное письмо самого Александра Сергеевича. И вот уже собрано около пятисот документов по Грибоедову, изготовлено почти полторы тысячи фотографий грибоедовских реалий – тут все доступное, что связано с его эпохой и жизнью. Мы стараемся быть объективными...

Мне хотелось сделать фильм, который смотрели бы пятнадцатилетние, смотрели люди, которые не читали «Горе от ума» и не знают, кто такой Грибоедов. Мне хотелось бы сделать картину для всех, чтобы она была демократична, привлекла интерес к отечественной культуре через характер, через образ этого величайшего ума и таланта России. Надо воспитывать настоящей культурой молодое поколение. Оно, к сожалению, очень оторвано от глубоких национальных эстетических корней. Нелишне заставить молодых подумать, что они не в шестьдесят втором, не в семидесятом родились, хо-

тя в метриках стоят именно эти годы, а что их появление на свет обусловлено бесконечной чередой уходящих в толщу веков поколений.

Сценарий мы пишем вчетвером: Александр Адабашьян, с которым мы много работаем вместе, Ираклий Квирикадзе, замечательный режиссер и драматург, писатель Юрий Лоциц, автор книг о Гончарове и Дмитрие Донском, и я. (II, 9)

(1985)

Грибоедов – фигура особая.

Ни один из прежних наших сценариев не давался с таким трудом. В сокровищнице литературы и театра осталась всего одна пьеса, но великая, им сочинены всего два вальса, но при этом замечательных, а сама жизнь Грибоедова подобна всплеску, вспышке пролетевшего метеора.

Насколько разноречивы мнения о нем, насколько по-разному к нему относились!

Понять этот характер невозможно без скрупулезнейшего изучения всего имеющегося материала, которого вроде бы и много, но конкретных свидетельств в нем мало, и при этом они подчас противоречат друг другу. Как разобраться во всем этом, выбрать то, что поможет понять истину об этом человеке?

В жизни Грибоедова было все – и гусарство, и серьезность, и поэтическое вдохновение, и депрессия, вызванная любовью, и связь с декабризмом, в которой тоже далеко не

все ясно. Ведь Грибоедов был одним из очень немногих привлеченных по делу о восстании 1825 года, кто был оправдан и отпущен.

Был ли он декабристом?

Одни считают, что да, был. Другие, напротив, утверждают, что декабристом он не был, хотя почти все его близкие друзья состояли в тайном обществе. Известно, что генерал Ермолов помог ему уничтожить все компрометирующие бумаги, чем дал возможность обеспечить себе при следствии алиби.

Но что за бумаги он сжег? Каково их содержание?

Да, правда то, что Грибоедов был крайне радикально настроен по отношению к отсталым сторонам российской жизни. Но правда и то, что к прогрессу, который многими понимался как следование по западному пути, он тоже относился далеко не всеприемлюще и страстно хотел ослабить иностранное влияние на русское общество. Все должно быть поставлено на чаши весов, все взвешено, чтобы, рассказывая о Грибоедове, мы могли дать зрителю точное ощущение того, каков же на самом деле он был.

Естественно, отношение наше к нему должно стать определенным. Я не могу снимать картину о человеке, которого я не люблю.

Но всегда ли прав человек, которого любишь?

Нет, конечно. Но он должен быть при этом прав в главном, принципиальном, в том, что составляет суть его харак-

тера. Помимо того, фильм должен быть еще и увлекателен как зрелище. Поэтому из биографии нашего героя необходимо выбрать то, что с точки зрения кинематографа может быть представлено зрелищно, интересно, впечатляюще.

Принципиально важно разобраться и в обстоятельствах гибели Грибоедова. Мы нашли неопровержимые доказательства тому, что вызвана она была не случайностью, не его собственной неосторожностью, но заговором, холодным и расчетливым. Во главе заговора стояли те, кто не желал мира между Россией и Персией, а потому человек, добившийся этого мира – ведь Грибоедов служил в дипломатическом ведомстве, – должен был быть уничтожен.

Раскрытие нитей и пружин этого заговора позволит, как нам кажется, сохранять высокий накал интереса зрителя, держать его в напряжении до конца фильма. Представляете, какое количество одних только драматургических задач стоит перед нами? (II, 10)

(1986)

Буквально перед Новым годом нами закончен наконец сценарий, условное название которого «Жизнь и гибель Александра Грибоедова».

Он потребовал двух с половиной лет напряженной работы. Наша группа отказалась от экранизации любого произведения, написанного о Грибоедове. Начали практически с нуля, с архивов. Решили построить картину так, чтобы это бы-

ла импровизация, основанная на воспоминаниях современников и доподлинно известных фактах.

Тянешь ниточку истории, и все что-то наматывается, наматывается...

Накопив массу материала, мы начали отказываться от множества соблазнительных версий. Это был адов труд! Чего стоило одно только утверждение главы секты огнепоклонников, что Грибоедов не убит при разгроме посольства, а ушел в горы с членами секты и благополучно дожил до восьмидесяти пяти лет!

Пришлось думать еще и о том, что создать такую картину без партнерства невозможно. Хотя бы потому, что потребуются съемки за границей. Должны быть зарубежные актеры, играющие иностранцев. Это очень дорого. Должна быть хорошая съемочная аппаратура. Тоже – очень сложно и дорого.

Партнера мы нашли. Он хочет вложить деньги, но ставит условие: «Чтобы вернуть вложенное, мне нужны гарантии!» А вернуть может только телевидение. Значит, надо дать телевизионный сериал, чтобы заручиться средствами большой зарубежной телекомпании...

В результате мы должны были написать сценарий десяти серий телефильма о Грибоедове для Эй-би-си. А внутри этого сценария – два фильма для нашего экрана и два фильма для европейского экрана. То есть написать сценарий так, чтобы внутри громадного сериала лежали законченные по сюжету картины!

И вот восемьсот страниц дописаны. До сих пор не верится, что работа закончена. Вы себе представить не можете, сколько раз мы доходили до точки, когда у всех было одно настроение: «Ну не получилось, ребята! Имеет художник право на ошибку, на заблуждение? Извините, не получилось!»

И тут всякий раз, даю вам честное слово, вступала в действие какая-то сила, не знаю уж, как и назвать – случай, судьба? Всегда, когда мы оказывались в очередном кризисе и за несколько дней не могли написать ни строки, появлялось какое-нибудь письмо или посылка. Например, одна женщина написала: «Я узнала, что вы работаете над фильмом о Грибоедове. Как хорошо, как это прекрасно, что мы обращаемся к нашей истории, хотим знать о ней больше! Мой отец был учителем литературы. И самое дорогое, что было в нашем доме, – первый сборник сочинений Грибоедова, изданный в 1852 году. Желая помочь, дарю его вам!»

Ну как тут быть? Отправить книжку назад, сказав: «Извините, мы бросили?..»

Грибоедов – интереснейшая фигура в истории нашей духовности, человек, оказавший большое влияние на современников, на саму эпоху. Деятель культуры – в наиполнейшем смысле этих слов. Мне кажется, что сейчас будет полезен пример такого человека, каким был Грибоедов... (I, 22)

(1989)

А что касается «Грибоедова»... Мне Бог не дал его сни-

мать.

Я должен был в прошлом сентябре снимать вывод Грибоедовым тридцати тысяч армянских военнопленных через Нахичевань в Нагорный Карабах. Это была бы катастрофа. В этой картине я просто обязан был бы принять чью-то сторону. Иначе нельзя.

Интервьюер: *А Вы этого не хотите?*

Нет. Не хочу. По двум причинам...

Потому что не бывает глобально народной неправды: одни абсолютно правы, другие абсолютно неправы. Так может быть в отношениях двух людей, но никак не в отношениях двух народов. Поэтому принять в этой конкретной ситуации какую-либо одну сторону...

А остаться нейтральным невозможно...

Неужели Вам все-таки не жаль этого замысла?

Нет.

Хотя мы с А. Адабашьяном, И. Квирикадзе и Ю. Лошицем писали этот сценарий два с половиной года. Бесплатно. Без договора. Никто из нас не получил ни копейки за тяжелейший исследовательский труд...

Но мы жили в том периоде нашей истории. Замечательно общались, существовали... с этим связана масса воспоминаний – реальных, действительных, чудных, с грезами...
(II, 18)

(1991)

Интервьюер: *Я слышал, что Вы вынашивали замысел картины о Грибоедове?*

Грибоедовский замысел, к сожалению, на сегодняшний день мало реален из-за политической ситуации в том регионе.

Подождем... (I, 37)

(1994)

Впереди у меня «Грибоедов». Надеюсь, фильм восстановит историческую справедливость.

Дело в том, что, готовясь к съемкам, мы перелопатили в музеях шестьсот пятьдесят единиц хранения... и нашли документы, что Нессельроде был английским шпионом. И пришли к выводу, что Грибоедова убила не разъяренная толпа мусульман. Было совершено подготовленное английской разведкой политическое убийство. (I, 57)

(2001)

Готовясь к съемкам фильма о Грибоедове, мы много работали в архивах с историческими документами. Тогда, изучая камер-фурьерский журнал, мы нашли до того времени неизвестное свидетельство о встрече Грибоедова с императором Николаем I, произошедшей на Святой Пасхальной неделе. И это дало нам повод к импровизации диалога Грибоедова с Государем...

Представьте себе императорский прием. Грибоедов в чис-

ле приглашенных. Император проходит мимо, думая, что Грибоедов будет просить за свою пьесу. А Грибоедов стал просить за друга-декабриста. Было известно, что император категорически запретил просить за кого-либо из бунтовщиков. Государь развернулся... и пошел прочь.

Все были в шоке.

И тогда Грибоедов говорит: «Ваше Величество! Христос Воскресе!» И тогда император вынужден был еще раз развернуться, расцеловаться с ним и ответить: «Воистину Воскресе!» (II, 38)

(2010)

Есть легенда, по которой Грибоедов очень завидовал Пушкину.

Однажды он попал в горы и встретился с огнепоклонниками. Те ему погадали: ты хочешь приравняться к таланту одного человека, мы тебе поможем. Мы умеем аккумулировать энергию, но после этого ты исчезнешь... Он согласился – и на свет появились два чудесных вальса и гениальная комедия «Горе от ума». А потом нужно было сдержать слово – исчезнуть... И, воспользовавшись переворотом в Персии, Грибоедов подкинул чужое обезображенное тело, надев на руку трупу свой золотой напальчник, а сам ушел в горы к огнепоклонникам. Но иногда он спускался на «свою» могилу и видел плачущую на ней жену Нино Чавчавадзе, а она видела незнакомого бородатого старика...

Такая вот легенда. Красивая? А вот сними я ее – скажут: сошел Михалков с ума совсем... (I, 149)

ГРУЗИЯ **(2011)**

Интервьюер: *А возможна ли связь между создаваемым сейчас евроазиатским пространством и, например, Грузией?*

У Грузии нет иного пути! И наши отношения не могут превратиться в студень. Стопроцентно убежден, что без Грузии евразийский союз будет обеднен. Вообще необходимость друг в друге зачастую носит иррациональный характер, это очень трудно бывает объяснить, тем более – доказать. В конце концов, у меня зять – грузин!

А памятуя о недавних событиях, могу сказать, что были совершены ошибки с обеих сторон. И раны должны зажить... (XV, 63)

ГУБЕНКО НИКОЛАЙ (1991)

Коля Губенко – замечательный артист и хороший режиссер.

Но мне трудно судить о нем как о министре культуры. Когда я слышал его выступления по телевидению или перед интеллигенцией, меня всегда не покидало чувство, что на него слишком большое влияние оказало исполнение роли Ленина.

Однажды Губенко произнес интересную фразу: «Русский человек может быть свободным только в окопе». А Грибоедов сто с лишним лет тому назад воскликнул: «Какой ужас! Чувствую себя свободным только в храме!»

Вот и разница.

Если говорить о сегодняшней ситуации, я не хочу делать выводы по весьма противоречивым слухам, которыми так переполнено наше время. Время, которое еще обозначено и «охотой на ведьм». Как поступил Коля Губенко – это дело его совести и как министра, и как артиста, и как человека.

Во всяком случае, если Николай Губенко захочет вернуться в кинематограф, поставить картину, сыграть в ней, я с удовольствием предоставлю ему свою Студию и те возможности, которыми сам располагаю. (I, 38)

ГУСМАН (2002)

Вопрос: *Как могло случиться, что Юлий Гусман, простой кавээнщик, стал директором Дома кино?*

В этом проблем никаких нет, потому что директор Дома кино – это директор клуба.

А вот кавээнщик и директор Дома кино влиять на кинематограф и считать его своей собственностью не может. Этого точно не будет. (I, 90)

Д

«ДА» И «НЕТ»

(1994)

Я для себя взял основой: не говорю больше слова «нет».

Я говорю сейчас только слово «да». Я не хочу говорить «долой, против, вон, не хочу». Я говорю: «хочу это строить, хочу это делать, хочу это думать, буду это говорить...» А вот то, что я не буду говорить, не буду строить, то, что я не люблю и чего не хочу, вы должны понять сами из того, что я хочу говорить, строить и делать.

Я у себя на Родине, мы у себя на Родине. Почему мы должны общаться через «нет»?!

Я не могу и не буду снимать картины о людях, которых я не люблю, кем бы они ни были. Я могу делать фильм только о том, что я люблю.

Вот почему я снимал картины про Илью Ильича Обломова, а не про Льва Давыдовича Троцкого... (XI, 1)

ДАПКУНАЙТЕ ИНГЕБОРГА

(2008)

Интервьюер: Почему в новом фильме <«Утомленные солнцем – 2»> не снимается Ингеборга Дапкунайте, сыгравшая главную женскую роль в картине «Утомленные солнцем»?

Ингеборга в это время занималась программой «Большой Брат – 2», и я считаю это не очень совместимым со съемками в фильме «Утомленные солнцем – 2»...

Трагичная ситуация бывает у актеров (не буду называть фамилий). Ведет человек передачу на телевидении про кулинарию, он популярен, его узнают на улице. А вот я его снимать не буду, потому что для зрителя такой герой уже бренд. Нужно потратить огромные усилия, чтобы вырвать у людей оскомина знания, что этот человек ведет программу о кулинарии.

Поэтому нужно выбирать – или ты хочешь быть при деньгах и популярным, но заниматься только этим и быть к этому приговоренным, или серьезно работать в профессии. А то и другое редко получается.

Мне везло – я всегда делал то, что мне нравится, и мне за это неплохо платили. (II, 60)

(2010)

Интервьюер: *Всегда казалось, что, начиная снимать того или иного актера, Вы проникаетесь к нему стойкими симпатиями, что гарантирует ему роли в ваших следующих работах. Ингеборга Дапкунайте считалась вашей явной любимицей. Почему Вы решили заменить актрису?*

Существует большая разница между симпатиями и принципом. Есть вещи, которые совмещать нельзя, невозможно. Глубоко убежден, что невозможно сниматься в нашей кар-

тине и участвовать в ток-шоу типа «Большой Брат», «Дом – 2» или «За стеклом». Понимаю, что это определенный жанр, и в принципе ничего против него не имею. Но для себя давно решил, что с людьми, которые участвуют в формировании этого жанра, не могу пересекаться в работе. Не потому, что считаю это ниже своего достоинства, – проблема в разнице представлений о жизни.

Говорил Ингеборге, что мне бы не хотелось, чтобы она принимала участие в «Большом Брате». Но она сказала, что исправить уже ничего нельзя: во-первых, процесс запущен, во-вторых, речь шла о серьезных деньгах. Понимаю и не осуждаю. Но ведь жизнь – хитрая штука. Всегда приходится что-то выбирать, а чем-то жертвовать.

Уверен, что и в отношении собственных детей поступил бы так же. (II, 61)

ДАЧА

(1988)

Интервьюер: *Ваша дача, мне кажется, много значит для Вас?*

Да, это то, что называется малой родиной.

Когда мои дети были маленькие, я повел их вниз от нашей дачи, в поле, и там за рекой, на другом берегу, за церковью садилось солнце. И я просто, без всякой патетики сказал: «Вот, ребятки, это ваша родина». И после этого почти каждый вечер, пока мы жили там до переезда в город, они

просили меня, чтобы мы пошли посмотреть на родину.

Сейчас, правда, грядет катастрофа для этих мест.

С одной стороны, там дипломатический пляж; это неплохо, потому что дипломаты, позавтракав и пообедав в воскресные дни, хотя бы все собирают и выбрасывают. А потом туда приходят детишки из окрестных поселков. Они все это вываливают и ищут красивые коробки, банки, и все это в безобразном виде оставляют.

Это наводит на мысль, что у них ощущение понятия родины или утеряно, или отсутствует. Потому что родина – все, что тебя окружает, и осознание своей собственной ответственности за все это.

С другой стороны, в лесу поставлен многокилометровый забор, где собирается, по-моему, Совет Министров строить бесконечное число дач, хотя место заповедное.

Каждое место рассчитано на определенное количество живых душ, которые в нем могут существовать. И как только вырубят этот лес, поставят определенное количество домов, с определенным количеством людей, которых это место не может принять в таком количестве, наступит катастрофа.
(II, 17)

(2000)

Я живу только за городом – на даче.

Езжу на велосипеде по сорок километров по пересеченной местности. Когда не получается утром побегать или на

лыжах пройтись, выбираюсь вечером играть в теннис.

Интервьюер: *Почему Вы живете только за городом? Не хотите дышать городским воздухом или так любите Николину Гору?*

Я там живу почти с рождения, с пяти лет.

Но учились-то Вы в Москве?

Я начал учиться в деревенской школе, а потом перешел в городскую.

В любое время суток – ночью, на рассвете, когда угодно, прямо с самолета еду на Николину Гору. Хотя бы три часа поспать, но поспать там... (II, 33)

XX ВЕК (1994)

Кончается век двадцатый...

Для человека рубежи столетий всегда были окрашены мистическим смыслом, чувством страха и надежды одновременно, эсхатологическими настроениями и безудержным, почти детским оптимизмом. Впрочем, ни конец света, ни рай на земле так и не наступали, и история катилась по своей, ей одной ведомой колее...

Как радостно ожидался нынешний двадцатый век. Вера в торжество прогресса, подкрепленная успехами наук естественных (шутка ли, электричество завоевывает мир и уже грядет энергия атомная) и гуманитарных (ура, наконец-то Маркс все нам объяснил), упование на возникающую новую технократическую цивилизацию...

С грустью оглядываясь назад, видишь, во что это ожидание атомно-электрического счастья обернулось в истории. Двумя опустошительными мировыми войнами и бесчисленным количеством других войн, больших и малых. Крушением империй, в том числе и новых, построенных вроде бы на научных принципах, но на деле возведших геноцид своих собственных народов, в первую очередь русского, в основу государственной политики. Атомными взрывами в Хиросиме и Нагасаки. Электрическим стулом вместо гильотины. Трагедией Чернобыля...

В какой-то мере моя оценка века уходящего пессимистична и лишь подтверждает библейскую истину, что познание умножает скорбь. И все же век двадцатый, по моему мнению, дал нам надежду, ибо явил столько образцов высоты духа человеческого, подвижников и святых, которые вопреки всем и всему говорили и говорят о вечном... (I, 65)

XXI ВЕК (2003)

Я не Нострадамус, поэтому не знаю, каким будет XXI век. Тут не до жиру – быть бы живу.

По крайней мере, скорость получения информации сегодня настолько велика, что человеческий мозг, мне так кажется, пока что на это все не рассчитан. Поэтому человек начинает жалеть время на то, чтобы услышать другого человека.

А это начало конца, в общем-то... (XII, 9)

ДВОРЯНЕ (2004)

Вопрос: *Могут ли современные дворяне сделать российскую жизнь культурней?*

Не вернувшись к причинно-следственным связям, это абсолютно бессмысленно.

Ряженные казаки с вермишелью в бороде, с хоругвями и с чужими орденами. Или князья великие и невеликие с гербами на своих визитных карточках, а посмотреть на лицо, так Господь над ним работал минуты полторы... Вся эта внешняя атрибутика благородства требует жертв со стороны других ради себя.

А раньше дворяне жертвовали сами ради других. И император свои сбережения во время Первой мировой войны перевел в Россию, а не прятал их за границей.

Главное заключается в культуре места человека во времени и пространстве. Если я потрясающе рублю дрова и никто, кроме меня, не делает это так ювелирно, я должен подписываться под каждым поленьшком и зарабатывать ровно столько, чтобы мне не было унижительно жить на белом свете. И тогда я не буду хотеть стать министром культуры, понимаете?..

Если у кого-то в родне были дворяне, это не значит, что он должен приносить в жертву чужие интересы ради своих. Хорошо, когда «мужики действительно при господах, а гос-

пода действительно при мужиках». А когда мужики при господах, а господа сами по себе – так не бывает...

Тогда начинается революция. (I, 104)

ДЕЛАНИЕ (2002)

Что мы сами можем сделать?

Теперь идут бесконечные разговоры о нравственности. Но в России тихое делание сегодня важнее, чем все эти «ля-ля».

Де-ла-ни-е!

Вот я приезжаю в Свято-Николо-Шартомский монастырь под Шуей и вижу, что за сорок дней поста там уже произошло это самое *де-ла-ни-е*. На первой неделе Поста дом для братии заложили, а на последней уже под крышу подвели. Или отдали корпус разваленной больницы двум монахам, и они подняли его. Каждый день в нем работали! И сделали все своими руками. Да, для этого должна быть только воля жить. Не нужно ждать, когда тебе дадут.

Не дадут!

Дело в том, насколько мы развращены идеологией потребления. Насколько не способны чем-то владеть и за это отвечать. Насколько не умеем ценить то, что даровано нам Богом...

Вот в чем вся проблема.

Только в движении вперед есть выход из трудного положения. Как только ты встал в оборону, стал оправдываться, искать советов «добрых людей», ты и рта раскрыть не смо-

жешь – тебя советами замучают.

Делай свое дело! Работай! Как на Руси говорили: «Глаза боятся, руки делают».

Отец Тихон, игумен Сретенского монастыря в Москве, или отец Нестор, игумен Свято-Николо-Шартомского монастыря в Шуе, они строят и строят с утра до вечера – и больше ничего! И таких много: делают дело и ни на что не обращают внимания.

И это самое главное! Некогда отвлекаться на суетную брань или пустое общение. (I, 92)

ДЕМОКРАТИЯ (1990)

Интервьюер: *А что такое, по-вашему, демократия, равноправие?*

Не знаю.

То есть я не знаю, что это такое применительно к России. Ибо то, что называется демократией на Западе, для России органичным, на мой взгляд, быть не может. И не потому, что мы хуже кого-то другого или лучше, – мы просто другие.

И это нужно принимать как данность.

А я думаю, что демократия универсальна... как воздух.

Пока, к сожалению, у нас нередко демократия и равноправие понимаются как появившаяся возможность нахамить начальнику – и то только потому, что он начальник... (что, кстати, тоже можно понять, ибо начальник этот раньше ха-

мил нам только потому, что мы – его подчиненные).

Уважение же к личности – это результат длительной работы общества над своим самосознанием. Равноправия можно достичь эволюционным путем, революционным же путем достигается равенство.

И при всей близости этих понятий они различны.

В России, которую многие почему-то считают темной и варварской страной, человека, задумавшего «до основания» разрушить существующий строй, всего-навсего отправляли в ссылку – с женой и книгами.

Впоследствии этот опыт царизма будет учтен, но как дополнен! Держава на долгие годы опутается колючей проволокой, за которой сгинут миллионы только за намек на инакомыслие, а то и просто ни за что, и среди них многие из тех, кто сам же выбрал для страны новый путь... (I, 32)

(2010)

Интервьюер: Скажите, пожалуйста, Вы не поклонник демократического политического устройства?

А что Вы называете этим?

То, что в основном существует на Западе. Вот эта форма политического устройства.

Я не поклонник принятия механическим путем западных форм для России. Они не приживаются. (V, 24)

«Наша» демократия

(1991)

Я не верю в ту демократию, о которой все говорят, которая дает возможность называть начальника дураком только потому, что он начальник...

Демократия – в первую очередь уважение к другому.

Ну о какой демократии можно говорить, когда в нашем парламенте люди с места орут на президента страны, которого сами же избрали?.. (I, 41)

«Наши» демократы

(1993)

Да, я пришел тогда <в 1991 году> в Белый дом, но отнюдь не для того, чтобы защищать так называемую «демократию», ибо не верил в те дни и не верю сейчас искренности большинства нынешних демократов.

Откуда они, извините, взялись? С Луны свалились? Из цивилизованной, имеющей глубокий опыт парламентаризма Англии приехали? Из подвалов диссидентских на свет вышли?

Нет!

Это все те же большевики, которые по многу лет сидели в обкомах, райкомах, центральных комитетах, преподавали научный коммунизм (как Бурбулис), предавали анафеме капитализм (как Костиков), восхваляли в бездарных виршах Брежнева (как Коротич)...

Одним словом, замечательно кормились из партийной

кормушки. И вдруг, однажды, объявили себя демократами. То есть уснули красными, а проснулись уже трехцветными. Ну как я мог такому стремительному превращению поверить?..

Поэтому еще в августе 1991-го я знал и, кстати, говорил. Это все тот же большевизм, только иной раскраски.

Разве нет? (I, 53)

(1995)

Демократы?!

Но разве они чувствуют, знают Россию?

Да, есть среди них ученые ребята, которые изучили все экономические системы, существующие в мире. Но то, что применимо в Голландии, часто не применимо у нас.

Не опираясь на исторические, культурные традиции, ни одна реформа не может стать народной.

Это будут опять «петровские реформы» – через отрубание голов и вгоняние людей из удобных валенок в лаковые ботинки, хотя грязи кругом по пояс... (II, 29)

(2011)

В августе 1991 года был митинг по поводу победы над путчистами. Кроме Ельцина там стояло много людей. Кто-то из стоящих на балконе военных спросил меня: «Ничего тебе это не напоминает?» Я сказал: «Нет». И он ушел.

Я задумался, и что-то у меня внутри сжалось. Всеобщее

ликование, а на трибуне, за исключением харизматичного Ельцина, – кто? Разве такой должна быть Победа, которая перевернула историю страны?

Через десять лет не осталось никого из тех, кто ее делал. Где они, где их слава, где память о них?

Они смылись... (I, 155)

Русская православная демократия (1990)

Мы так много говорим теперь о демократии, не всегда понимая, а может быть, и не желая понять, что демократия была и в России, но только иная: равенство перед единым Законом Божиим...

Потому-то равенства, которое принесла революция, можно было достичь, только истребив равноправие, существовавшее в храме, а заодно и сам храм. (I, 33)

(2001)

Ходасевич как-то сказал: русские люди, особенно находясь на чужбине, аukaются Пушкиным. Верно. Но мы еще до Пушкина аукались друг с другом Евангелием, словами молитвы... Полуграмотный кучер мог сразу понять, когда ему говорили: «Ну, креста на тебе нет! Ну как тебе не стыдно, побойся Бога!» И он понимал, о чем речь. При всей огромной сословной, имущественной и интеллектуальной разнице в России «все и вся» всегда уравнивались перед алтарем. Этой «демократии» нельзя научить, она не родилась «здесь и

сейчас». Ее можно впитать, ею можно вскормиться... (II, 38)

(2009)

Настоящая демократия в России была только в церкви (больше нигде ее не было и, боюсь, не будет), потому что перед алтарем, перед Законами, не человеком писанными, а Богом, и император, и школьник, и доктор, и продавец абсолютно равны. (I, 137)

ДЕНИКИН АНТОН ИВАНОВИЧ

Перезахоронение праха Деникина и Ильина и их супруг

(2005)

Интервьюер: 3 октября в стенах Свято-Донского монастыря в Москве состоялась акция примирения и согласия, во время которой Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II освятил закладной камень на месте будущей часовни в память о жертвах гражданских смут и братоубийственных распрей в Отечестве и в рассеянии скончавшихся. Затем была отслужена панихида по генералу Антону Ивановичу Деникину и его супруге Екатерине Васильевне, а также по философу Ивану Александровичу Ильину и его супруге Наталье Николаевне. Их останки были перезахоронены в некрополе Свято-Донского монастыря.

Это инициатива Российского Фонда Культуры. И тут огромную роль сыграли мои товарищи, и в основном – Еле-

на Чавчавадзе.

А что касается сути, я считаю и хотел бы верить, что это начало окончания Гражданской войны, это духовное собрание страны. Невозможно больше делиться на «белых и красных». Невозможно существовать в условиях братоубийственных отношений, когда у каждого есть своя правда, а каждая правда – это еще не общая истина.

Я считаю, что и генерал Деникин, который ни на шаг не отступил от своей присяги, и великий философ Иван Ильин, ни на шаг не отступивший от своего ощущения Родины, никогда не перевешивавший на свои плечи груз обиды на конкретных людей, до конца дошли в своей жизни. И сегодня они легли в русскую землю. Теперь над ними будут и русские дожди, и русские ветра, и русские птицы. И я убежден, что возликуют и возрадуются души их, и это нам, живущим в России сейчас, очень поможет.

И все же в своем последнем обращении к своим единомышленникам генерал Антон Деникин призывал их не поддаваться гипнозу отождествления советской власти с народом российским... Так что, теперь будет новый виток развенчания преступлений советской власти? Вроде бы не очень сочетается все это с философией примирения?

Я не думаю, что это так. И вообще – это не задача.

Вы понимаете, самое ужасное будет, если из этого начнут делать «политические бутерброды», когда это будут притягивать к себе для того, чтобы набирать политические дивиденды.

денды.

Избави Бог.

Это, Вы поймите, еще один шаг. Это шаг, мерный шаг к поиску, к стяжанию единого национального духа. Шаг. Не надо из этого делать фетиш и не надо предполагать, что завтра утром все проснутся, грамотно понимая, что происходит. Сегодня девяносто восемь процентов еще даже не понимают, что произошло. Духовно не понимают.

А я Вас уверяю: очень серьезное дело совершилось.

Уверены ли Вы, что наше общество, девяносто восемь процентов которого, по вашим словам, не понимают, что происходит, все же готово к такому повороту сознания?

Нет, не уверен.

И не надо. Не надо от него требовать этого сейчас.

Вот совершилось, и... Слава Тебе Господи!

Не мешайте, не делайте лучше. Лучшее – враг хорошего.

То есть общество отдельно, а эта акция отдельно?

Она так или иначе пронижет общество. Все равно это так или иначе поступательное движение.

Боже мой, в русскую землю положили двух великих русских людей, двух известнейших русских людей, сыгравших огромную роль в русской истории.

И радуйтесь этому. Не надо из этого сразу делать выводы. Не надо. Выводы будут потом...

У мыслящей части общества эта акция, конечно, вызвала серьезную реакцию. Более того, от сказавших «а» уже

требуют сказать «б», и, как говорится, далее везде. Вот, например, что пишет философ Григорий Померанц: «Чтобы восстановить богатство той традиции, которая была оборвана революцией, надо рядом с Иваном Ильиным поставить его философского оппонента Георгия Федотова. Должно быть восстановлено богатство мнений... Мы не должны возвращаться к монопараметрическому мышлению, когда один фактор объявляют святым, а другой проклятым». Григорий Померанц видит опасность новых крайностей. Вы не разделяете эту тревогу?

А Вы знаете, я вообще о ней даже не думаю.

Мне абсолютно достаточно, что воля человека, который был совестью и честью русской армии, быть похороненным на своей земле после того, как рухнет строй, который его гнал, совершена. И воля другого человека, величайшего философа и идеолога, величайшего философа и провидца, в 1950-х годах написавшего все, что произошло сегодня с нами, тоже выполнена.

Мне этого абсолютно достаточно.

Я знаю, что две, четыре души возликовали сегодня. И это величайшее счастье.

Но ведь это же не изолированная акция. Ведь действительно, сказав «а», нужно сказать «б». То есть кто еще там может оказаться, в этом некрополе новых героев?

Правильно. Только не нужно из этого делать, так сказать, бюро добрых ритуальных услуг и думать, кого бы нам еще

сюда притащить. Оно само все вызревает.

Ровно два года назад мы выпустили картину «Романс для генерала». Я там осторожно говорю: может быть, когда-нибудь... Прошло два года. А Вы можете представить себе, чтобы об этом мы с Вами говорили десять лет назад?

Да, это невозможно.

Так значит, идет процесс. И не нужно ему мешать.

Но так или иначе, Вы называете это все равно процессом?

Конечно. Безусловно, это не есть результат, это не есть факт, который совершился, и теперь все будет по-другому. Это есть еще один шагоч. Маленький, но шагоч.

Но все же возникают многие вопросы... Сегодня Вы предлагаете всем читать Ивана Ильина... И вот как Вы себе представляете – открывают эти книги россияне, которые не обязательно считают себя русскими, и что же они видят?

Ну и что?

Для меня любой человек русский, кто чувствует и любит так, как Ильин.

То есть россиянин фактически?

Да, сейчас есть слово «россиянин», такое нейтральное слово. Бог с ним.

Мы почему-то очень стесняемся слова «русский». Но для меня он русский. Я считаю, что шовинизм, когда говорят: «Мы лучше вас», а патриотизм, когда говорят: «Я люблю

свое так, что хочу, чтобы вы любили точно так же. И я готов любить твое. Покажи мне твое, как ты его любишь, и я тоже так это полюблю».

Сегодня патриарх Алексий II говорил, что вот эта акция – это шаг к примирению церквей. Насколько это действительно так, если Антона Деникина даже провожали и отпевали в разных церквях? Действительно ли эта тенденция прослеживается?

Я думаю, что эта тенденция мало того что прослеживается, она существует.

В Каннах на Фестивале русской культуры в этом году в храме во время службы на литургии первый раз за восемьдесят лет пел русский церковный хор из Вологды.

И владыка допустил это, а в конце этой службы разрыдался.

(Я слышал его проповеди десять – пятнадцать лет назад, а я боялся туда приходить, потому что боялся, что он меня увидит и что я услышу, что он говорит.) И вдруг он в слезах сказал: «Берегите Россию, ее хулят все. Берегите!» Это человек, который принадлежал искони, с первого дня своего служения, Карловацкой церкви, которая всегда была якобы противна.

То, что сейчас происходит – это тоже очень важный, медленный процесс... Главное, чтобы все это делалось без тяжкого звероподобного рвения, по милости Божией.

Какой следующий шаг тогда Вы могли бы прогнозировать

в сближении Русской Православной Церкви и других?

Я не берусь даже оценивать этого или прогнозировать. Поэтому что, в общем, для этого существует очень много разных привходящих обстоятельств, в которых я не настолько разбираюсь, чтобы я мог об этом судить.

Я вообще стараюсь говорить о том, что, мне кажется, я понимаю.

Ваши чувства сегодня, совсем кратко, что Вы чувствуете?

Счастье, счастье, счастье.

То есть Вы в Свято-Донском монастыре стояли как полностью счастливый человек?

Вы понимаете, я не мог спрятать улыбки. Вот что меня поразило самого... Улыбки. Ни печали, ни скорби, ни пафоса. Улыбки!

Господи, случилось, случилось!.. (V, 20)

(2006)

Реплика: *Все эти перезахоронения Деникина и Ильина дурно пахнут...*

Когда Вы говорите, что это дурно пахнет, то это фигура речи. Она может быть очень хороша, но как фигура речи только. А по сути – это малокрасиво; потому что надо иметь в виду, что через несколько лет та могила в Швейцарии, в которой лежал Ильин, должна была стать безымянной, поскольку кончалась аренда, и мы спасли это имя и этот прах,

перенеся его в Россию.

За это нужно поклониться тем, кто это сделал...

И когда Вы так яростно и зло говорите о Деникине, обвиняя его во всех смертных грехах, то надо помнить, что он исполнял присягу, данную Отечеству.

Он не давал присягу стрелять в собственный народ!

Обвинять Деникина в том, что он стрелял в собственный народ, – несправедливо. Но неужели Вы думаете, что я встану сейчас на ваши рельсы и буду рассказывать сейчас про преступления Бела Куна, Землячки, про тысячи утопленных русских офицеров, явившихся с повинной, когда они пришли в Крыму, сдали оружие и им гарантировали жизнь, а потом их сотнями и тысячами топили в баржах.

Вы же не хотите, чтобы я Вам это рассказывал, правильно?

Я Вам и не буду этого рассказывать, потому что система перечислительных доводов, она очень выгодна и очень демагогична... Я Вам могу сказать только одно: было бы чрезвычайно наивно, если бы кто-нибудь, и я в том числе, пытались вернуть страну в то время.

Это нереально, это невозможно. Но никто из нас не может считать себя ни талантливее и глубже, чем Достоевский, ни храбрее, чем Дмитрий Донской, ни более проницательным, чем Лев Толстой, и тем не менее они жили в той системе координат, которая была разрушена в 1917 году и которую Вы сегодня поносите и ненавидите. (V, 22)

ДЕНЬ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА

(2006)

4 ноября возникло новое русское государство. Мы перестали быть населением, мы стали нацией, перестали быть территорией, стали государством.

Мне кажется, что знаковость этого праздника заключается в том, что мы как государство поддерживаем идею эволюционного развития.

Эволюция развития страны намного важнее и безопаснее и глубже, а самое главное, перспективнее, чем революция, результаты которой мы видели и до сих пор видим. (XV, 35)

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

(2012)

Интервьюер: Какой самый запоминающийся подарок Вам дарили на день рождения?

Пони. У меня есть лошади, и товарищи, зная о моей любви к лошадям, решили подарить мне пони. Первое, что я испытал – ужас, потому что не знал, что с ним делать. А потом нашли применение – сейчас на нем катаются окрестные дети.

Но как подарок, поверьте, это было сногсшибательно.

Что Вы включили в ваш wish-лист подарков на день рождения?

Вы знаете, как на духу говорю, встретить день рождения на съемочной площадке, в работе. Это самый желанный по-

дарок. Можно получать богатые, дорогие, во всех смыслах, подарки, но для меня самое большое счастье – встречать день рождения со съемочной группой, когда люди день работают, а потом отдыхают, а не когда день рождения превращается в славословие и бесконечную череду тостов. Работа для меня, существование в том мире, который мы создаем, – это самый большой подарок в день рождения.

Как, на ваш взгляд, прошел день рождения сегодня?

Он прошел очень трогательно. Во-первых, группа замечательно поздравила, причем видно, что они готовились, это все скрывалось, получилось очень искренне. Я себя почувствовал, как в годы студенческой жизни. А во-вторых, сегодняшний день прошел хорошо еще и потому, что было солнце, и мы сняли большую сцену. Вот такой вот подарок от природы. (I, 162)

ДЕНЬГИ

(1992)

Я люблю деньги. Очень. Они нужны мне.

Я никому не хочу доставить удовольствия тем, что я чего-то не могу.

Но деньги – скучно повторять – не самоцель.

Они мне нужны для благосостояния Студии, для того, чтобы кто-то, кто с тобой стал работать, потом продлил контракт, а расставшись – вернулся. (I, 45)

(1999)

Интервьюер: *Вы большое значение отводите в жизни деньгам?* Большое.

Мне очень нужны деньги, и я люблю деньги. Но мне не безразлично, каким образом они мне достались. (II, 31)

(2002)

Конечно, деньги для меня имеют большое значение. Это моя свобода, моя независимость.

Однако... я никогда никому никаких платных услуг не оказывал, никаких «откатов» не давал и очень горжусь тем, что никто не может меня потрепать по щеке, дескать, мол: «Знаем, все одним миром мазаны»... (I, 87)

(2011)

Интервьюер: *Вы человек состоятельный. Но не все проходят проверку большими деньгами... Вас они не заставили изменить себе?*

Я люблю деньги, но они мною не владеют. Не деньги портят человека, а отношение к ним. Никогда не жил бедно, но цену деньгам знал всегда. Хотя, конечно, были моменты, когда не хватало. Например, как-то ушел из дома и жил у Сережи Никоненко. Тогда, вне зависимости от того, кто сколько зарабатывал, все деньги складывали в общий котел, «под тарелку»... (XV, 52)

Дармовые деньги (2000)

Я постоянно работал и работаю и, в отличие от многих, никогда не имел дармовых денег, не кормился от золота, нефти и газа.

Интервьюер: *Вот этого Вам говорить не следовало.*

Почему?

Потому что теперь мой черед напоминать.

О чем?

О Викторе Черномырдине и его движении «Наш дом – Россия», любовь к которым у Вас была, скажем так, не вполне бескорыстна. Сколько Вам тогда Виктор Степанович отстегнул на «Сибирского цирюльника» за присягу НДР?

Во-первых, не за присягу. Мне деньги давали на картину, поскольку посчитали, что она нужна России.

А во-вторых?

Во-вторых, я давно уже очумел от всех этих разговоров!

Человек приходит и предлагает: «Хотите, вырою вам котлован и построю дом?» Отвечают: «Хотим». – «Ну так дайте мне лопату!» Тут же начинают головами качать: «Аа-а, ты какой, лопата тебе нужна!»

Впечатление, будто деньги, выделенные мне правительством, я на себя потратил, а не на фильм, который собрал столько зрителей, сколько за последние десять лет в России не собирала ни одна картина. Ни одна, включая «Титаник», «Армагеддон» и прочие голливудские блокбастеры. На втором месте по сборам в прокате с большим отставанием от нас

идет балабановский «Брат – 2». «Цирюльник» два года не сходит с экранов, на последнем кинорынке еще девять российских регионов приобрели лицензию на фильм (купили, к слову, уже по третьему и четвертому разу!), а меня продолжают полоскать за деньги, полученные у Черномырдина.

Бред!

Вот если бы я приобрел себе за те миллионы яхту или построил виллу на Багамах, тогда был бы предмет для разговора.

Наверное, кто-то и думает, что приобрели и построили.

Пусть думают! Идиотов хватает. Есть и такие, которые уверяют, будто я гомосексуалист, а Меньшиков – мой любовник.

Прикажешь и с ними спорить, опровергать?

Понимаешь, это как рецидив удивительного свойства русского человека, привыкшего рассуждать так: «Скажи мне, где ты работаешь, и я отвечу, что ты ворует». Люди не могут поверить, что для меня намного интереснее, получив деньги, вложить их в дело и заработать по результату, чем тупо украсть. Поэтому зубами и щелкают от злости. Сколько комиссий к нам присылали – и из налоговой, и из Счетной палаты, и из Госдумы. Ничего не находят, но продолжают в чем-то меня подозревать, хотя я не устаю повторять: творческому человеку гораздо интереснее делать, чем воровать, а потом сидеть и дрожать, ожидая, пока кто-нибудь настроит донос или спросит, откуда бриллианты у твоей жены и шуб-

ка у дочери.

Каждая копейка, которую мы получили, подотчетна. Можно пересчитать массовку, посмотреть, сколько пошито костюмов, построено декораций для фильма. Мы ведь даже отреставрировали колокольню Ивана

Великого в Кремле, хотя это должна была на свои деньги сделать Москва, готовясь к 850-летию!

Сергей Бондарчук снял в семидесятые годы «Войну и мир». Великая картина великого режиссера!

Но справедливости ради признаем: Сергею Федоровичу помогала вся страна. Армия строила под Мукачево декорации, копала рвы, сооружала брустверы. В массовке бесплатно снимались полки, ибо съемки были подняты на государственный уровень!

И «Цирюльник» оценен Госпремией, стало быть, признан произведением национального масштаба, однако мы за все заплатили сполна, ничего не получив даром. И налоги, к слову, все внесли.

Но Вы тоже, наверное, работали не бесплатно! О своем гонораре не забыли! Себе заплатили!

Я, мой дорогой, был нанят французской стороной.

А Вы дорого стоите!

Да, полжизни работаешь на имя, а потом имя работает на тебя.

Если у меня вдруг возникает намек на материальную проблему, только глазом поведу, и тут же появится контракт на

цикл лекций по актерскому мастерству, за которые в любой европейской стране мне заплатят очень приличные деньги.

Какие?

Большие!

Сумму назовите.

Это тебя не касается! (II, 33a)

ДЕПАРДЬЕ

(2013)

Интервьюер: *В этом году на закрытии Московского кинофестиваля будет показан фильм «Распутин», в котором главную роль сыграл Жерар Депардьё.*

Депардьё сам представит картину в Москве. Как вы понимаете, ехать ему недалеко – он то в Грозном, то в Саранске...

Что Вы думаете по поводу его российского гражданства?

Нужно понимать, что в России люди быстро остывают к подобным историям. Мне хотелось бы самому понять его мотивы, но, с другой стороны, я не думаю, что он сможет лишиться работы русских актеров. Но если он займет свое место, я буду рад, хотя ролей для французов у нас не так много.

Сами снимать его не планируете?

С большим интересом и опаской смотрю на этот вопрос. Хочу докопаться до сути, в чем причина его интереса к России? Если ты приехал в Россию только потому, что у тебя там были высокие налоги – это одно, а вот если не только поэтому – это другое. (XV, 80)

«ДЕТИ РОЗЕНТАЛЯ»

(2005)

Интервьюер: *На новой сцене Большого театра состоялась генеральная репетиция скандальной оперы «Дети Розенталя». Это событие вызвало много разговоров и протестов, в том числе и в Госдуме. Руководство театра выделило сорок билетов для депутатов Госдумы и известных актеров театра и кино.*

Что касается музыки Леонида Десятникова, то есть очень хорошие куски...

А вот драматургии, на мой взгляд, просто нет. За внешне эффектной фабулой – клонированием гениев музыки Верди, Мусоргского, Чайковского, Вагнера – нет глубинной идеи...

Это – КВН, нормальная сборная КВН Большого театра.

Я не хочу оценивать творчество Владимира Сорокина – автора либретто оперы: кому нравится, пусть читают. И говорить о том, что надо наложить вето на его произведения и таким образом сделать из него мученика, тоже не стоит...

Я бы просто посоветовал господину Сорокину читать свои сочинения своим детям. (I, 115)

(2005)

Опера «Дети Розенталя» в Государственном Академическом Большом театре – это все равно что «Макдоналдс» в Грановитой палате.

Я не говорю, что нужно что-то запрещать, но я не считаю такой спектакль настоящим искусством, потому что мне не хотелось бы увидеть его во второй раз.

Государство должно заниматься не только восстановлением стен памятников культуры, но и охраной того, что за этими стенами происходит. А защита памятников культуры означает защиту главных черт нашего народа – таких, как сострадание, которое мы сегодня утрачиваем, а вместе с тем утрачиваем и корневую систему. (XV, 12)

ДЕТИ РОССИИ **(2002)**

Мне думается, что ставить сегодня вопрос о духовном мире ребенка, не связывая его внутренне, глубинно с духовным миром семьи, в которой он родился и вырос, с духовным и материальным состоянием и обликом его родителей, его бабушек и дедушек, – неправильно.

В этом есть какая-то узкая, «отраслевая» ограниченность. Ведь это не только вопрос ведомственной культуры, которой занимается Министерство культуры.

Это вопрос образа жизни нации, вопрос важнейший для государства, гражданского общества и личности. Вопрос широчайшей социокультурной тематики...

Поэтому я убежден, что, обсуждая вопрос о духовном мире ребенка, следует говорить и ставить более широкий вопрос о *духовном мире нашей российской семьи, о взаимоот-*

ношении всех ее поколений, ибо именно в семье человек становится человеком.

Безусловно, кричаще волнующи и важны проблемы социальной защиты детей из неблагополучных семей, ставших беспризорниками. Но ведь причина, корень беспризорничества – опять же неблагополучная семья.

Создадим условия для жизни, работы, творчества в семье, на местном, так сказать, уровне – решим и все наши остальные вопросы, в том числе и болевые вопросы детства. (IX, 1)

(2012)

Мой отец сказал когда-то: «Сегодня – дети, завтра – народ». Какие будут сегодня дети, такой будет и народ.

Я убежден в том, что если в детей не будет вложена государством сумма, равная той, что вкладывается в ВПК, то вот сколько у нас есть лет, столько мы будем собираться и говорить, как же все у нас плохо... (XV, 68)

Диспансеризация детей

(2002)

Мне думается, что сегодня может быть чрезвычайно важна (я об этом говорил президенту) такая глобальная национальная акция, как диспансеризация детей.

И это – задача культуры!

Ибо я имею в виду не чисто физиологическое осознание положения со здоровьем детей, хотя подозреваю, что цифры

и факты, которые будут получены в процессе этой диспансеризации, заставят содрогнуться страну от макушки до пят...ток...

Президент и руководство страны должны знать, с каким будущим они столкнутся через десять – пятнадцать лет, кто это будет. Их ответственность перед людьми будет еще большей, а выход из сложившегося положения еще более сложным, если они не узнают, кто же такие эти пять – семилетние дети сегодня. (IX, 1)

ДЕТСТВО

(1993)

Интервьюер: *О вашем детстве? Что Вам запомнилось?*

В основном запахи, ошупь, намерзшие сосульки на штанах. Мокрые рукавицы. Запах кофе на террасе летом, чашки толстые на даче. Определенный свет, особенно утренний.

Такие предметы и очертания, не очень связанные, то есть какая-то деталь может потянуть за собой историю... блики на паркете в квартире московской... Мы жили на улице Воровского, до этого на улице Горького. На Воровского я прожил большую часть детства и юности, а потом переехал и стал жить отдельно.

Но основные ощущения детства – это дача и московская квартира. (III, 2)

ДИССИДЕНТСТВО

(1991)

Я по своей природе не диссидент.

Диссидентство – это отрицание. А мне неинтересно ни говорить, ни делать то, что я не люблю. Неинтересно говорить, как я, допустим, не люблю Ленина. Мне интересней рассказывать, как я люблю Обломова.

Меня учила мать больше говорить «да», чем «нет».

И вообще: объединение людей вокруг «нет» опустошительно. Только те, которые объединяются вокруг «да», могут что-то создать. Но в том, чему я говорю «да», уже заложено мое «нет». Поэтому противостояние – пожалуйста...

Не всегда у меня было противостояние. Но кто-то, по-моему Пушкин, сказал: «Я глубоко презираю свое Отечество, но не люблю, когда это делают другие».

Вот что для меня принципиально.

И я никогда не пел в хоре... (I, 41)

(1998)

Я уважаю людей, которые высказывают свою точку зрения, но принципиально не приемлю диссидентства. Потому что, как правило, это борьба не с чем-то конкретным, что мешает жить, а борьба вообще. Борьба с тем, что являет собой принцип власти и силы.

Мне объясняют: интеллигенция всегда была в оппозиции к власти. А почему это должно быть так? Я мечтаю иметь власть, которую буду любить. Мечтаю о том, чтобы жизнь

моя, моих детей, моей страны зависела от людей, которых я уважаю, сам избрал, и они оправдывают мое доверие. Что в этом плохого?

Если я верю, что решения власти вызваны искренним желанием сделать стране лучше, я готов ее понять и вместе с ней нести все тяготы.

Из чего возникло противостояние интеллигенции начальству? Из того, что интеллигенция живет в дерьме, а начальство в шоколаде?

Противостояние возникло с момента, когда пагубная идея «эгалите, фратерните» и так далее, как бацилла, стала разъедать нутро.

Братство? Конечно! Свобода? Да! Но – в рамках закона.

Равенство? Но оно недостижимо, это иллюзия, обман. Равенства не может и не должно быть.

Даже Христос говорил: много званых, но мало избранных... (I, 70)

(2010)

Ведущий: *Вы принципиально не принимаете диссидентства?*

Да.

Диссидентство – это инакомыслие выраженное. Инакомыслие думает не так, как положено. Вы что, против этого? Против чего Вы, когда говорите, что Вы принципиальный противник?

Нет, я не против инакомыслия, я против диссидентства.
Как Вы это понимаете?

Ну как Вам сказать? Не знаю. Ну когда за этим больше внешнего, чем внутреннего. Я Вам объясню.

Люди-диссиденты отправлялись в лагеря, в тюрьмы. Разве можно сказать, что это внешнее?

Дайте сказать глухонемому.

Пожалуйста.

В нем нет созидания. Отрицание есть смелое, героическое.

Ну?

С подвигом. Но созидания в нем нет, для меня. Для меня любая точка зрения, если даже она идет вразрез с точкой зрения власти или кого-то еще, должна быть созидательной. Мне неинтересно снимать фильм «Так жить нельзя», потому что для этого ничего не нужно. Возьмите камеру и пойдите по стране, просто пройдите и смонтируйте: «Так жить нельзя». А я хочу знать, как жить можно, как нужно.

Меня интересует возможность созидать. Отрицая то, что мне не нравится, но созидать. Предлагайте, а не просто отрицайте. Вы говорите о моих жестких высказываниях по этому поводу. Да, я высказываю. Но я высказываю это, не стоя в третьей позиции и глядя со стороны холодным взглядом Чаадаева. Я говорю о том, что и я готов действовать. Я хочу сам изменить это... (V, 24)

ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ (2003)

Про Дмитрия Донского у меня была заявка и почти сценарий.

Мне не дали его делать к 600-летию Куликовской битвы, которая состоялась в 1380 году 8 сентября. Очень боялись обидеть татарское население.

Сегодня на эту картину нет денег физически.

Но если войдет в силу государственный заказ, то такие картины могут стать реальностью. (I, 93)

ДНЕВНИКИ (1998)

Одних только армейских дневников – вагон.

Я же каждый день делал заметки, а потом еще семнадцать лет прятал их, чтобы никто, не дай Бог, не нашел...

Записывал только то, что есть, а это и была главная крамола...

Интервьюер: *И где же Вы прятали дневники?*

О, это отдельная песня!

Сначала в каптёрке среди матрацев, потом в чулане на даче у матери, в сейфе на киностудии...

Но Вы показывали кому-нибудь дневники?

Ни одной душе!

Много позже читал куски друзьям. А после и вовсе прятать перестал – советская власть закончилась.

Недавно впервые опубликовал фрагменты в сборнике «Никита». Впечатление сильное! Даже самому было странно и страшновато видеть все это напечатанным в альманахе. (I, 75)

ДНК

Национальный ДНК (2011)

В течение всего этого времени идет вымывание национального ДНК. Вы посмотрите парад 9 мая. Неужели не чувствуете, что скукоживается огромный пласт и выходит, что Верховный Главнокомандующий может принимать парад сидя, как в театре. Это же не назло сделано, а потому что пропускается мимо. А вместе с этим пропускаются и другие довольно важные вещи...

Возьмите школьную реформу. Если представить, что она была бы озвучена тридцать лет назад, то точно решили бы, что автор сумасшедший. В политике, в экономике – везде подмена, когда одно выдается за другое и внешнее становится важнее содержания.

У меня по этому поводу есть набивший оскомину образ. Дорогуший костюм (шелк с кашемиром), надетый на нестираное белье. То есть внешне все прекрасно, как у них, а так нужен одеколон, потому что человек не мылся.

И это, мне кажется, сегодня знак времени. (XV, 51)

ДОБРОДЕЕВ ОЛЕГ

(2001)

Это один из ярчайших и редчайших представителей чудовищного океана под названием «телевидение», который умеет в нем плавать и видит бакены. (I, 83)

ДОБРО И ЗЛО

(2010)

Один мудрый старец сказал, что зла на свете один процент, а добра – девяносто девять, но, к сожалению, это зло хорошо организовано.

Дело в том, что я совершенно уверен в том, что есть огромное количество людей, которые и понимают то, о чем я хочу говорить, и чувствуют это. Но нам нужно научиться организовываться...

Мы должны консолидироваться и высказываться, мы должны противостоять ненависти, злобе, самоутверждению на жизни, или творчестве, или поступках другого человека. Мы должны понимать, что невозможно жить по принципу, когда чужая ошибка или чужой проигрыш сразу приписывается себе как победа.

Мне думается, что в данном случае мы должны очень многое для себя переосмыслить. Недаром же Сергей Радонежский, уж куда-куда святой человек и тишайший, все-таки дает меч Ослябе и Пересвету и отправляет их биться. Мы должны в этом смысле быть последовательными. (VI, 9)

ДОРОГА (2010)

Я провожу в дороге примерно неделю в месяц. Или даже дней десять... Собрать охотничьи вещи и знать, что предстоит проехать шестьсот километров – это наслаждение. Я очень люблю ездить по России. По ее, к сожалению, ужасным дорогам. Но ужасные дороги компенсируются такими душевными и духовными откровениями, которые выше всякого комфорта. (XV, 46a)

ДОСТИЖЕНИЯ (2013)

Вопрос: *Какие из ваших достижений Вы считаете самыми значимыми?*

Я не знаю...

Мне кажется, что самое большое мое достижение за последние годы, что меня не сломали те, кто очень хотел сломать. А ведь как только не изгалялись и сейчас изгаляются...

Главное, что ты понимаешь, – ты поступаешь так, потому что не можешь поступить по-другому.

Главное мое достижение, что Бог дал мне удержаться от гнева, злобы, мстительности и дал мне возможность продолжать делать свое дело. И надеюсь, что остались люди, которые хотят видеть мои картины.

Вот это – самое главное мое достижение. (XV, 79)

ДОСТОЕВСКИЙ (1991)

Я всегда ощущал философскую величину и творческую мощь Достоевского.

Может, поэтому мне и не хватало мужества взяться за экранизацию. Поражаюсь смелости Андрея Эшпая... И вот – роль князя Валковского. Я согласился. Достоевский – всегда серьезно. Для актера трудная, но интересная работа.

На мой взгляд, роман «Униженные и оскорбленные» не лучший в творчестве писателя. В нем много дидактизма. И даже если говорить о том, как роман написан, а написан он очень страстно, в нем много небрежностей, проявляющихся в деталях, словах, в повторах, в отсутствии некоторых мотивировок.

Я не литературовед, но при воплощении текста многое чувствуется более обостренно, чем при чтении.

Интервьюер: *Можно ли считать, что Достоевский дает в какой-то мере эталонный материал для выявления таланта и мастерства актера?*

Достоевский не может быть лакмусовой бумажкой для актера... На мой взгляд, актера можно проверить на двух авторах. Это Шекспир и Чехов. (II, 20)

(2008)

Реплика: *После просмотра передачи <Имя России> о Ф. М. Достоевском осталась в абсолютном шоке. Если Ф.М.*

Достоевский – не писатель, то Н.С. Михалков – не режиссер.

Вы меня превратно поняли. Я же не говорил, что он плохой писатель. Я же высказываю свою личную точку зрения.

Я, высказывая свою точку зрения, соглашался с тем, что говорил по этому поводу Набоков. Набоков считал Достоевского великим драматургом.

Что значит драматург?

Это не значит – человек, пишущий водевиль, а это значит, человек, который конструирует действие, конструирует драматургию. И я, сравнивая Достоевского с Гоголем, показывал, что абсолютно прав Набоков.

У Достоевского пейзаж социален, это нравственный пейзаж. Но описания природы у Достоевского нет. В описании, в прозе должна быть поэзия. Я приводил пример фразы, которая вылетела из «Тараса Бульбы»: «Голова казака, матерясь, полетела в кусты»... Там есть поэзия. Для меня лично проза – это во многом поэзия.

Достоевский великий драматург, но убежден совершенно, что если вы знаете фабулу романа Достоевского, то наслаждения от его перечитывания вы получаете меньше, нежели если вы перечитываете «Мертвые души», «Тараса Бульбу» или «Евгения Онегина».

Избави бог, как же я мог сказать, что Достоевский не писатель, я бы в жизни не мог такого сказать! Я высказывал свою точку зрения просто о том, как я воспринимаю Досто-

евского. И если Белинский был в полном восторге от «Бедных людей» и по прочтении сказал, что родился новый Гоголь, я лично не могу с этим согласиться. Я понимаю – авторитет Белинского! Куда мне до Белинского? Но у каждого человека есть своя точка зрения. Я с Белинским не согласен. Я не считаю «Бедных людей» великим произведением русской литературы. В социальном смысле да, для того времени это было бомбой.

Что касается литературы, то Бунин с этой точки зрения мне ближе, чем Белинский и Достоевский, но это моя субъективная точка зрения. (XV, 40)

ДРАКА **(1994)**

Интервьюер: *Легко ли Вы вступаете в драку?*

Нет, я пытаюсь сделать все, чтобы избежать столкновения, последствия которого трудно предсказать.

Драка – это очень конкретно.

Один бьет в морду за то, что оскорбили его или его жену, другой – за то, что ему не уступили место, третий – просто потому, что ему не нравится морда, по которой он бьет... (I, 65)

(2006)

Интервьюер: *А Вы в морду кому-нибудь давали?*

Давал! У меня все руки разбиты, и нос тоже.

Ну это в юношестве, да?

И совсем недавно, к сожалению.

Я не сторонник мордобоя, но есть ситуации, когда малой кровью можно предотвратить большую.

А как Вы чувствуете такие ситуации?

Это вещь интуитивная...

То, о чем я рассказываю, произошло на борту самолета, который уже выруливал на взлетную полосу. Я понял, что если вот сейчас не остановить одного из пассажиров – абсолютно невменяемое животное, то три с половиной часа полета превратятся в пытку, и все равно столкновения не избежать. В результате самолет возвратился, чтобы высадить пассажира – редчайший случай в Шереметьеве.

А посмотри, что происходит в стране! Часто возникает точно такое же внутреннее ощущение: если сейчас сделать немного больно, то можно приостановить нечто такое, что может превратиться в бесконечную боль для бесконечного количества людей.

Это очень страшная штука, очень ответственное решение, потому что никогда не хочется быть непопулярным. (II, 53)

ДРУЗЬЯ (1994)

Я не выбираю друзей по их должностям.

Александр Сергеевич Пушкин (я не сравниваю никого ни с кем) в разговоре с императором Николаем Павловичем на вопрос государя, был бы он на Сенатской площади, ответил:

«Не разделяя преступных замыслов товарищей моих, я был бы там, ибо там были мои товарищи». Более полно ответить на этот вопрос невозможно... (XI, 1)

(1994)

Друзья... конечно, они есть.

Актер Женя Стеблов, с которым мы можем сутками разговаривать, перебивая друг друга, хлопая друг друга по коленям, обливаясь слезами неизвестно почему...

И Леша Артемьев – композитор, совершенно изумительный, с которым мы можем не видеться месяцами, но для меня достаточно осознания того, что он где-то сидит со своей бородкой и мычит себе под нос какую-нибудь мелодию...

Для меня понятие «друг» определяется очень точной репликой, не помню чьей: «Не тот друг, кто с тобой, когда ты прав, а тот, кто с тобой, когда ты не прав...» (I, 65)

(2002)

Интервьюер: *Ваши друзья – это в основном знаменитые люди?*

С известными людьми я общаюсь постольку-поскольку. Светская жизнь мне неинтересна.

А что касается друзей, то в основном это моя охотничья компания – егеря, охотоведы. Другом может быть и губернатор, если он охотник.

Вообще у меня нет разделения: вот эти люди со мной на

работе, а эти – на отдыхе.

Друзья всегда рядом.

И я с ними люблю посидеть за столом. Мы выпиваем. И в нашем общении не существует никакого табу. Происходят такие встречи обычно до или после съемок.

Ну как еще расслабиться?

Сегодня посидели, обсудили, отрепетировали, решили завтра снимать. Общение с людьми за рюмкой – это великая вещь.

И, слава богу, здоровье пока позволяет. (II, 41)

(2011)

Интервьюер: *Вам привычнее со старыми друзьями или впускаете в свой круг и новых?*

Наверное, со старыми.

Есть некая атмосфера, которую нельзя нарушать...

Я сделал такой вывод: человек зависимый и неталантливый живет тем, что о нем думают другие, а человек независимый и небездарный существует тем, что он сам думает о других. Я предпочитаю, чтобы вокруг меня были такие люди.

Совсем близко к себе допускаете людей?

Наверное, к сожалению, я сейчас в этом не очень нуждаюсь... (XV, 52)

Александр Адабашьян

(1988)

С Александром Адабашьяном мы дружим лет с сорока, когда о кино оба всерьез не задумывались.

Он окончил Строгановку, я – ВГИК.

В какой-то момент решили работать вместе. Сначала как художник и режиссер. Потом стали писать и сценарии.

Тут сразу многое сошлось: и то, что много лет хорошо знаем друг друга, что у нас схожие вкусы, что оба имеем определенный литературный дар. (II, 16)

(1989)

Лишь очень немногие любят меня по-настоящему: прощают, строго оценивают, не боятся сказать правду... Это Рустам Ибрагимбеков, Роман Балаян, Толя Ермилов, до последнего времени Саша Адабашьян, пока мы с ним не разошлись, что было для меня событием, вторым по значению потери после смерти матери.

Я не хотел бы вдаваться в подробное объяснение: оно очень личное. Но думаю, что главную причину назвать вправде, ибо в данном случае я считаю себя брошенным, а не наоборот.

Саша сейчас сам собирается снимать картину.

Я много лет подряд предлагал ему это. Первый раз в 1975 году. Мы приступали к работе над «Неоконченной пьесой для механического пианино». Уезжал мой брат. Я не знал, как все повернется. Могло быть очень худо для всех нас. И предложил Саше возглавить собственный фильм, заняться

режиссурой.

Но он сказал тогда: «Никита, не валяй дурака. Я первый классный оркестрант, но никогда не собирался и не хочу быть дирижером».

Теперь, наверное, могу рационально понять какие-то причины, которые столь сильны, чтобы разрушить двадцатипятилетнее братское общение. Обидно и печально другое: такая простая вещь – перейти из одной профессии в другую – потребовала жестоких, таких кровоточащих санкций для осуществления.

Надеюсь, что время должно поставить все на свои места...
(I, 28)

ДТП (2004)

Интервьюер: *Сильно разбили машину?*

Сильно...

Но слава богу, что хоть так обошлось.

Представьте: ночь, метель, страшный гололед... И в этой ситуации фура, перекрыв своим хвостом всю трассу, решила сделать разворот. А за ней, оказывается, пряталась вторая фура, делавшая тот же маневр. И когда мой водитель обошел первую фуру, перед ним метрах в пятнадцати вырос хвост второй. Мы обошли и эту фуру – и все бы ничего. Но тут нас потащило и ударило боком о машину, которая разворачивалась следом за ними и тоже была не видна.

Жалко парня! У меня-то машина застрахована на полную сумму, а у него оказалась только автогражданка...

То есть в этой ситуации ни он, ни Вы не были виноваты?

Нет, абсолютно.

Парень Вас узнал?

Еще бы не узнал, когда мы четыре часа провели в метели, разбираясь с автоинспекцией. Но вот эти два подонка, которые уехали... А чего им не уехать, если они никого не зацепили – к ним формально претензий нет... (I, 103)

ДУМА ГОСУДАРСТВЕННАЯ

(1996)

Нигде, никогда и никому я не сказал, что собираюсь занимать депутатское место.

Прийти в избирательное движение «Наш дом – Россия» – это был мой поступок, и он связан с тем, что я не видел иной возможности быть услышанным...

Не став парламентарием, поступил в соответствии с теми принципами, по которым живу...(I, 66)

(1999)

Что касается Думы, то российская история показывает: ни одна из них хорошо не кончила.

Но я глубоко убежден: ну не могут там сидеть только идиоты и преступники. Там должны быть нормальные люди.

Да, в эту Думу, безусловно, будут рваться и за иммуни-

тетом, и за привилегиями. Но ведь будут там и совершенно другие люди, к мнению которых будут прислушиваться, и таких нормальных людей будет гораздо больше, чем четыре года назад. Главное, что это не один человек, и это вселяет в меня надежду... (I, 78)

ДУХОВНОСТЬ

(2011)

Интервьюер: *Последние лет пять мы перестали говорить о душе, духовности – и Вы, в том числе, что-то замолчали...*

Я очень рад, что перестали говорить о духовности, потому что о ней болтали, как правило, вполне бездуховные люди. Само слово «духовность» поблекло, истрепалось, потеряло свой истинный смысл. Сегодня мне кажется, что духовное – это не то, что ты говоришь, а то, что ты делаешь. Если пишешь книги или занимаешься живописью, ставишь спектакли или снимаешь кино, то духовное значение имеет только результат – влияние на тех, кто слушает, смотрит или читает тобою сотворенное.

Поэтому для меня сегодня разговор о духовности совершенно девальвирован. Если говорящий не может предъявить что-то им сделанное, что действительно является свидетельством жизни человеческого духа, то слова, произносимые им, не имеют никакого значения.

А есть кому делать-то?

Конечно! Таких людей много в русской провинции – умных, тонких, деятельных, веселых и самоотверженных... (II, 69)

ДЫХАНИЕ ОТЕЧЕСТВА **(2005)**

Я совершенно убежден, что нам всем необходимо ощутить единое дыхание этого огромного пространства – дыхание нашего Отечества.

К сожалению, опыт показывает: чтобы это случилось, России необходимы были катаклизмы – войны, нашествия.

Понимание огромности страны и ее дыхания приходит не ко всем. И у многих, от кого сейчас зависит происходящее в стране, этого дыхания нет.

Это проблема довольно серьезная.

Я давно предлагал хотя бы раз в квартал заседания правительства проводить в разных местах: в Новгороде, в Иркутске и так далее...

Без ощущения этой атмосферы поднять страну невозможно. (I, 114)

ДЫХОВИЧНЫЙ **(1998)**

Интервьюер: Дыховичный в одном интервью сказал: «Я знаю, как Михалков на съезде Союза кинематографистов все срежиссировал. Они же за него проголосовали, как бол-

ванки...» И о вашей родне: «Михалков доказывает, что он происходит от какого-то постельничего какого-то царя. От холуя то есть...».

Не верю.

Ваня мало что режиссер талантливый, так еще и человек умный.

Во-первых, как он мог назвать болванками четыре тысячи своих коллег, среди которых были его учителя и товарищи? А во-вторых, Иван человек образованный. Он должен ведать о том, что во времена царя Михаила Федоровича постельничим мог стать только царский родственник.

Да и потом, думаю, Иван человек дальновидный, зачем ему оскорблять чужих предков?

Ну ладно, берем другое интервью: «Мы с Никитой произошли из одного мира. С пяти лет нас пытались подружить. Но он к этому не способен. Это человек, который людей воспринимает как вещи, как свой фон. Он – дрессировщик, а не друг. Я про него все понял, когда умер мой отец и он позволил мне и сказал: «Приезжай, Ваня, я хочу выразить тебе соболезнования...»

Видимо, это тоже журналистская выдумка.

Кто поверит в сказанное, если узнает всего один факт: когда умер отец Вани, чудесный, замечательный человек Владимир Дыховичный, мне было лет восемнадцать-девятнадцать, а Ивану соответственно шестнадцать-семнадцать. В этом возрасте позвать друга, чтобы выразить ему соболезно-

вания в подобной форме – да это клинический случай! Я и в свои пятьдесят с гаком лет пока не дошел, надеюсь, до такого жидкого маразма.

Кстати, тогда, после смерти Ваниного отца, я испытал одно из первых душевных потрясений, столкнувшись с жизнью взрослых: на панихиде обратил внимание на очень удрученного и подавленного Константина Симонова, а буквально через пару часов увидел его же, оживленно рассказывающего что-то смешное. Сейчас понимаю, что в этом не было ничего аморального или кощунственного – такова жизнь, в ней все рядом, но тогда поведение Симонова казалось мне верхом лицемерия.

В день похорон мы с Ваней сидели у меня дома и пили водку, сокрушаясь из-за того, сколько в людях фальши, лжи и неискренности.

Так что давайте закончим всю эту канитель. Не хватало еще нам с Дыховичным очные ставки проводить.

Повторяю, я Ваню считаю человеком талантливым, жаль только, что в своем уже достаточно солидном возрасте он все еще почему-то считается молодым, начинающим режиссером... (II, 30)

ДЯДЯ МИША **(2001)**

Мой дядька, родной брат отца, Михаил Владимирович Михалков, прожил за пять лет войны все, что ему было от-

пущено прожить за жизнь. Ни до, ни после он никогда не испытывал тех пиков жизни, которые он испытал на войне.

Его расстреливали три раза, он двенадцать раз бежал из плена. Он был в Бресте в первый день войны, а потом он все четыре года шел к своим...

Интервьюер: *Расстреливали-то наши, смершевы?*

Нет. Расстреливали немцы, когда он был в лагере...

Однажды, когда он вел меня из школы домой, мы с ним обходили яму. Он мне говорит: «Пойдем, пойдем быстрее». Я ему: «А что такое?» А он отвечает: «Яма мусорная, видеть ее не могу...»

Тогда, в Германии, когда он понял, что его будут расстреливать, он рыл яму для мусора...

А случилось вот что: он со своим другом-однокашником, грузином, чистили тупыми ножами столы обеденные, вдруг вошел какой-то фельдфебель и начал говорить по-немецки, а дядя Миша ему автоматически по-немецки ответил (в отцовской семье с детства хорошо говорили по-немецки). А в лагере было категорически запрещено скрывать то, что ты умеешь говорить по-немецки. И тогда фельдфебель доложил об этом нарушении дежурному офицеру, а тот приказал: «Расстрелять обоих!»

И им приказали рыть в густом мягком черноземе яму. Они стали рыть, вырыли уже по грудь. И дядя Миша сказал своему другу: «Знаешь, нас сейчас расстреляют». У того почти истерика началась.

Тут подходят офицер с фельдфебелем и говорят им: «Ну что, вырыли яму?» – «Вырыли». – «Ну хорошо, а теперь – марш на обед. Это яма для мусора».

Когда дядя Миша это перевел, его напарник, решив, что он специально его разыграл, кинулся на него с лопатой. И фельдфебель застрелил его...

«После этого ужаса, – вспоминал дядя Миша, – для меня понятие страха вообще перестало существовать, это был ружбеж...»

Поразительно... Уже потом в России, после того как он попал в одиночку, а затем в лагерь, и отец разыскал его, он написал ему: «Я бежал из немецких лагерей, а куда мне бежать сейчас? Мне нетрудно убежать отсюда, потому что немцы охраняли лучше, но куда бежать?!»

Вот такая семейная «частная история», а сколько в России было таких историй?.. (V, 6)

Е

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

(1998)

Мы все должны понять одну важную вещь: есть единственное образование на Земле, которое является реальным мостом между Востоком и Западом. Это – Евразийское пространство с центром в России.

Можно сколько угодно шутить, что Евразия – это то же, что Азиопа. Но это единственное пространство, которое пропускает через себя степные ветры Востока, благодаря 270-летнему «татаро-монгольскому игу» (в кавычках, согласно Льву Гумилеву, с которым я согласен), и в то же время полной грудью воспринимает европейскую культуру.

Это – мост, соединяющий в себе одно и другое. (*I, 76*)

ЕВРАЗИЙСТВО

(1991)

Под идеей евразийства я понимаю консолидацию всех желающих вокруг России, которая является евроазиатским континентом. Я не то чтобы увлечен идеями евразийства, я просто не вижу иного выхода на сегодняшний день.

Россия всегда была тем балансом, тем институтом, включающим в себя и культуру, и историю, который вносит равновесие между Востоком и Западом.

Россия всегда была Евразией.

Нужен Союз суверенных евразийских государств, который и поставит Россию в центре. Как это уже и было, в силу того что Россия и есть центр. (I, 41)

ЕВРАЗИЙЦЫ **(1991)**

Мы, россияне, в глубинной своей сути не славянофилы и народники (как принято думать) и не западники (как бы того ни хотелось многим).

Мы – евразийцы. Люди, для которых священно творческое значение самодержавной личности, в том числе и в области хозяйственной; люди, которым чужд уравнилельный экономический коллективизм; люди, которые помнят свою историю, любят свою землю, для которых всегда служила опорой Русская православная церковь.

Мы не задворки Европы, мы – ворота в Азию... (I, 41)

ЕВРАЗИЯ **Евразия-Россия** **(1992)**

Мы единственное в своем роде государство, определяемое геополитическим пространством, – не Европа, не Азия, а Евразия, которая включает в себя все, свойственное и тому и другому.

Поэтому я считаю, что единственная организующая цен-

трогостремительная идея – это движение национального самосознания к континентальному евроазиатскому самосознанию. Центрогостремительность этой идеи я вижу в том, что она ведет к соединению в Союз суверенных евроазиатских государств.

Это избавит другие народы от набившей оскомину идеи «старшего брата», а с другой стороны, это опять же поставит в центр ту самую Россию, вокруг которой собирались государства, искали у нее защиты, хлеба, возможности развивать свою культуру и при посредстве русского языка вливаться в общемировое единство и мировую культуру... (II, 25)

ЕВРЕИ

(1998)

Недавно меня в очередной раз назвали великорусским шовинистом, сиречь – антисемитом.

Прикажете доказывать, что это ложь, ерунда?

Прежде чем писать, задумались бы: если я такой ярый антисемит, стал бы приглашать на IV съезд Союза кинематографистов главного раввина России, да еще и давать ему слово?

Давно понял, что наиболее действенный способ борьбы с хулой и клеветой – не реагировать на провокации. Я никого не вызываю в суд или на дуэль.

Это страшно распаляет моих критиков...

Предпочитаю разговор открытый, прямой.

Если же спор идет на уровне: «Вы не любите евреев», то... не стану же я бить себя в грудь и доказывать, что я обожаю их!

Для меня нет национальностей, я любого назову братом, если человек чувствует, любит, хочет понять мою страну, готов помочь ей. А Иван Иванович Иванов окажется полным говном, если равнодушен и высокомерен к России.

Дело отнюдь не в фамилии или в пятой графе. (I, 71)

(2001)

Я никогда не ставил мои отношения с людьми в зависимость от их национальности.

Любой, кто любит, ценит и уважает мою страну, ее культуру, историю и традицию – мой брат, кто бы он ни был.

Исаак Левитан был евреем, но я не знаю, кто бы еще из русских художников мог так слиться с русским пейзажем, так его почувствовать, так полюбить, так передать эту любовь зрителям.

Марк Шагал тоже был великим художником и тоже был евреем, тоже жил в России, на его холстах отображены образы его снов, его ощущений. Шагала я чувствую меньше, чем Левитана, но это вовсе не значит, что я против евреев.

И вообще, есть смешная шутка: «У каждого русского есть свой еврей, за которого он любому голову прошибет».

Я не люблю излишества и дурновкусия, не люблю крикливости и ложной многозначительности, не люблю вызыва-

ющего всезнайства и всеразъедающего сарказма.

Меня раздражает хамство и упивание безнаказанностью за него, но эти качества присущи не народам, а отдельным особям, причем независимо от их национальности. (II, 36)

(2009)

Интервьюер: *Говорят, Вы евреев не любите – это так?*

Вопрос замечательный!

Мне это Марк Рудинштейн поведал и еще несколько человек...

Рудинштейн не любит меня, а я не очень жалую его, но не потому, что он еврей, а потому что жулик. Этот деятель должен был отдать мне денежный приз за какой-то из его фестивалей – уж не помню, какой, и не отдал, но дело не в этом, я не потому отношусь к нему достаточно иронично.

Знаете, для меня русский – любой, кто любит и чувствует мою страну, кто знает ее и хочет быть вместе с ней и в горе, и в радости. Любой!

Вот Левитан – еврей?

Как посмотреть...

Да вот так, как Вы меня про евреев спрашиваете.

На холсты бросишь взгляд – русский...

Вот и ответ на ваш вопрос.

Глупо пытаться доказывать, как некоторые, что у меня куча друзей-евреев, – это идиотизм полный! Для меня такого понятия нет вообще, как и внутреннего отторжения, свой-

ственного антисемитам. Но это же существует, и не зря в России поговорочка такая гуляет: «Нос горбат, живет Арбат, много зарабат». Это же из народа идет. А ругать евреев за то, что они умнее, глупо, лучше самому учиться.

Понимаете, разрушать мечеть вместо того, чтобы рядом построить храм, нелепо. Меня созидание интересует, а не возможность занять чье-либо место, и если человека берут на работу потому лишь, что он еврей, или не берут по той же причине, это одинаково глупо и пошло. Все-таки если он может выполнять поставленные задачи, работать на дело, которым занимается, и на страну, нет разницы, какой он национальности.

Проблема в том, что это для определенной категории людей как раз самое удобное оправдание. Вот, допустим, Вы говорите, что меня многие ненавидят.

Почему?

Да потому, что я, Михалков, якобы не люблю евреев, а доказательств никаких нет. Если я дал по морде хаму, а тот оказался евреем, это не значит, что мне евреи не нравятся. Я терпеть не могу хамов, и тут ничего не поделаешь. С тем же успехом могу дать и киргизу, и русскому, но кое-кто сразу же под свою ненависть некую базу подводит: «Аа-а! Ну понятно...»

Посмотрите картину «12» и поймете, люблю я евреев или нет. (I, 137)

ЕВРОПА

Европа и Россия

(1994)

Дело в том, что сегодня многие, если не большинство, из наших политиков с радостью (я не сомневаюсь в их наивной искренности) оперируют неким стандартным набором политико-исторических постулатов, оправданных на уровне европоцентристского мышления.

Короче говоря, проводится мысль о том, что в перспективе мы должны и обязаны жить как в Голландии, Англии, Финляндии, США.

В этом нет ничего предосудительного, если бы не одно обстоятельство – мы никогда не будем жить, как в Голландии, Англии и так далее.

Мы будем жить как в России.

Между тем иллюзия европейской модели существования нашего государства становится сегодня государственной доктриной, и я предвижу очередной грандиозный крах и грядущий коллапс, когда российский организм «переварит» это очередное заблуждение нашей увлекающейся интеллигенции.

Все это уже было в нашей истории, и, откровенно говоря, наш опыт социалистического преобразования страны был, по сути дела, процессом переваривания российским организмом европейских догм эгалитаризма и утилитаризма, идей «свободы, равенства, братства»...

То, что сегодня нас подталкивают к еще одной европоцентристской схеме общечеловеческого счастья, некой единой модели, меня, во всяком случае, тревожит. Я мог бы вспомнить немало предостережений, произнесенных на сей счет (Ф.М. Достоевский, К.Н. Леонтьев, Н.Я. Данилевский, Ю.Ф. Самарин), но из множества сошлюсь на Ф.И. Тютчева: «Нам известно идолопоклонство людей Запада перед всем, что есть форма, формула и политический механизм. Идолопоклонство это сделалось как бы последней религией Запада»... (I, 62)

Единая Европа (2005)

Европа думает, что если пятнадцать стариков объединятся, то получится один молодой. Это будет хороший дом, но для престарелых.

Почему у них не проходит референдум по объединению? Потому что сопротивляется культура...

Интеллектуальный Макдоналдс – не лучшее место для общения. Индивидуальность есть основа всего – культуры, народа, истории. (I, 118)

ЕДА (1992)

Обратите внимание – люди перестали красиво есть.

Они, как правило, не знают, что это такое. Они в течение

многих лет настолько заняты поисками собственно еды, что уже не стоит вопрос о том, что это за еда, как она приготовлена, как подана – в кастрюльке и на кухне или с салфеткой и в столовой.

Эстетика и форма, а в результате и содержание потеряли свой смысл.

Важно – не быть голодным... (I, 45)

(2005)

Надо признаться сразу – поесть я люблю. Как всякий русский, который не может обойтись без доброго застолья так же, как и без быстрой езды. Однако трудно сказать в двух словах почему...

Конечно, наша трапеза не лишена гурманства. Что может сравниться с удовольствием перекатывать во рту нежнейшую сёмужку или вдыхать аромат молодого картофеля, густо сдобренного петрушкой и зеленым луком.

Но все же главное в русской трапезе – это радость собрать за столом, вокруг себя «чад и домочадцев», родичей и друзей и просто гостей, пусть даже и незваных – тех, кого послал Господь отобедать под твоим кровом.

Наш застольный разговор беспорядочен и шумен, и черват подчас нешуточным спором. Заграничные визитеры видят в этом небрежение к еде. У них, быть может, и да. Но у нас – отнюдь. Потому что в глубинных недрах нашей культуры более чем где бы то ни было еще сохранился изначаль-

ный смысл трапезного обряда, не имеющий ничего общего с чопорным «застольным этикетом».

У нас обед, как и тысячелетия назад, сплочает души, близит сердца, единит нашу жизнь.

Замечательно сказал когда-то Чехов: «Люди обедают, только обедают, а между тем строятся их жизни и разрушаются их судьбы». Как точно и тонко. Вся чеховская драматургия в этих словах. Вся ее потаенная глубина и изысканность. (XV, 17)

ЕЛЬЦИН

(1991)

Интервьюер: *Что Вы думаете о Ельцине и его команде?*

Мое отношение к Борису Николаевичу Ельцину складывалось по-разному, причем не в силу того, выигрывал он или проигрывал...

Во-первых, во всех своих поступках — он мужик, что очень важно. Я чувствовал, как в моменты опасности адреналин у него срабатывал отнюдь не в сторону быстрого свертывания своих идей и тихого ухода в сторону.

Во-вторых, он хорош собой, что немаловажно для политика такого ранга, и красив в своих поступках, которые вызывают огромное уважение. (I, 38)

(1994)

Я Борису Николаевичу Ельцину, когда мы с ним встреча-

лись по поводу Фонда культуры, сказал:

«Борис Николаевич! Я – не кузнечик. Я не прыгаю с одной стороны дороги на другую. Я хотел бы Вам сказать, что не любить большевиков – это еще не значит любить Россию. Вы собираете вокруг себя людей по принципу: ты *их* не любишь – иди сюда. Но когда кончится время «не любить», может выясниться, что не любили-то вы все вместе одно и то же, а вот любите вы совсем разные вещи. И тогда неизвестно – чем же эта всеобщая нелюбовь закончится, ибо в России объединяться по принципу «нелюбви» – это самый пагубный путь для страны».

Только хаос может родиться из всеобщей «нелюбви». (XI, I)

(1996)

Сегодня я буду поддерживать Ельцина. И только.

Это его крест. Ему нет альтернативы. Ни один государь в России не отдавал страну тем, кто громче кричит. Ельцин обязан готовить себе замену. Он многое сделал, но не могу сказать – хорошо. Да, ему разрушать интереснее, чем строить. Но сейчас мне кажется, он начинает многое понимать, на своих же ошибках учится.

Я убежден, что он не может уходить со своего места, пока не завершит того, что начал. Иначе все рухнет и развернется обратной кровавой стороной...

Это его крест.

Значит, нужно помочь ему донести его до конца... (I, 66)

(2001)

Про Ельцина можно говорить разное, но очень многие ошибки можно ему простить за одно лишь последнее выступление в новогоднюю ночь.

Потому что как раз этот поступок Ельцина и был реальной тенденцией к преемственности власти. Он не позволил подкинуть страну на «орла-решку» – кто поймает.

Это принципиально важно. (I, 83)

(2005)

Интервьюер: *Коржаков заявлял, что Ельцин в 1996-м стал президентом благодаря Вам, после того как Вы проехали по двадцати шести регионам страны с агитацией.*

Наверное, это правда!

Не помню процентов и рейтингов, но мы действительно много сделали для того, чтобы тогда победил Ельцин. Несмотря на то, что у меня сложное отношение к нему.

Как и у него ко мне, я знаю...

Но в тот момент, я думаю, это было единственным приемлемым выходом. Если б не выбрали Ельцина, было бы хуже.

Вот Вы говорите, что у него было к Вам сложное отношение. А чем Вы ему не нравились?

Он был недоволен моей дружбой с Руцким.

Да... Тогда, как бы это было ни тяжело и, в общем, боязно

– я все-таки публично не отрекся от Саши Руцкого.

А если б я поступил иначе, если б отрекся?

Я не знаю, как бы мне пришлось это самому себе объяснять. Если б я поступил иначе, мне было б намного трудней...

Вы Ельцину сказали, что если бы в октябре 1993-го были в Москве, то обязательно были бы с Руцким в Белом доме.

Да.

И тем не менее через несколько месяцев после этого заявления Вам дали Госпремию.

В общем-то, это в определенном смысле характеризовало Ельцина.

Не знаю, была ли это его инициатива – дать нам Госпремию. Но то, что он не отложил нашу картину в сторону в связи с нашими отношениями, характеризует его как человека, который умеет подниматься над собственными обидами. (II, 49)

(2010)

Интервьюер: *Ельцин для Вас был, я так понимаю, чужим...*

Скорее я был Ельцину чужим...

Мы в разных весовых категориях были, чтобы его можно было назвать «чужим». Я видел его всего три раза в жизни. Чужим был я, это было подогрето его окружением, меня называли руцкистом и так далее... (I, 147)

ЕСЛИ БЫ...

(2010)

Не люблю сослагательное наклонение. Стараюсь не оглядываться назад, прокручивая разные сценарии событий. «Вот если бы тогда иначе сложились обстоятельства, или я бы поступил по-другому, или пришел бы другой человек...»

На все воля Божья.

Правда, я часто повторяю: «Если Господь управит». Но эти слова направлены не в прошлое, а в будущее – как попытка смирения. Могу повторить гениальные слова Юза Алешковского: «Свобода – это абсолютное доверие Богу». (XV, 46a)

Ё

Ё...

(2010)

Ненормативная лексика – это тоже русский язык. Но бывает, что такие слова – просто грязный, вонючий сор. А бывает, как у нас в финале «Цитадели», когда русская старуха, которую играет Инна Чурикова, говорит полоумному немцу (она его приютила и теперь готова быть расстрелянной вместе с ним): «Ну, ё... твою мать! Я же тебе говорила! Зачем палкой, б..., вышел махать!»

Обращения в Минкульт с требованием запретить любое нецензурное слово на экране, на мой взгляд, бессмысленны. Проблема не в словах, а в уместности их употребления. Допустим, в сцене боя мат – самое яркое и полное выражение человеческих чувств. (XV, 46a)

Ж

ЖЕНЩИНЫ (1992)

Все мои картины, так или иначе – это извинение перед женщинами.

Потому что единственное существо на свете, которое имеет как бы прямую связь с Богом, – это женщина. Вне зависимости от того, что она по сути своей от дьявола. Все крайние поступки – доброты и жестокости, любви и ненависти, хитрости и самоотречения – это женщина. Я бы сказал, что через женщину Бог соединяется или разделяется с дьяволом...

Зависимость женщины от мужчины?..

Она ее хочет и не прощает, она о ней мечтает и ей сопротивляется. Она хочет рабства и в то же время борется за эмансипацию. Она хочет сильного мужчину и в то же время хочет, чтоб его «где положил, там и взял».

Ее противоречие – ее суть.

И единственно, что женщину навсегда отделяет от дьявола, – это божественная связь через пуповину, через зарождение в себе другой жизни. Женщина всегда существо божественное, и я прощаю ей ее дьявольщину только за то, что через пуповину она имеет возможность, ощущая в себе иную жизнь, ощущать Бога. И мы все виноваты перед женщиной, мы всегда перед ней в долгу...

Однако это не противоречит моему ощущению: я азиат

по своей структуре и считаю женщину низшим существом. И азиатская, и русская женщина нуждается в сильном мужчине, ее мечты о прекрасном принце – не о красавце Алене Делоне, а о мужественном сильном защитнике, опоре.

Вот в этом странном соединении моих амбиций и рождается мое отношение к женщине. Я всегда виноват перед ней, но никогда ее не прощу. (II, 23)

(1994)

Женщина?..

О женщина, твой вид и взгляд Меня ничуть в тупик не ставит, Ты вся как горла перехват, Когда его волнение сдавит...

Так писал Пастернак...

Вы знаете, у меня сложные отношения с женщинами, по крайней мере, через экран.

После того как я снялся в картине «Вокзал для двоих», за мной ходили толпами люди, и я все время слышал: «Сама-сама, быстренько-быстренько, сама-сама...».

Я не знал, куда деться.

После того мне стали писать письма на мой московский адрес, но адресованные Людмиле Гурченко, видно предполагая, что после того, что мы там творили с ней в поезде, я, как приличный человек, должен на ней жениться...

Я решил исправить это положение, принял предложение Рязанова и снялся в «Жестоком романсе». Но тут началось

еще почище. Стали писать такие письма: «Ну, ты и котище».

Тем не менее женщины хоть и народ солидарный, но все же права Раневская Фаина Георгиевна, которая однажды высунулась из своей гримуборной, а по коридору шли в это время три молодых актрисы, так она у них спросила: «Против кого дружите, девушки?»

Вот по причине «против кого дружите» я и получал очень много писем после «Жестоккого романа»: «Ну ты, конечно, и сволочь большая, но все-таки в тебе что-то есть...» А одно письмо было просто потрясающее, искреннее очень письмо, в том смысле, что: «Жалко, конечно, Лариску, ох, жалко! Но все-таки она пожила!»

Такая тоска в этом всем по какой-то силе, по жажде зова «поедемте за Волгу, Лариса, кататься!».

Ведь и знают, чем все кончится, а идут.

И вот в этом, на этом стыке, наверное, и происходят эти наши отношения с женщинами.

Потому что, с одной стороны, конечно, никогда никто из мужчин не может ощутить того, что Бог дал ощутить женщине: когда в тебе возникает новая жизнь, чья-то новая. И это прямая связь с Богом. Это абсолютно божественно...

А с другой стороны, я думаю, что женщина так соскучилась по желанию *быть женщиной* – защищенной, слабой, любимой, то есть вот по этому самому желанию не оказаться в ситуации «сама-сама, быстренько-быстренько».

Понимаете?

И вот, наверное, стык этих двух картин стал для моих зрительниц тем краеугольным камнем, после которого они стали очень жестоко ко мне относиться. Потому что, с одной стороны, «сама-сама», а с другой стороны – «поедемте кататься».

А где – настоящее, вот в чем вопрос?

А вот этого как раз и не обязательно знать... (XI, 1)

(1995)

Мои отношения с женщинами не были мучительны.

Не было такой, знаете, тяги к самоистреблению. Думаю, что эти отношения всегда были взаимны в том смысле, что если они остывали, то с обеих сторон. Не было ни хлопанья дверьми, ни того, чтобы она возвращалась с чемоданом...

Встречая своих прежних возлюбленных на улице, я не перехожу на другую сторону, и они тоже.

Думаю, никто из них не может сказать: «Этот подлец меня обманул!» – хотя бы потому, что я с самого начала расставлял все точки над «i». Объяснял, каковы мои приоритеты: сначала работа, потом друзья... (II, 28)

(1999)

Мы не представляем себе, какую разрушительную силу может нести женщина.

Женщина – вся крайность.

Самые жестокие надзиратели были женщины. Верные, от-

дающиеся и мужественные до отчаяния, до бессмысленности – тоже женщины.

Ненависть женщины – не дай Господь!

Я говорю о квинтэссенции женщины, потому что есть женщины ледяные, с мужским умом.

Я не могу представить себе Маргарет Тэтчер с женской слабостью, к примеру, с обидой на мужа. Мне кажется иногда, что трагедия 1917 года и вообще все то, что двигало к 1917 году, очень во многом зависело от женщины – от императрицы Александры Феодоровны. Зависимость императора от семьи была настолько велика, что он переставал быть самодержцем, все решала жена.

Это может быть очень опасно.

Или уж тогда надо быть Екатериной Великой, когда ты все берешь в свои руки.

Интервьюер: *Вас трудно заподозрить в том, что Вы не любите женщин, но говорят, что Вы по отношению к женщинам ведете себя жестко...*

Отношения с женщиной – это потрясающей сложности инструмент, тончайший.

Есть женщины, которые настолько знают, что они прекрасны, что такое отношение к себе может в мужчине вызвать желание разрушить в ней этот стандарт. Есть женщины, которые становятся красивыми, только когда долго-долго с ними общаешься.

Вот мужчина смотрит иногда на чью-то жену и думает:

«Ну как он может быть с такой уродиной, вот я бы – никогда...» Потом ты долго смотришь, общаешься и видишь, что улыбка замечательная, смеется потрясаяще. Так мыслит чудно. Причем мыслит не в том смысле, что умная, а что – все очень связано. Обаяние такое обволакивающее.

Я думаю, что самая дорогая красота в женщине – это та, которая не видна сразу...

Вам при вашей популярности наверняка доводилось говорить женщинам «нет». Что Вы при этом чувствуете?

Если Вы подразумеваете, чувствую ли я неловкость, то нет. Это нормально.

Вы понимаете, все в определенном смысле – режиссура. Ты же можешь сразу понять или, по крайней мере, почувствовать сверхзадачу женщины. Тогда можно выстроить свое поведение так, что не приходится отказывать. (II, 31)

(2000)

Интервьюер: *Долгие годы половина женщин страны страдала по вашим усам. Изменилась – количественно или качественно – армия ваших поклонниц?*

Дело в том, что как тогда я ничего не ощущал, так и теперь. У меня времени не было. Правда. Я кино снимал.

Так что, если теперь у меня стало меньше поклонниц, чем прежде, я об этом не знаю.

Женщинам будет очень печально это прочесть.

Ничего не поделаешь.

Могу ответить на долгий взгляд, скажем, в ресторане. Это и есть самое интересное, а потом уже все одинаково.

Но я не хочу быть понятым пошло. Вы еще подумаете, что я такой вечно подмигивающий дамам персонаж, который этим скрывает свой нервный тик... (III, 6)

(2006)

Интервьюер: *Кроме всех ваших многочисленных талантов, Вы еще и признанный покоритель дамских сердец. Комплиментов от женщин в вашей жизни не стало меньше?*

Я их никогда не слышал или не слушал.

Я говорю совершенно искренне. Может быть, я бы их и слушал, если бы слышал... (XV, 29)

(2007)

В жизни всякое бывало, но за любой связью с женщиной у меня стоит история.

Кто-то умный сказал: «Человек есть не средство, а цель».

С позиции мужчины существует единственный критерий во взаимоотношениях с женщиной: в физической близости с ней ты получаешь наслаждение, удовлетворяя партнершу. Не берешь, а даешь. Ей должно быть хорошо, и тогда она доставит радость тебе.

Только так!

Поэтому ненавижу разговоры, как кто-то в баньке развлекался с дюжиной девиц. И олигархам, возящим за собой га-

ремы, не завидую. Баб они могут менять хоть каждую ночь, но толку-то? Не зря ведь мой бывший тесть Александр Вертинский пел когда-то: «Как хорошо проснуться одному...» Много – не значит здорово. Вопреки законам диалектики, количество не всегда переходит в качество. Ничего принципиально нового, тасуя партнерш, не откроешь, в конечном счете все у всех устроено одинаково. А в памяти и в душе остается лишь то, чего не потрогать руками. (II, 57)

(2008)

Интервьюер: *Картина «12» была чисто мужская, и Вы заметили как-то, что хотели бы снять и «женский» фильм. Но у Вас во всех фильмах женщины какие-то идеализированные, слишком хорошие. Это соответствует действительности. Вы никогда не показываете подлых, скверных женщин!*

Я их видел достаточно. Слава богу, не в близкой своей жизни. Я таких женщин ненавижу и боюсь настолько, что опасаясь впускать их в свое кино.

Я еще Достоевского так же опасаясь, сыграл только князя в «Униженных и оскорбленных», да подпустил «достоевских» интонаций в Пожарского из «Статского советника»...

Женское негативное начало намного страшнее мужского, а экстраординарное мужское негативное начало – как правило, очень женское. Подлый мужчина – как будто существо женского рода. Ведь любая подлость не имеет прямого дви-

жения, она имеет движение скрытое, женственное.

Если говорить о разрушительных женщинах, то их зеркало – мужчина, который рядом с ними. Не та женщина страшна, которая рвется к власти, крикливая, грубая, противная, глупая – такие, в сущности, чаще всего безобидны. А вот если рядом с ними мужчина теряет себя и превращается в не пойми что. Становится опустошенным, безвольным, каким-то образом она с ним это делает – вот где негативное влияние.

Я вообще опасаясь мужчин, которые находятся под всеобъемлющим влиянием таких женщин. С ними невозможно иметь дело. Да, такие явления достойны, конечно, серьезно-го художественного разговора. (I, 132)

(2009)

Вопрос: *Вы влюбчивый? И какой тип женщин Вам нравится?*

Конечно, влюбчивый! А разве не заметно?

А что касается типа женщин – смотрите мои фильмы. (XV, 41)

(2009)

Интервьюер: *Я представляю (вернее, даже не могу представить), как Вас любили (и любят!) женщины – Вы страдали от этого или Вам их пылкое обожание нравилось?*

Над этим я как-то никогда особенно не задумывался, хотя,

конечно, отношения с женщиной – импульс огромный. Они заряжают энергией, впрыскивают в кровь абсолютно необходимый адреналин, но во главу угла я никогда это не ставил – работа и друзья были для меня важнее, чем женщины.

Простите, это не кокетство?

Я обещал отвечать искренне!

Вы можете себе представить, что бы я мог в жизни успеть, если бы главным для меня был успех у женщин? Кстати, чем больше пытаешься им вскружить голову, тем меньше у тебя шансов, потому что абсолютно бессмысленно пытаться пробиться к женщине, если с самого начала между вами не возник ток.

Вообще отношения сильного и слабого пола – штука загадочная... Нравится – не нравится... Это на таком расстоянии и столь тонком уровне происходит, что ты едва можешь понять, возможно ли что-то. Тут очень важно выдержать паузу, а если ты в ту же секунду начинаешь, что называется, бить копытом, половина женщин подумает: «Аа-а, похож на других» – и уйдет.

Признайтесь, а Вы уводили когда-нибудь у кого-нибудь даму сердца или, быть может, уводили у Вас?

У меня – случилось, а уводил ли я? Не знаю...

Я никогда не нарушал того, что уже как-то сложилось, но иной раз какие-то женщины, которые были с кем-то, потом оказывались со мной. (I, 137)

(2010)

Женщина. Всегда – стимул. Огромный креативный стимул. Почти все мои фильмы о женщине. О запретной любви. С одной стороны, как говорится: «Баба – она и есть баба». А с другой – такая тончайшая вязь перламутра в отношениях, которые могут ничем не закончиться и даже не начаться, но вот эта разница температур, эта вибрация воздуха между вами, когда даже прикосновений не надо, и все понятно, и уже были друг с другом, хотя вроде бы ничего не было...

Мне нравится ставить женщину в тупик. Вдруг двумя словами ты разрушаешь все, что она вокруг себя понастроила, – так изящно и, как ей кажется, неуязвимо... (XV, 46a)

«ЖЕСТОКИЙ РОМАНС»

(1993)

Интервьюер: *«Жестокый романс» – Вы сыграли в нем главную роль?*

Рязанов мне прислал сценарий, к которому была приложена записка: «Если ты и Андрей Мягков будете сниматься, я буду снимать картину, а если нет, то не буду».

Опасность была огромная.

Если бы Рязанов попытался снимать кино в противовес старой картине «Бесприданница» или с оглядкой на нее, то это была бы катастрофа. И если бы я попытался играть, пытаясь противопоставить свою игру Кторову. Поэтому для меня самый главный вопрос заключался в том социальном сре-

зе, что ли. Если у Кторова Паратов – аристократ по поведению, привычкам, то мне хотелось показать ту часть русского общества, которая сама себя сделала – купечество российское...

Для меня эта работа была сложная, потому что в голове нужно было все время держать эту картину.

Подобрался замечательный ансамбль артистов: Мягков, Алиса Фрейндлих, Алексей Петренко, Лариса Гузеева, то есть была довольно мощная актерская, к тому же было много импровизирующих, фонтанирующих идей, которые Рязанов очень умно отбирал и использовал, а это, во-первых, очень тешит тщеславие актеров, что это его заслуга, он придумал, а во-вторых, это дает раскрепощение актерам, когда они начинают придумывать и выдавать.

Снималась картина на Волге, в Костроме, это было чудесное время. Вот там я впервые почти физически ощутил свои корни по отцовской линии, и вместо отведенных трех недель я отложил все свои дела и провел там два месяца, в спокойствии работая над ролью.

Фильм имел большой успех и хорошие отзывы. (III, 2)

(2009)

Интервьюер: *В фильмах «Вокзал для двоих» и «Жестокый романс» Вы сыграли два удивительных мужских типа – ну очень мужских... Скажите, Паратов из «Жестокого романа» Вам близок по духу, по ощущению?*

Да ну конечно.

Неужели играли себя?

Ну, я в любой роли, даже в «Жмурках», в какой-то степени самым собой остаюсь... Без этого обойтись невозможно: так или иначе все надо через себя пропускать. Да, Паратов в большой степени хищник...

Ну и я – хищник. (I, 137)

ЖИЗНЕЛЮБИЕ (1992)

Эх, если говорить о жизнелюбии!

Две старушки гуляют на даче по участку – мама и ее подруга Ева Михайловна. Одной – восемьдесят два года, другой – восемьдесят семь. И я застаю их за занятием – кукушка кукует, а они считают, сколько им осталось жить: двадцать три, двадцать четыре... Вот в этом, в этой постоянной удивительной надежде – это Россия, это Вера. И еще мне однажды сказала одна русская женщина: ты не должен бояться ничего, раскрой объятия и иди навстречу жизни.

Это принципиально. Это не вопрос фатализма, это вопрос веры. (II, 23)

ЖИЗНЬ (2000)

Интервьюер: *Вам пятьдесят пять лет – время подводить итоги. Вы довольны тем, как сложилась ваша жизнь?*
Хороший вопрос.

Как Вам сказать... Счастье жизни в самой жизни. И мне

грех жаловаться на что бы то ни было. (II, 33)

(2005)

Интервьюер: *В жизни Вы меняетесь?*

Не-а! Мне тут собрали мои интервью лет за тридцать... Очень странно, я не знаю даже, как это оценивать, но я подписываюсь под каждым словом. У меня может измениться отношение к кому-то или чему-то, но не в основополагающих вещах. (I, 117)

(2005)

Интервьюер: *Интервью на бегу Вам часто приходится давать?*

У меня вся жизнь на бегу... (II, 50)

(2005)

Так или иначе жизнь человеческая пытается быть похожей на режиссуру, потому что все мы режиссируем свою жизнь, кто хуже, кто лучше. (V, 21)

Образ жизни

(2003)

Картина «Свой среди чужих, чужой среди своих» стала моим образом жизни.

Меня много и часто лупили и до сих пор лупят. Некоторые обвинения были справедливыми, некоторые оказались

ложью. Но меня это не отталкивает от жизни в России и не озлобляет против кого-либо.

Я спросил своего духовника: «Батюшка, почему же на меня клеветают?» «Чем больше клеветают, тем чище душа», – ответил мне он. И добавил гениальную фразу: «Демонов немощные дерзости». (I, 99)

Общественная жизнь (2001)

Откровенно говоря, все, что не связано с творчеством, спортом или охотой, меня тяготит.

Когда-то артист Дикий сказал: «Там, где бьет ключом общественная жизнь – творчество мертво»... Мне приходится эти «общественные нагрузки» выдерживать, хотя это и тяжело. И огромное количество вещей и тем – просто неинтересно.

Но что делать?!

«Значит, так надо», – говорила моя мама. Если можно кому-то помочь, надо помогать. Я устаю от этого, но всегда делаю. (II, 36)

Художественная жизнь (2008)

Интервьюер: *В одном интервью Вы сказали, что мы живем в эпоху голых королей, которым никто не говорит, что они голые. Что Вы имели в виду?*

Когда я говорил это, я имел в виду общее состояние нашей художественной жизни. Дело в том, что очень во многом наша проблема заключается в том, что, извините за сленг, понты бегут впереди профессии: банданы, серьги в ушах, джипы, ботинки, такие все мачо... А когда дело касается дела, профессии, оказывается, ее нет.

В чем дело?

Дело в том, что профессия размыта быстрыми деньгами, которые приносила реклама. Сейчас будет намного сложнее... (XV, 38)

ЖИРИНОВСКИЙ **(1994)**

Жириновский – миф.

Проголосовав за него, наш народ просто еще раз доказал свою фольклорность. Встал утром в день выборов, дернул сто грамм, закусил огурчиком и усмехнулся в лицо властям: мол, вы с нами так?

А мы вам вот этакого подбросим... (I, 57)

(1995)

Вот два года тому назад, с утра пораньше, в воскресенье, мы пошли да и выбрали Жириновского... Теперь глядим, как он в Думе за волосы женщин таскает и крестом по башке бьет.

Но он же обещал: каждой женщине – по мужчине, каждо-

му мужчине – бутылку, а всем нам – мыть сапоги в Индийском океане...

Все это мы уже проходили. Но нам все мало! Давайте почесем в затылке и опять поверим кому-нибудь еще... (V, 4)

«ЖМУРКИ» (2004)

Интервьюер: *На днях Вы едете в Нижний Новгород сниматься в фильме Алексея Балабанова «Жмурки». Как Вам сценарий?*

Это такой русский Тарантино. Кроваво, смешно, весело и со смыслом... (XV, 7)

(2004)

Интервьюер: *На роль городского пахана в фильме «Жмурки» Балабанов позвал Никиту Михалкова. Михалков согласился, и это «главный гвоздь» программы.*

Я снимаюсь у Балабанова...

Мой нынешний персонаж – это Андрей-проводник из «Вокзала для двоих», подросший на несколько лет и превратившийся в того, кого я играю сегодня.

Вы знаете, я следую совету моей матушки: «Не важно что, а важно с кем». Дело не в том, что играть, дело в том, у кого сниматься. (V, 19)

(2004)

Я вам честно скажу. Мне было приятно в этом фильме иг-

рать. Получилась такая очень хулиганская, веселая картина. В хорошем смысле этого слова. Так что увидимся на премьере. Приходите, не пожалеете! (I, 112)

(2005)

Интервьюер: *Как Вы оцениваете работу Балабанова-режиссера с позиции зрителя и с позиции актера, снимавшегося в его фильме «Жмурки»?*

Мне замечательно работалось с Балабановым...

Леша человек очень одаренный, глубокий, парадоксальный, очень русский. Он мне рассказывал, что перед съемками вся группа очень волновалась: как работать с Михалковым?

Потом, правда, признавали, что я единственный актер, с которым у них не было проблем, для них это было изумлением.

А все потому, что я уважаю профессию, люблю ее и знаю свое место. Для меня это нормальная вещь, когда выполняешь задание. В любом случае ты внутри этой профессии, ты не вмещаешь сюда ни свои режиссерские навыки, ни идеологию, ни свою гражданскую позицию.

Насколько значительна ваша роль в «Жмурках» и насколько она любопытна для Вас?

Первоначально Михалыч <мой персонаж> был другой, такой нормальный, жесткий вор в законе. Я предложил Леше: «А давай-ка я сыграю другого человека»...

Михалыч – это такой знак, но знак, за которым есть реприза... Страшный человек, и в то же время он должен вызывать смех.

Премьера фильма уже состоялась в США. Не известно ли Вам, какова была реакция американских зрителей?

К сожалению, нет.

Вы называли «Жмурки» китчем, стёбом, а также русской тарантиновщиной. Но ведь Тарантино – это не только стёб, это оригинальная эстетика и философия. В чем, по-вашему, эстетика и философия «Жмурок»?

Я думаю, Балабанов закрывает жанр, им же в определенном смысле и открытый. Это стёб над стёбом.

Этот режиссер прошел круг и вырос над созданным им же самим жанром. Была возможность посмеяться вместе, поэтому я и согласился. (XV, 14)

(2005)

Интервьюер: *«Жмурками» Балабанов закрывает романтически-бандитскую тему в нашем кино. После этой картины ни один нормальный человек не возьмется снимать фильмы про «бригады» и «братков».*

Конечно!

«Всерьез» мы все это уже видели. Кстати, это я убедил Балабанова, что Михалыч должен быть таким. Вы спросите у него, кто предложил ему этот рисунок роли! Человека с железными зубами, с челкой, безумно влюбленного в сына...

Он ведь поначалу предлагал мне серьезно играть! Но, блин, всерьез играть пахана невозможно!

Единственным выходом для меня было – найти для этой роли характерность на самой грани, что довольно опасно.

Характер моего персонажа в «Статском советнике» раскрывается постепенно, раскручивается, как пружина, и к финалу, к цыганочке, скатывается в полную психоделику. Пожарский – глубокий образ, персонаж из мира Достоевского.

А Михалыч – чистый стёб, но все равно в русской актерской школе перевоплощения. Если играть его всерьез – это конец! Когда пришла фраза: «Мамка заругает», которую он постоянно говорит своему сыну, все сразу стало на место. После этого я мог делать все что угодно.

Чтобы взяться за такую роль, нужна некоторая смелость.

Я отвечу одной фразой, но вы меня поймете.

Очень немного актеров, ушедших в «общественную деятельность», могут бесстрашно вернуться к своей профессии, ибо их больше всего беспокоит, как они будут выглядеть.

И то, что мне это не страшно, надеюсь, о чем-то говорит...

Как отреагирует общественность на вашу роль в «Жмурках»?

Я стану любимцем определенной части населения.

А та часть журналистов, которая пишет обо мне почти как о бандите, скажет: «Все, что мы писали об этом человеке и его деятельности, – правда! Наконец он открыл свою истин-

ную физиономию!»

Но мне это нравится!

В этом смысле мы с Тарантино похожи!

У людей сложилось совершенно превратное мнение обо мне. Сами создали этот образ, и сами его теперь боятся и ненавидят. Но я-то здесь при чем? Я другой человек. Во всяком случае, надеюсь на это. (*I, 117*)

(2005)

«Жмурки» – это хулиганская картина...

Это кино, где есть персонажи, которых ты любишь. Другой вопрос, а можно ли, а нравственно ли...

И потом, режиссер очень правильно использует свой авторитет и уважение к себе. Думаю, что это очень правильный ход – даже на маленькие роли пригласить известных актеров. Разговор ведь идет не о том, чтобы открыть новые звезды, а о том, как их использовать.

Это абсолютно комиксовая идея, и она должна себя оправдать. (*XV, 15*)

(2007)

Про «Жмурки»...

На самом деле это такая очистительная клизма, простите меня за сравнение. Для того чтобы снять этот налет серьезности, штампованности, что ли, эту патину, я очень люблю сниматься в «Жмурках» или в «Мне не больно».

Это терапевтическое действие... (XI, 3)

(2009)

Вопрос: *Как Вы, такой авторитетный актер, согласились на роль криминального авторитета в фильме «Жмурки»?*

Я считаю, что это очень хорошая картина. Именно потому, что это не картина о криминале, а это сатира на криминал.

За что я уважаю Балабанова: он, сняв такие картины, как «Брат» и «Брат – 2», может совершенно спокойно отказаться от этого жанра и сам же его как бы превратить в иронию над самим собой. Это высочайшее художественное качество... (I, 136)

ЖУРНАЛИСТЫ

(2006)

Интервьюер: *Мирный Вы человек, но под ваш бронепоезд лучше не попадать. В том числе и журналистам, которых отныне окоротят, запретив вторгаться в частную жизнь господина Михалкова и уже с ним.*

Не передергивайте! В коллективном письме, на которое намекаете, речь шла о другом.

Пишите, что хотите и о ком хотите, но знайте: за ложь и дезинформацию, наносящую урон репутации затронутых вами персон, придется отвечать по всей строгости. Штрафом в

полсотни минимальных окладов отделаться не удастся, хватит безнаказанно лгать. Припаяют так, что мало не покажется.

Кто же Вас так сильно зацепил-то?

Мама учила никогда не обижаться: «Никита, если хотели задеть, не доставляй удовольствия, если нет – прости».

Речь не о моих обидах, а о том, что пресса теряет уважение и реальное влияние в обществе.

Словом – ничего личного.

Всегда помню, что говорили мои предки из казачьего рода: «Если едешь домой и на тебя не лают собаки, значит, сбился с пути»...

Хай брежут?

Пожалуйста, коль ничего другого не умеете. Но ответственность необходима. Если уж судиться с тем, кто про тебя лжет, то на кону должно быть реальное благополучие пишущего и публикующего вранье.

Такое чувство, сейчас взведете курок...

Лучше бы журналисты это ощущали до того, как берут перо в руки, а не после... (II, 54)

ЗАБЛУЖДЕНИЯ

(1977)

Зачем отказываться от своих заблуждений, пусть даже бывших? Это нечестно перед самим собой. Другой разговор, что не надо их повторять, надо делать верные выводы. (I, 5)

ЗАВИСТЬ

Русская зависть

(1998)

Русская зависть действительно уникальна.

В России успехи других не стимулируют, не пробуждают желание работать, а лишь будят стремление напакостить более талантливому, удачливому и преуспевающему.

Но меня это мало касается. Я научился не реагировать на зависть, в том числе русскую...

Я отвечаю на выпады против меня, но делаю это по-своему – работой, выдержкой. Если буду ввязываться в перебранку по каждому поводу, начну давать отпор на все лживые статьи, тогда – конец.

Помните, как сказал Розанов: мне неинтересен человек без веры. А у этих людей веры нет. Они не ведают, что сотворенное зло вернется к ним. Злобствующие делают хуже себе – меня это не трогает... (I, 71)

(2005)

Я привык, что многие принимают мое поведение как снобизм, надменность. Я всегда ощущаю на себе чужую зависть.

«Хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспори-
вай глупца!» Александр Сергеевич Пушкин все сказал, мне
нечего добавить. (II, 49)

(2009)

Интервьюер: *Как же бороться с завистью – рецепт от
Никиты Сергеевича Михалкова?*

Бороться? Никак! Жалеть просто этих людей надо, при-
чем искренне.

Зависть – она иссушает страшно, и по моему ощущению
люди завистливые огромное количество времени проживают
зря. Если судить о своем житье-бытье, сравнивая его с жиз-
нью не тех, кому лучше тебя, а тех, кому хуже (а таких ку-
да больше!), очень много проблем исчезает. А иначе можно
сойти с ума: у него есть, у меня нет, у него «бентли», а у ме-
ня «жигули», у него вилла, а у меня комнатка в хрущевке...
Это кошмар.

А когда, имея старенькую «копейку» и крышу над голо-
вой, ты согласишься на того, кто живет на помойках и у кого
ничего нет, а раньше он был научным работником, думаешь
сразу: оп-па!..

Вот оно – счастье...

Чехов заметил, что за дверью счастливого человека должен стоять кто-нибудь с молоточком и постоянно стучать и напоминать, что есть несчастные. И это абсолютная правда. Антон Павлович вообще ни одного слова пустого не написал – у него все связано с его богатейшим внутренним миром.

Никогда не говорите: «Господи, почему мне так плохо, за что?», ведь мы никогда не спрашиваем: «Боже, за что мне так хорошо?» Вспоминаем об этом, только когда скверно. И это для нас вечное искушение, которое ниспослала православная вера. (I, 137)

(2010)

Нет во мне зависти к другим.

Наоборот, мне очень нравится, когда мне что-то нравится. Пагубная идея – считать чужие поражения собственными победами. Этим питаются крысы, а я крыс не люблю. (I, 143)

(2010)

Сам этим не страдаю.

А зачем я буду обсуждать чужие болезни? (XV, 46a)

ЗАГРАНИЦА

(1990)

Я люблю путешествовать, и я хочу, чтобы мои дети знали мир и не боялись его, а, наоборот, спокойно и с гордостью осознавали, кто они, откуда родом, и чтобы ощущение соб-

ственного достоинства никогда не покидало их, куда бы ни занесла их судьба. Но полноценность этого ощущения может испытать только свободный человек с полноценным паспортом в кармане, который является его собственностью, а не собственностью организации, давшей ему характеристику и «выпустившей» (слово-то какое!) его за границу...

Я никогда и ни за что не хотел бы покинуть мое Отечество. Это моя Родина, это моя энергия. Моя память и мои корни. Но я хочу сам делать свой выбор. Я хочу жить в своей стране и не чувствовать себя ни героем, ни заложником.

Мне кажется, что истинная свобода – это гармония человека с собственной и исторической памятью, гармония его с собственной душой. Но бывают ситуации, когда обстоятельства (скажем, спасение жизни детей) заставляют делать тяжелый выбор. Никто не знает, как сложились бы судьбы Рахманинова, Шаляпина, Бунина, если бы они не уехали. Я думаю, их бы убили. Молю Бога не дать повториться «красному колесу», погубившему такое количество жизней и судеб.

Да и потом, мне кажется, что это разграничение на «них» и «нас» искусственно. Это рудименты политики «железного занавеса».

Не может настоящий русский художник потерять свои корни, где бы он ни находился... (I, 33)

(1991)

Интервьюер: *У Вас была возможность уехать за ру-*

беж. Почему не воспользовались?

Кто за меня может решать – остаться или уехать?

И потом, выпускают ведь только из тюрьмы! Люди ездят в гости, глядят друг на друга, показывают себя...

Это же унижение, когда человека за хорошую работу награждают возможностью посмотреть, как люди живут! Ну почему Чехов ездил в Италию, а в Риме в маленьком кафе Гоголь писал гениальные главы своей поэмы «Мертвые души»? И от этого не стал нерусским писателем. Достоевский, Толстой, – почему не боялись они потерять свои корни, почему?

Что значит: уехать или остаться?

Я хочу сознательного решения этого вопроса. Очень просто не брать взятки, когда не дают. Очень просто быть патриотом, когда тебя не выпускают. А когда тебе взятки дают – ты не берешь и выпускают – ты не едешь, это другой разговор...

Я хочу сам принимать решения. И не понимаю, почему я должен быть либо там, либо здесь.

Мой прадед Василий Иванович Суриков долгие годы путешествовал по Италии, но нет более русского исторического живописца, чем автор «Боярыни Морозовой» и «Утра стрелецкой казни». Нет!

Да, он копировал Веласкеса, Эль Греко, часами простаивал в музее Прадо в Мадриде. Но, вернувшись на родину, почему-то писал «Боярыню Морозову» или «Взятие снеж-

ного городка».

Что же случилось?

Ведь мы себя не уважаем. Неужели наш менталитет стал настолько бездарен, что мы должны непременно рваться туда?

Ведь иностранец хорошо живет только в России. А русский человек плохо только в России. Хуже любого.

Что же с нами стало? Почему мы не можем на равных общаться? Мы все время снизу, и не дай бог, если кто-то из своих высунулся – мы его обратно! (I, 36)

(1991)

Интервьюер: *В последнее время Вы много работаете за рубежом. Чем это вызвано?*

У меня уже стерлось представление о том, что наше, что не наше. У меня достаточно мощные национальные корни, поэтому меня сложно соблазнить иноземностью. Но художник должен походить на дерево – корнями он должен быть в своей почве, а ветвями обнимать весь мир. У меня нет желания работать только за границей.

Я сейчас во Франции монтирую фильм, и мне довольно трудно там работать. Французы резко отличаются от нас холодностью, дистанцией, которую они держат. Но и условия работы, конечно, не сравнимы с нашими. Для меня главное – эти условия, а не условия жизни.

Последний фильм снимали в Монголии, жили три месяца

без всяких удобств, все время верхом, непривычная пища — ну и что?

С другой стороны, работа за рубежом — это возможность заработать нормальные деньги, быть спокойнее за будущее своих детей, потому что сегодня у нас очень трудно быть спокойным за завтрашний день, рубль ничего не стоит. Хотя деньги в нашей семье никогда не были главным.

Мне очень нравится, что мои дети, которых я возил с собой по разным странам, не обалдевали от витрин. Меня потрясла моя шестнадцатилетняя Аня, которая сказала: ничего мне не надо. И не потому, что у нее все есть, а просто потому, что для нее это не главное... (II, 21)

(1994)

Я считаю, что всем полезно ездить...

Мы должны двигаться, путешествовать. И мы должны понимать, что наша самооценка абсолютно ничем не заслоняется... (I, 64)

(1994)

Хотел бы я работать долго и много за рубежом?

Вот я вернулся вчера из Гамбурга, меня там журналисты все время спрашивали: «А почему Вы не уехали работать *туда?*» Я отвечал: «Вы знаете, если бы я уехал, наверное, был бы смысл меня спрашивать, почему я уехал. А что ж с того, что я не уехал? А почему я, собственно, должен уез-

жать? Почему?! Ведь я же не спрашиваю Вас, господин журналист, почему Вы не уехали из вашей Германии. Так почему же Вы, сидя у себя дома, в Германии, спрашиваете меня, почему я не уезжаю из своего дома, из России...»

Это – первое.

Второе – я люблю путешествовать, мне интересно путешествовать, и я езжу очень много. Но для меня столь же естественна и необходима возможность жить *здесь*, у себя дома, ибо только отсюда я могу питаться культурно-историческими соками.

И третье – из дома можно уезжать, когда водопровод работает, газ горит, электричество есть, крыша починена, замки закрываются, крыльцо не шатается. Вот тогда можно запереть дом и на какое-то время уехать.

А когда все это не работает, течет, валится, то куда же ехать – дома надо сидеть и в порядок все приводить. (XI, 1)

(1998)

Думаете, не было соблазна уехать за границу?..

Звали и сейчас зовут. Куда пожелаешь: в Америку, в Европу.

Сегодня у меня, особенно после «Оскара», совершенно иные возможности. Практически в любой стране могу найти работу: снимать, ставить что-нибудь в театре, преподавать.

Да хотя бы вот эту экспликацию «Сибирского цирюльника» перевести на иностранный и издать. Готовый учебник!

Это же ноу-хау в Европе... (I, 75)

(1999)

Почему я не остался <работать в Америке, в Голливуде>? Да потому, что я русский человек.

Когда вам кто-то говорит, что я пропитался насквозь Америкой, то это говорит телевизор, а не я.

Я хочу подчеркнуть – мне трудно долго жить за границей. Я как выдернутый из розетки прибор. Какое-то время я работаю, находясь здесь, за границей, но как бы на батарейках. Но потом мне нужно возвращаться домой подзаряжаться.

И потом, не я один такой. То же вам скажет, например, любой испанец или китаец... (I, 78)

ЗАКАЗНЫЕ СТАТЬИ

(2003)

Интервьюер: *Недавно в одной газете я прочла, что Вы не присутствовали на «Мосфильме» во время визита Путина, потому что Вас «отлучили от двора»...*

Я не могу комментировать это.

Я уповаю на то, что Путин человек тонкий, очень умный, с юмором и огромным терпением, и я не могу себе представить, что он всерьез отнесся к тому, что журналистка пишет, что «наконец Путин понял, что Михалков пытался сделать из него массовку».

Я не знаю, сколько она за это получила, но у меня даже

сомнений нет в том, что это — заказная статья.

Качество успеха определяется количеством врагов. И если за меня платят, значит, я представляю некую угрозу, опасность для тех, кто за меня платит журналистам.

Но это замечательно. Как говорил сценарист в «8 1/2»: «Говори обо мне хорошо, говори обо мне плохо, но только говори обо мне, говори обо мне, говори...»

Так что мне все это выгодно. И я не разубеждаю их. Мне важно только одно: чтобы те люди, кого я уважаю, понимали, что это ложь. А разубеждать лжецов я не буду, и тех, кто им верит — тоже.

И пусть они, создав из меня монстра, сами же его и боятся.
(I, 101)

ЗАКОН

(2007)

Русский человек не терпит закон, который ему напишет другой русский человек, а тем более нерусский человек. Он не верит закону. Жить по закону русскому человеку очень скучно, смертельно скучно. И вы сами это по себе прекрасно знаете.

В картине «12», которую я сейчас снимаю, есть такая фраза: «Русский человек по закону жить не может. Почему? Да потому что скучно ему жить по закону. В законе ничего личного нет, а русский человек без личных отношений — пустоцвет: ни украсть, ни покараулить».

И это правда. Закон, перед которым русский человек всегда склонял голову, – это Закон Евангелия, когда говорили не «нарушить», а «преступить». (XI, 3)

ЗАМЫСЛЫ

(2009)

Интервьюер: *Слышал, что Вы собираетесь снять фильм «Однажды в России» – такую энциклопедию современной российской жизни типа «Однажды в Америке»...*

Что же, такие мысли действительно есть.

И что это будет за лента?

Пока не знаю. Есть только несколько разрозненных ощущений, но в принципе это «Крестный отец», правда, не столько «пиф-паф», сколько внутренняя психологическая драма. Безвременье... (I, 137)

ЗАНУССИ КШИШТОФ

(2005)

Интервьюер: *Польский режиссер с мировым именем Кишиштоф Занусси прилетел в Москву на один день, чтобы рассказать, что завершил основную работу над своей последней картиной «Persona non grata». Одну из главных ролей в фильме сыграл русский режиссер с мировым именем – Никита Михалков, выступивший также в качестве продюсера.*

Я давно мечтал работать с Занусси, потому что его кино с самого начала всегда было таким, как сейчас. Я люблю его

фильмы, в которых всегда есть тайна, скрытый темперамент и прекрасная атмосфера на съемках.

Это очень тонкая история, это абсолютно Занусси. В фильме есть нечто интимное: это отношения между мужчинами, не только между русскими и поляками, замешенные на болезненной любви друг к другу. Это недоразумение между любящими и крепко связанными культурно, исторически народами. Но очень важно, что недоразумения, которые там происходят, замешены на болезненной любви к своим странам.

И мне было чрезвычайно интересно, потому что мы довольно откровенным текстом могли сказать друг другу в наших персонажах то, что мы думаем. В этой откровенности была даже некая оторопь, потому что мы раньше не слышали такого рода диалогов, касающихся всего, но замешенных на очень личных отношениях и на любовной истории.

Не мешал ли Вам собственный режиссерский опыт работать в фильме только в качестве актера?

Я бы, наверное, все снял по-другому. В этом и заключается отличие, потому что меня зовут Михалков, а не Занусси.

Но когда я работаю актером, для меня наслаждение заключается в подчинении. Потому что, когда ты работаешь режиссером, ты берешь на себя такую ответственность, что страшно себе представить. А возможность довериться, но только тому, кому можно доверять, – режиссеру и идти с ним, двигаться по его желанию, не предавая и не отказыва-

ясь от своих соображений по этому поводу, в этом и заключается творчество.

Поэтому, когда я предлагал Кшиштофу какие-то уточнения в тексты, которые мне были близки, не столько по языку, сколько по энергии, которая так важна, у нас ни разу не возникало ситуации, чтобы он мне сказал делать, как написано.

В то же время я абсолютно точно понимал, что сейчас я актер Кшиштофа Занусси, а не кого-то другого. И если он меня берет в свою картину, значит, я должен играть по тем правилам, по которым он ее делает, а не пытаться спорить. (XV, 11)

(2005)

Интервьюер: *Чем, прежде всего, Вас заинтересовало предложение Кшиштофа Занусси принять участие в его новом фильме?*

Я считаю Занусси одним из крупнейших европейских режиссеров со своей точкой зрения, со своей неповторимой манерой, поэтому его предложение было и лестно, и интересно.

Во-вторых, Занусси – один из тех режиссеров, для которых актуальны слова Бергмана: «Меня не интересует, что актер играет, меня интересует, что он скрывает». И в этом сценарии, как и во всех картинах Занусси, была тайна. Подводное течение сценария меня очень заинтересовало, и я с радостью согласился сняться в «Персоне нон грата».

Чем запомнилась Вам атмосфера работы на площадке у Занусси?

Занусси – доброжелательный, ироничный, умный, образованный, с замечательным юмором. И вокруг него такие же люди и такая же атмосфера. Работа с актером идет очень деликатно, и актерские предложения рассматриваются с интересом, принимаются импровизации, то есть идет процесс, который порой даже важнее, чем результат.

И так у него на площадке всегда, что для меня было огромной радостью, потому что, честно говоря, я узнавал свою площадку, моих товарищей, с которыми я работаю, и это было очень трогательно.

Создавая образ дипломата, Вы брали за основу какого-то конкретного человека?

Да, я знаю многих дипломатов. Среди них встречались люди с очень сложным характером, совершенно, что называется, «отвязные».

Но мне кажется, что здесь не столько важна профессия, сколько то, что скрывают люди, говоря о дипломатических вопросах. Ведь у героев личная проблема любви к одной и той же женщине. И в этом тайна. Поэтому я не играл в дипломатов.

Мой герой – высокопоставленный чиновник. Но как раз в этом-то и заключается терпкость истории, когда обремененный властью и возможностями человек показан живым, естественным, со своими глубоко личными проблемами и пере-

живаниями...

Там вообще очень много намешано: отношения между поляками и русскими, между «большими» и «маленькими». Не знаю, прочтется ли это, но это все было.

Не было ли споров с режиссером по поводу видения роли?

Слава богу, нет.

Когда я прочел сценарий, у меня сразу возник очень конкретный, точно выписанный образ. Я его увидел и просто следовал этому видению. К счастью, оказалось, что оно совпадает с тем, что думает по этому поводу Занусси.

То есть мы смотрели в одну сторону.

Это правда, что Вы внесли изменения в сценарий?

Не совсем так.

Я действительно поработал над сценарием, но только там, где была моя роль: подправил текст. Дело в том, что при переводе с польского возникли стилистические ошибки. Я внес литературные изменения, плюс некоторые реплики важны мне были для более точного попадания в образ.

Все мои предложения обсуждались с Занусси. Он их одобрил и согласился с правками.

Какая сцена Вам больше всего запомнилась?

Знаете, когда работа интересна, важно все. Но была все-таки одна сцена, которая оказалась сложной с моральной точки зрения.

Мы снимали в Польше сцену похорон супруги главного героя. Мой персонаж должен был появиться в кремато-

рии, чтобы выразить соболезнования своему другу. Договорились с руководством кладбища выделить несколько часов на съемки. Но то свет не подходил, то еще что-то, в общем, дубль сняли, когда в зал входила уже настоящая похоронная процессия.

Слава богу, они ничего не успели понять, решив, что мы тоже кого-то провожаем в последний путь. И, слава богу, дубль получился и был включен в фильм.

Легко ли Вам, известному режиссеру, быть послушным актером? Спорили ли Вы на съемочной площадке с Занусси?

Я никогда не смешиваю одно с другим.

В данном случае я абсолютно доверился Кшиштофу Занусси, которого я очень уважаю и ценю как профессионала и автора тонких и глубоких картин.

Честно скажу, волнуюсь, потому что хотелось бы, чтобы мой герой был внятен.

Понимаете, тайна отношений – не значит невнятность отношений. Как раз в этом-то и заключается секрет, когда все понятно, а тайна остается. Это и называется высоким пилотажем. (XV, 19)

(2006)

Интервьюер: *А что стало с фильмом Занусси, в котором он Вас снимал – «Персона нон грата»?*

Он один раз прошел по телевидению. Мы подождем немножко и выпустим на дисках.

На <Московском> фестивале Вы не думали его показать?

Кстати, хорошая идея! Может, действительно показать в какой-то из программ?... (I, 123)

ЗАПАД (1998)

Кроме армии, мне много дал, как ни странно, Запад. Но как бы в обратном смысле.

Приехал я на Запад с молочными зубами, а вернулся оттуда с железной вставной челюстью, условно говоря. Был вынесен главный для меня опыт: мы сами даем повод обращаться с нами, как с отребьем. Я сначала этого не понимал, а когда понял, там началась совершенно другая эпоха моих отношений со многими людьми.

Дело в том, что как нам не прощали в семье лжи, так я не прощаю унижения. А то унижение, которые испытывали мы все, получая «суточные», побираясь, это омерзительно. Для меня критерий мужчины – это то, как он ведет себя на охоте, в застолье и на теннисном корте, если играет. А в те времена я бы еще прибавил – как ведет себя за границей, во что он превращается. Там относятся к тебе так, как ты это позволяешь.

И когда, например, на съемках «Очи черные» со мной попытались обращаться именно так, я поначалу было даже плюнул, мол, мы выше этого, а потом подумал: а почему? Почему так со мной обращаются, почему с Сашей Адаба-

пьяном? Мы сыграли ва-банк: или будет как у всех, или не будет никак.

И поэтому сегодня, когда возникают вопросы, приглашать или не приглашать, на каких условиях, то разговор с моими агентами начинается с совершенно иных базовых кондиций. Чем мне лететь, в каких отелях жить, сколько это будет стоить.

Вы хотите пригласить маэстро? Вот вам условия.

Вам не нужно? И нам не нужно.

Это касается всех ребят, с которыми я работаю.

И на картине «Очи черные», и на «Урге», и на «Утомленных солнцем», когда мы работали с партнерами, и на «Сибирском цирюльнике» мы поставили себе законом: команда, которая приезжает туда, приезжает на принятом международном уровне. И пусть я прослышу человеком с тяжелым характером, но действует это безотказно.

Я горжусь тем, что я дорого стою. И еще более горжусь тем, что платят мне не здесь, где нечем платить, а там. Не за то, что я кому-то там служу, а за то, что я и мои товарищи делаем нечто, что оценивается высоко.

И я считаю это большим достижением. Это значит, что мы на правильном пути, если национальный продукт пользуется таким спросом. И заметьте: не недра, лес или нефть, а то, что сделано своими руками и у себя на Родине. (I, 76)

Нужно помнить вот о чем. Цивилизованный Запад так называемая загадочная русская душа вовсе не интересует. Запад интересуют гигантские богатства, сокрытые в российской земле, леса, запасы питьевой воды. Короче, все то, чего в мире становится все меньше. Спокойствие и мир на территории России их интересуют разве только потому, что Россия – это ядерная держава, и если, не дай бог, здесь что-нибудь начнется, то не поздоровится никому.

За другими примерами далеко ходить не нужно: посмотрите, что вчера происходило в Сербии, сегодня в Египте, что происходит в Сирии, что происходит в Иране.

Интервьюер: *Какую именно роль во всех этих событиях играют, с вашей точки зрения, США?*

Мое ощущение (и это очень серьезный тезис) состоит в том, что речь идет об истерической агонии гигантской американской супердержавы, вооруженной суперсовременным оружием, которая ничего не может сделать против подступающего к ней банкротства.

США – это де-факто ядерная сверхдержава-банкрот. Роль доллара как резервной валюты сейчас под угрозой, а именно эта роль была основой американской гегемонии. Поэтому главным аргументом США сегодня является военная сила. А чтобы сила эта лучше работала, нужно нейтрализовать Россию, Китай и Иран.

А как можно нейтрализовать Россию? Переключить ее на внутренние «разборки», ослабляющие ее единство и госу-

дарственность. Но наивно думать, что вся эта деятельность есть продукт новейшего времени. Достаточно заглянуть в директивы военного советника США Аллена Даллеса, чтобы понять, насколько глубоко и бескомпромиссно построена работа против российской государственности, против, в конце концов, самой России. Приведу всего одну выдержку из доктрины Даллеса, датированной 1945 годом: «Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх и вражду народов, прежде всего, вражду и ненависть к русскому народу, – все это мы будем ловко и незаметно культивировать. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит, но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратив в посмешище, оболгав и объявив отбросами общества». При чтении этих строк разве не понятно, что происходит сегодня?

(Есть версия, что текст доктрины Даллеса фальшивка, а что, если это не так?)

Это не охота на ведьм. Речь идет о том, чтобы сделать несколько очень простых логических выводов. Вот один звоночек... Хиллари Клинтон, которая, даже не дождавшись результатов выборов 4 декабря, торопливо и суетливо возмущалась фальсификациями.

И таких примеров можно привести десятки. (XV, 66)

Наше сотрудничество с Западом (1989)

Мы говорим о возможности работать с Западом.

О каком сотрудничестве с Западом может идти речь, когда мы считаем деньги в чужих карманах и не понимаем, что до момента, пока мы не будем иметь уважения к себе, нас никто уважать не будет никогда!

Эта возможность иметь там больше только потому, что кому-то что-то подарил, эта мелочность, это низкое обслуживание людей, эта невозможность представить себе, что мы есть великая держава...

К нам относятся, как к дешевой рабочей силе, и мы себя сами считаем дешевой рабочей силой и позволяем с собой обращаться так. Потому что мы думаем, что если будем похожи на них, то нас будут любить.

Это неправда. Потому что похожего не любят – любят того, кто имеет свое лицо, свою культуру. (I, 29)

(2005)

Интервьюер: *Существует мнение, что Запад сегодня потерял интерес не только к нашему современному искусству, но и к стране в целом. Вы согласны?*

А как объяснить то, что нас не приглашают на встречу союзников, праздновавших 55-летие Победы над Германией? Или фразу Мадлен Олбрайт, бывшего госсекретаря США: «Где же тут справедливость, если такой землей, как Сибирь,

владеет только одна страна?»

Попробовала бы она это сказать двадцать лет назад!

Но надо помнить и о другом: нас не будут уважать до тех пор, пока мы сами себя не станем уважать. В Америке, к примеру, не стесняются снимать фильмы, где чуть ли не в каждом кадре звучат идеи патриотизма и величия американской нации. Когда в американские летные школы уменьшился поток поступающих, Пентагон дал семьдесят пять миллионов долларов на съемку фильма – и была снята «Школа асов» с Томом Крузом. После чего количество желающих пойти послужить в их ВВС снова восстановилось.

А что нам мешает делать такие крепкие пропагандистские фильмы?

Страх перед вами, журналистами! Критики заклюют!..

Хотя у нас это тоже уже делали в тридцатые – пятидесятые годы. «Кубанские казаки» – замечательный пример. Другой разговор, что Америка сумела подтянуть реальную социальную жизнь к «киношной картинке», а мы не сумели этого сделать. Хотя и наш народ верил в то, что где-то там, на сельхозвыставке, действительно так шикарно живут. И они когда-нибудь смогут жить так же.

И на этой вере строился коммунистический режим. (I, 114)

ЗАПАДНИКИ И СЛАВЯНОФИЛЫ
(1998)

Глупо и бесперспективно делиться на западников и славянофилов.

Мы должны сотрудничать с Западом, но равноправно, а не в позиции «научим аборигенов петь Марсельезу». Мы сами сейчас сделали огромные шаги в сторону истребления собственного достоинства, представления, что мы что-то умеем делать. Мы оттолкнули своего производителя от того, чтобы он гордился тем, что делает своими руками...

Молодая кровь – на Востоке. И не понимать этого сегодня – значит обречь себя на экспансию либо отсюда, либо оттуда.

Мы смотрим на Запад – ждем оттуда денег, слушаем, что они скажут, ездим туда учиться, отдыхать, лечиться, смотрим, как они проникают к нам. С другой стороны, каждый день в Хабаровском крае растворяется одна тысяча китайцев. Катастрофа произойдет, если каким-то образом Запад начнет конкурировать с Востоком на нашей территории. Не допустить этого – главная геополитическая задача России на будущее. Но для этого надо, по меньшей мере, быть самим собой.

Вы будете лететь на восток из Москвы девять часов над огромной страной. Под крылом вашего самолета огромное количество людей будет говорить на одном языке. Причем чем дальше летите, тем пространство становится все более широким, а народу становится все меньше и меньше.

О чем говорить?

Займите людей освоением собственной земли, гигантских

ее запасов! Ермак завоевывал Сибирь огнем и мечом. Брежнев отправил комсомольцев строить БАМ... Сегодня можно двигаться на Восток свободно, с высокими технологиями, дав возможность людям не жаться в коробках мегаполисов, а занимая земли... (I, 76)

ЗАРПЛАТА

(2001)

Я не получаю зарплату нигде, кроме своей Студии «ТРИТЭ».

Мне полагалась зарплата в Союзе кинематографистов, и когда я пришел в Союз, то увеличил ее в два раза. И отдал в Дом ветеранов кино. Пресса сразу объявила: первое, что Михалков сделал, это увеличил себе зарплату в два раза. А вот то, что отдал ее, уже не было написано, видимо, не хватило места.

Кроме того, довольно много провожу мастер-классов здесь и за границей.

Издал две книги – «Храмы Москвы» и «На семи холмах». Замечательно их издали. Несмотря на дороговизну, они пользуются успехом. Оказывается, издательская деятельность сегодня в России может быть выгоднее, чем кинематографическая... (I, 83)

«ЗА СТЕКЛОМ»

(2001)

«За стеклом» – это ничто и звать никак.

А мог быть потрясающий эксперимент, если б имел под собой глубокую серьезную тенденцию, чтобы понять хоть что-то.

Есть великая мысль: человек – не средство, а цель.

Для людей, которые делают эти передачи, человек – средство. В этом заключается самая главная проблема. Как только человек станет целью для тех, кто делает телевидение, или тех, кто печатает газеты, изменится тенденция.

А здесь опять мы упираемся в один и тот же вопрос: не как жить, а зачем жить?

Это духовный вопрос. (I, 83)

ЗАСТОЛЬЕ

(1998)

Люблю людей, умеющих вкусно поесть, и ненавижу тех, кто любую пищу жует без аппетита, да еще показывает при этом, будто бы сыт.

Любопытно и то, как человек ест в компании. Берет ли первым, тянется ли за лакомым куском?..

Все происходит подсознательно.

Важно и то, как человек пьет. И кем, выпив, становится...

Я до убудочного состояния не набирался и, надеюсь, не наберусь. Хочется верить, что пить я умею. Впрочем, можно сказать и без ложной скромности – умею. (I, 75)

«ЗВЕЗДА»

(2003)

Вот очень хорошая картина Лебедева «Звезда»...

Но когда я смотрю картину «Звезда» Лебедева и старую картину «Звезда», то кажется – все спецэффекты у Лебедева в руках, все возможности сегодняшних технологий, молодые актеры, популярные и так далее. Но когда ты сравниваешь две картины: вторая, старая, картина (где этого ничего нет) – возникает одно кино, которое привязано к почве (это то кино, старое), и другое кино, которое к почве не привязано. Если этих ребят назвать Джон, Джек, Джим и все то же самое – камуфляжи, автоматы и так далее, и так далее, то мы не сможем их отличить от любых других героев блокба-стеров, которые воюют во Вьетнаме, где-то там или там.

В чем дело?

Дело в том, что унификация, то есть возможность усреднить представление о той войне, приблизив ее к представлению о войне, скажем, в Чечне или Афганистане, – это очень большая ошибка. Это совершенно разные войны. Потому что одна война, когда ты воюешь у себя на Родине и ты знаешь, за что ты воюешь; другая война, где ты воюешь где-то, за чьи-то интересы. (V, 16)

ЗВЕЗДНАЯ БОЛЕЗНЬ

(1998)

Что касается «звездной болезни», то тут мне мощные уро-

ки в жизни давал брат.

После фильма «Приключения Кроша» меня пригласил в студию фотокорреспондент и наснимал огромное количество портретов. Я и так сижу, и эдак, и анфас, и в профиль.

Потом я пришел в свою комнату и из тридцати, допустим, портретов три повесил на стенку. Куда-то ушел, потом возвращаюсь, все мои фотографии развешаны на стене, и от одной к другой нарисованы на бумаге стрелочки. Я так по этим стрелочкам иду и прихожу на вот такую ма-аленькую фотографию прадедушки Сурикова, который скромно стоит на общем плане, скрестив руки на груди...

И подпись: «Бери пример с предков». (I, 76)

ЗВЯГИНЦЕВ АНДРЕЙ (2003)

Ведущий: *В студии программы «Ночной полет» создатели фильма «Возвращение», лауреаты премии Венецианского кинофестиваля «Золотой лев» за лучший фильм и за лучший дебют Андрей Звягинцев (режиссер) и Михаил Кричман (оператор). Звонок в студию Никиты Михалкова:*

Дорогие Андрей и Миша, бесконечно счастливы за вас!

Андрей, я видел Вас по телевизору несколько раз за сегодня, и, судя по тому, как Вы говорите, Вы не тот человек, который снимает кино для премии.

Это радость нечаянная, и это самая счастливая радость.

Двенадцать лет назад я бежал по набережной, когда моя

картина была в конкурсе «Золотого льва». Когда я добежал, я решил: что бы ни было – я хочу остаться автором своей картины.

Я убежден, что Вы испытываете то же самое.

Ежи Кавалерович много лет назад мне сказал: «Я снял картину «Поиск», и она имела огромный успех – такой оглушительный, что я испугался снимать. И почти десять лет не снимал, потому что все время выбирал, как бы не сделать хуже».

Забудьте об этом. Не ждите славы. Вперед! Не оглядывайтесь!

Вы – талантливейший человек. Я бесконечно счастлив за Вас и за ваше кино! (V, 15)

(2011)

Интервьюер: *Лента Андрея Звягинцева «Елена», отмеченная спецпризом на Каннском кинофестивале, открыла сегодня российскую программу ММКФ в столичном Доме кино.*

Для меня очень важно, что на открытие российских программ пришло больше народу, чем вчера на мировую премьеру «Трансформеров».

Сегодня вы смотрите картину нашего «звездного мальчика», который пока ни разу не выстрелил мимо. Он очень серьезный режиссер, очень умный человек, он настолько серьезно занят своей профессией, что может быть для всех

примером. (XV, 55)

ЗДОРОВЬЕ

(2005)

Интервьюер: *Что важнее здоровья?*

Ничего.

Здоровье – это аванс, который дает тебе Господь Бог, а ты должен его отработать. А если не отработаешь, то очень скоро начнешь платить проценты.

Другой разговор, что иногда ты работаешь и не можешь сделать остановку, чтобы, скажем, позаботиться о себе. А это идет во вред. Но если ты все делаешь во благо и рискуешь собой ради дела, есть надежда, что Господь смиростивится. (I, 121)

(2008)

Интервьюер: *Насколько я понимаю, для Вас «здоровый» – вообще высшая похвала.*

Правильно.

Душа должна быть здорова в первую очередь, ну и тело, конечно, желательно. Потому что у здорового человека и взгляд здоровый.

Здоровье – это здóрово... (I, 129)

ЗЕМЛЯ

Земля и землевладение

(1992)

Не следует нам забывать об общине.

Конечно, не возрождать ее в прямом смысле (я понимаю, что это исторически невозможно), но, используя сохранившиеся ее элементы (сход, собрание, «помочи»). Именно этим традиционным народным структурам необходимо предоставить *право отказа* в покупке земли, ибо людям (в отличие от исполнительной власти) отнюдь не безразлично, кто будет их соседями. И если исполнительная власть дает разрешение на покупку земли, то община обладает *правом вето* на *любое* решение исполнительной власти.

Необходимо вернуть и традиционное монастырское землевладение, причем в значительных объемах, ибо это были и, уверен, будут центры подлинного народного землепользования и хозяйствования, экологически чистые и нравственно здоровые.

Не закрывать колхозы и совхозы, а использовать все здоровое в них, заимствовать от традиционного общинного землепользования. Для этого необходимо полностью *деидеологизировать* их, чтобы они служили земле, а не какой-нибудь политической идее (не важно, вчерашней ли коммунистической или сегодняшней демократической).

Предоставить право крупным предприятиям (заводам, фабрикам, комбинатам) приобретать пустующие бросовые земли и неугодья для ведения сельскохозяйственного производства. Трудовые коллективы сегодня – это в определен-

ной мере тоже общины, где невозможны сговоры и тайные решения.

Я бы рискнул предложить еще одно решение, но боюсь, что на сегодняшний момент оно будет не понято общественным мнением. Речь идет о дворянском землевладении.

Оно имело в прошлом свои минусы и плюсы, но, право же, плюсов все же было больше. Настало время возврата земли потомкам прежних собственников усадеб с гарантией со стороны последних заниматься именно сельским хозяйством. Хотя я уверен, что процент желающих заняться именно этим будет незначительным.

Да и где их взять сегодня – потомков старой дворянской культуры землепользования?.. (I, 42)

Земля и культура (1992)

Все семьдесят лет с лишком государство транжирило то, что нашей стране Бог ниспослал.

Мы продавали не продукты своего труда, а дарованное свыше: нефть, уголь, газ, руду – словом, все то, к чему не были приложены наши руки. Когда же истощились недра, вчера еще казавшиеся неисчислимыми богатства, пришел, видимо, черед пойти с молотка и самому корню русскому, ма-тушке-земле, и «второй природе» нашего народа – русской культуре.

Вообще, эти два вопроса – земля и культура – для меня

нерасчленимы, едины и неделимы. Дальше продавать будет уже нечего – пустота, смерть, забвение...

Земле нужен хозяин с развитым чувством собственника. Деловой человек, умеющий хозяйствовать, то есть обрабатывать землю, выращивать хлеб, продавать плоды своего труда, относящийся к ней не как к предмету выгодной купли-продажи, но как к частице самого себя, как к земле-матушке.

Для нашей страны земля несет в себе некий мистический смысл, и рассматривать ее лишь как экономическую категорию есть очевидное недомыслие. Это понимали даже большевистские руководители, которые на месте рухнувшей крестьянской общины создавали все-таки колхозы – эту бюрократическую имитацию общинного землепользования, а не фермерские хозяйства на манер североамериканских...

Мы живем все-таки не на территории, не на экономическом пространстве, а на родной земле, где лежат кости наших предков. Именно эти «косточки русские» и делают ее Родиной, землей-матушкой, землей-кормилицей. Предполагаемая ее продажа денежным мешкам, не имеющим с ней кровной отеческой связи, погубит страну, ее генофонд, ее будущее. Ведь недаром в народе говорят: «Чья земля, того и вера».

Я бы желал, чтобы русская земля оставалась *русской*, а стало быть, и вера – *православной*... (I, 42)

О праве собственности на землю

(1992)

Я не политик и не претендую на законодательные рецепты, но меры защиты российской провинции, русского крестьянства хотел бы предложить.

В первую очередь это касается введения *преимущественного* права владения, пользования и распоряжения землей коренному населению. Именно коренное население должно иметь льготы (причем огромные) перед всеми другими, кто хотел бы эту землю приобрести. Я имею в виду низкие расценки стоимости земельного фонда, чтобы коренное население было конкурентоспособно отстаивать право собственности на землю.

И следующий шаг – кредиты и ссуды на сверхльготных условиях, опять же коренному населению для становления крепких хозяйств... (I, 42)

Приватизация земли

(1992)

Хотелось бы поделиться с вами некоторыми размышлениями, касающимися одной из самых острых, на мой взгляд, проблем сегодняшнего дня.

Речь идет о так называемой приватизации земли.

Эта тема у всех на устах, многие видят в радикальной реализации этой программы панацеею от всех бед, свалившихся на нашу страну. «Вот отдадим в частные руки землю, и тогда случится тот качественный рывок вперед к подлинной

рыночной экономике, которая все поставит в России на свое место» – так рассуждает большинство.

Надежды эти подкрепляются многотомными расчетами экономистов-теоретиков, как отечественных, так и зарубежных, практикой хозяйствования почти не занимающихся, *знающих*, по их мнению, как накормить страну, *но не умеющих*, по моему убеждению, этого сделать.

Что касается зарубежных их коллег, то благие рекомендации, как улучшить, перестроить, заменить и т. д. и т. п., явно окрашены в марксистские тона, ибо позволяют провести еще один эксперимент, и опять на чужом народе. Как и для марксистов, Россия для них – чужбина, а с ней обычно не очень церемонятся. Зато интересно (с научной точки зрения) посмотреть: что же из всего этого получится.

Помните известный пассаж Андрея Вознесенского: «Есть идея! Если разрезать земной шар по экватору и вложить одно полушарие в другое, как половинки яичной скорлупы... Правда, половина человечества погибнет, но зато другая вкусит радость эксперимента!...»

Я принадлежу, к счастью или к сожалению – время покажет, к тем, кто к экспериментам на судьбах людей относится совершенно определенно и однозначно – это недопустимо и преступно...

Я из поколения «сомневающих», такова уж, видно, судьба. Предвижу многочисленные обвинения в мой адрес – ведь сомнения сегодня, в эпоху дурацкой эйфории, не в по-

чете, но поделаться с собой ничего не могу...

Обращаюсь к тем, кто еще может, а главное – хочет выслушать сомнения, которые не беспочвенны уже в силу того, что мы ясно видим, как на наших глазах великий народ, лишенный кола и двора, наэлектризованный хлесткими лозунгами типа: «Даешь приватизацию земли!», «Даешь приток иностранного капитала в отрасли культуры!», «Даешь ликвидацию Министерства культуры!» и т. д. и т. п. (помните недавнее «Даешь коллективизацию!», «Даешь новый быт и культуру!»), опять пытаются превратить в политизированный студень, которым можно легко манипулировать.

Многое в нашей истории уже было, в частности, и лозунг «земля – крестьянам». Во что обернулась его реализация – напоминать не буду. Но сегодняшние игры «с земельным вопросом» чреватые, на мой взгляд, еще более грандиозными апокалиптическими последствиями.

Да, земле нужен Хозяин, с развитым чувством собственника, деловой человек, умеющий хозяйствовать, т. е. обрабатывать землю, выращивать хлеб, продавать плоды своего труда, относящийся к ней не как к предмету выгодной купли-продажи, но как к частице самого себя, как к земле-матушке. Вспомните русские пословицы и присловья о земле, которые наполнены совсем не экономическим смыслом: «мать сыра земля», «свят дух на земле», «рыбам вода, птицам воздух, а человеку земля», «и пошла отсюда русская земля» и многие-многие другие. И, самую, пожалуй, важную

– «с родительской земли умри – не сходи»...

Сегодня же, провозгласив приватизацию земли, наши руководители силятся внедрить вненациональную модель организации сельского хозяйства, основанную на энергии капитала.

Однако кто сегодня богат, сегодня, в эпоху первоначального накопления капитала? Спекулянты, теневики, преступные элементы. Да что там говорить – всем, очевидно, полезно еще раз перечитать хотя бы Диккенса.

И кто же станет сегодня владельцем нашей земли? Очевидно, что не российский труженик, а нувориш, рассчитавший выгодное вложение далеко не чистого капитала.

Вот и получит наша страна не хозяина земли, а коммерсанта, который освоит ее с огромной экономической выгодой. Он превратит поля вокруг монастырей, пустота которых, по его мнению, лишена какого-либо «экономического смысла», в идиллический коттеджный ландшафт с видом на монастырь, где будет приятно провести время солидному состоятельному человеку... (I, 42)

Чужая земля **(2013)**

До чего земля большая, Величайшая земля. И была б она чужая, Чья-нибудь, а то своя...

Вот это отношение к своей земле, оно и определяло, на мой взгляд, очень во многом генетический код русского че-

ловека.

Но ведь сейчас – ни гражданской войны, ни мора, ни цунами. Ничего этого не было, а земля умирала, потому что с нее уходили люди. Вот все, что мы сейчас видим, проезжая на машине, такие заросли молодого березняка, кустарники – это все были поля, которые практически кормили местного жителя и не только его. Сегодня – это кормовая база для зверя...

Меня мучает вопрос, на который я не могу ответить: почему ушли люди отсюда?

Вот здесь жила русская семья, а теперь – здесь пустой разрушенный дом... Это исход с родной земли, это трагедия...

Что должно происходить в душе человека, если он может вот так – все бросить и бежать с родной земли. Что гонит его отсюда? За что такая кара? При выигранной войне, сумасшедшей, страшнейшей войне. При миллионах жертв, при восстановлении народного хозяйства, при космосе, Гагарине, самолетах, вертолетах, заводах, фабриках...

Почему?

Что должно заставить человека бросить ту землю, которая его кормит? Как нужно унижить достоинство человека, живущего на земле и ее обрабатывающего, чтобы он сломя голову бежал из своего родного дома? И не возвращался...

Значит, у него вытравлено все его существо! Кто лишил его этих корней? Я не хочу кого-то обвинять, я задаю этот вопрос себе, так же как и вам. Мы что, не талантливый на-

род, мы бездарны настолько? Но тогда – куда девать русскую литературу, науку, менделеевых, пушкиных, мусоргских... Куда их девать? Они что, из космоса к нам прилетели? Нет, они здесь выросли...

Что же случилось, где нарушен код? Этот вопрос я хочу задать всем. И хочу получить ответ. Или хотя бы чтобы этим вопросом занялся еще кто-то, и кто-то, и кто-то... до самого верха. Чтобы мы трезво посмотрели на свою жизнь, ужаснулись от этой жизни и вместе решили – что делать.

Глядя на все это, я испытываю ужасающий стыд – и за себя в том числе. Я испытываю стыд, оттого что в какой-то момент или моменты неумолимого времени мы потеряли иммунитет и бдительность. Мы решили, что кто-то вместо нас придет и сделает то, что должны делать мы сами. Этот кто-то действительно может прийти и сделать все за нас, но дело в том, что мы-то сами уже не будем нужны тем, кто все за нас будет делать... (XIV, 5)

ЗЕМЛЯЧКА И БЕЛА КУН

(2004)

Розалия Самойлова, партийно-воровская кличка «Землячка». Еще была кличка «Демон». Как точно! И Бела Кун. Вот два человека, которые были полновластными властителями Крыма в 1920 году и палачами тех офицеров, солдат, казаков и гражданских лиц, которые должны были проходить регистрацию.

Что нужно им было здесь? Чего не хватало Розалии в ее другой жизни? Почему Бела Кун, мадьяр, взял на себя право и возможность судить и казнить русских людей в России? Чего не хватало ему там, у себя в Венгрии?

Я думаю, что это один из тех вопросов, которые долго будут загадкой, если мы всерьез и внимательно не изучим историю большевистского движения в России и не поймем, кто делал революцию и кто проводил в жизнь красный террор. (XIV, 2)

ЗЕМСТВО

(2001)

Идея земства очень правильная...

Был и остаюсь подвижником этой идеи, если бы она не оказалась в руках тех, кто совершенно другие цели преследовал и преследует. (I, 83)

«ЗОЛОТОЙ ЛЕВ»

(2007)

Этот «Золотой лев» <за фильм «12»> уникален.

Такой награды, которую мы получили, не было в регламенте, она придумана. Мы нарушили определенный баланс, который сложился на фестивале. Жюри буквально раскололось на две части. Такую награду давали только два раза за всю историю фестиваля – первый раз великому Лукино Висконти и вот теперь вашему покорному слуге. Ведь, по идее,

нам могли дать какую-то медаль или специальное упоминание, но, видимо, картина настолько вмещалась в эту сложившуюся схему, что другого выхода просто не было.

Я очень горд тем, что режиссеры мирового класса пересмотрели свое решение и дали нам «Золотого льва». По большому счету, если можно было бы сделать пиар, то лучшего придумать просто невозможно.

Это же мечта! (XV, 37)

«ЗОЛОТОЙ ОРЕЛ» (2002)

Вершиной работы и главным призом Национальной Академии кинематографических искусств и наук является премия «Золотой Орел».

Эта премия должна перестроить зависимость кино от зрителя. Сегодня на «Оскар», на «Нику» выставляют картины, прошедшие зрителя. Но для нас сегодня важно пробивать дорогу к зрителю через номинации нашей Академии. Поэтому на номинации и на премии будут, прежде всего, претендовать картины, еще не вышедшие на экран, а имеющие разрешительные удостоверения. Пусть их еще не видел зритель, но мы надеемся, что именно приз Академии заставит зрителя идти в кино, а не оценивать картины по результатам проката и по интересу зрителя.

Это ноу-хау, дело принципиально новое...

Мы хотели бы провести первое вручение Национальной

премии 29 мая. Это трудно, но зато очень удобно укладывается между фестивалями: кончились Канн, еще не начался «Кинотавр», не начался Московский кинофестиваль. Это преддверие выпуска на экран осенних картин.

Смысл проводить вручение премии в это время состоит в том, чтобы номинанты и те, кто ее получает, выходили в национальный прокат, будучи освещенными премией «Золотой Орел»... (VIII, 1)

(2002)

Почему вокруг «Золотого Орла» поднялся такой сыр-бор? Премий намного больше: «Золотой Овен», «Лики Любви», «Кинотавр», «Триумф»... Я не понимаю, что случилось...

Я не понимаю, почему пишут: «Орел заключает Нику, Ника загрызет Орла?» Никакой драки нет. Мы организовали свою Академию, они свою.

Знаете, как Столыпин говорил: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия». Нам нужен великий кинематограф, нам нужна великая страна, нам нужна Академия.

Мы этим и занимаемся. Спокойно и без суеты. (XV, 3)

(2002)

«Золотой Орел» – это профессиональная премия, мы хотели бы, чтобы эти премии вручались там, где делается кино.

Поэтому мы будем делать наши церемонии в павильонах «Мосфильма» (или «Ленфильма» – на будущий год). Там атмосфера кино, возможность использовать спецэффекты. Представляете, Сергей Федорович Бондарчук снимал «Бориса Годунова», и Первый павильон застроен кремлевскими декорациями? Вот один раз проведем в таком месте. Снимает Сережа Соловьев Чехова – там проведем. Каждый раз будем вливаться в ту атмосферу, которая в настоящий момент существует в том или ином павильоне больших студий.

Учитывая, что павильон – это гигантское (девять тысяч квадратных метров) пространство, его можно построить чем угодно, поставить там что угодно, фуршеты прямо там проводить. Вы хотите каскадеров – нате, хотите, чтобы номинантов привозили на машинах прямо на сцену – ради бога. Мы дома, мы в домашних тапочках, приглашаем к себе...

Публика тоже будет в павильоне. Иногда это будет амфитеатр, иногда – просто стулья или стоя. Каждый раз будем исходить из тех веяний и ситуаций, которые доминировали в этом году в нашем кинематографе...

Академия будет иметь возможность вручать «Золотых Орлов» картинам, которые имеют разрешительное удостоверение, но еще не были в прокате. Потому что эта премия – не премия зрителей, не по поводу того, что картину посмотрело столько-то миллионов зрителей. Первая премия вручается Тарковскому (посмертно), Жженову. И по этим именам можно понять, каковы же приоритеты, вкусы, традиции...

Допустим, картина молодого режиссера, еще не вышедшая в прокат. А мы, Академия, считаем, что эта картина достойна номинации. И она выходит в прокат со значком – получила номинацию. Мы сможем промоутировать те картины в сегодняшнем еще слабом прокате, которые еще не посмотрел зритель, но которые уже имеют разрешительное удостоверение.

Что касается номинаций, то чего выдумывать велосипед: «Лучший фильм», «Лучший режиссер», «Лучший актер»...

У нас совершенно нет претензий на то, чтобы быть «Оскаром». Хотя неминуемо скажут: «У вас, как в «Оскаре».

Что ж в этом плохого?

Очень хотелось бы, чтобы наша премия в этом смысле была для наших соотечественников такой же престижной. Смотрите, какая красивая статуэтка: яшма, позолота – действительно красиво. Сопровождать каждый приз будет десять тысяч долларов, а главный приз – двадцать пять тысяч долларов. Для артиста это хорошие деньги.

Интервьюер: *Деньги дает государство?*

Государство дает деньги на церемонию, но мы не можем брать у него деньги на призы. Мы будем просить освободить эти призы от налогов.

«Золотой Орел» будет отличаться от «Ники» тем, что это государственная премия?

Я надеюсь, что нам удастся сохранить в церемониях благородство, вкус, такт. И не превращать это в такой средне-

азиатский КВН.

Это будет только российская премия?

Мы не хотим пытаться объять необъятное.

Давайте разберемся с нашими премиями, с нашим отечественным кинематографом. Внутри Академии уже зреет замысел учредить номинацию за лучшую картину ближнего зарубежья. Но я бы очень не хотел, чтобы это стало формальным делом: давать тому, кто ближе сидит, чтобы далеко не ходить.

Раньше Вы говорили, что «Золотой Орел» будет вручаться в сентябре...

Академия обратилась с просьбой к правительству о переносе Дня кино, этого профессионального праздника, с 27 августа (дня подписания Лениным декрета о национализации кинематографа) на последнюю пятницу сентября, тогда и будут вручаться все «Золотые Орлы». (I, 88)

(2002)

Представление премии «Золотой Орел» на Московском кинофестивале состоится в первый и последний раз. Дальше они никогда не будут пересекаться.

Вручение «Орла» будут проводить каждую последнюю пятницу сентября на съемочной площадке «Мосфильма», потому что это профессиональная премия. Это открывает абсолютно новые возможности для телевизионной трансляции, что для нас важно.

Понимаете в чем проблема: когда московская или питерская тусовка – эта «песочница» – устраивает такие мероприятия, они, как правило, заканчиваются междусобойчиком, то есть звучат шутки, которые понятны только тем, кто сидит в зале. О тех людях, которые смотрят на телеэкран, абсолютно не думают. Мы хотим это совершенно исключить. Все должно быть зрелищно, быстро и, самое главное, напрямую связано с кинематографом. Я думаю, за счет этого мы поднимем и вообще интерес к кино.

Может быть, в будущем году церемонию «Золотого Орла», равно как и ММКФ, мы проведем в Петербурге, в связи с 300-летием города, но все равно на «Ленфильме».

А во время XXIV ММКФ мы вручим несколько «Орлов» за вклад в мировое кино, потому что нам важно обозначить приоритеты академии, ее вкусовые камертоны. По тому, кто их получит, люди смогут понять философию этой премии.
(II, 40)

(2005)

Интервьюер: *Премия «Золотой Орел» худо-бедно существует уже три года. Что существенно изменилось в ее структуре за это время?*

В структуре фактически ничего.

А почему худо-бедно?

Я бы сказал, что «Орел» вырос, он взлетел и летит мощно. В прошлом году «Золотого Орла» получил Милош Форман,

в этом – Фрэнсис Коппола и Эннио Морриконе. Это ли не повод говорить о значимости премии.

На этот раз в главной номинации на премию «За лучший фильм года» конкурировали четыре картины – «72 метра», «Водитель для Веры», «Мой сводный брат Франкенштейн» и «Свои», сделанные практически на мировом уровне.

Это ли не интрига?

А пятая – «Папа» – сделана, по-вашему, не на мировом уровне?

Да, пять, конечно, пять. Простите...

Почему Вы решили в этом году вручить «Орла» «За вклад в мировое искусство» именно Фрэнсису Форду Копполе?

А у Вас есть другие кандидаты? Еще значительнее и выше?

Ну почему бы, скажем, не Мартину Скорсезе?

Хорошо. Значит, в следующий раз будет Скорсезе.

А каковы ваши прогнозы относительно премии на будущий год? Чем еще собираетесь удивлять?

Посмотрим, какие фильмы выйдут в этом году. Насколько я знаю, будет минимум шесть серьезных картин, в том числе лента Алексея Балабанова «Жмурки», которая в будущем году сможет претендовать не только на «Орла», но и на другие солидные премии и фестивальные призы. Но «Орел», как вы знаете, собирает все лучшее, что выходит за год.

Скажите, а могут попасть в список номинантов на премию фильмы, которые Вам лично не нравятся?

Конечно, могут.

Список номинантов создается из предложений всех членов Союза кинематографистов, потом из него выявляют «шорт-лист». В этом году было около четырех тысяч голосовавших. Я никогда не влияю на решение академиков. Считаю это порочной практикой, которая может привести бог знает к чему.

Другое дело, что, естественно, в список Академии могут попасть мои друзья и знакомые. Но я работаю в кино тридцать восемь лет, и практически каждый второй кинематографист в нашей стране так или иначе работал со мной когда-нибудь. Я ведь не вчера в кино пришел. Полжизни я работал на имя, а теперь оно работает на меня.

Смешная ситуация, на мой взгляд, даже абсурдная произошла, когда в список претендентов на «Золотого Орла» попал фильм моего брата Андрона «Дом дураков». Меня тогда обвинили в том, что я, дескать, устроил из национальной премии какой-то междусобойчик. А куда мне девать брата, который был лауреатом Каннского и Венецианского кинофестивалей? Что же теперь, если он мой брат, он должен пойти на рынок торговать бананами, что ли?

Вообще вся эта шумиха вокруг моего имени и премии «Золотой Орел» меня просто поражает. Согласитесь, три года назад было решение съезда Союза кинематографистов создать Академию кинематографических искусств и наук. Руководство Союза ее создало. Затем было решение учредить

премию «Золотой Орел». Ее учредили. Теперь есть президент Академии, есть Совет Академии. А я даже не член президиума Академии. Да эта премия такая же моя, как любого члена Союза кинематографистов.

То есть Вы не считаете, что у «Золотого Орла» ваше лицо?

Нет, я так сказать не могу.

С другой стороны, наверное, на этом этапе просто нет человека, кроме меня, который мог бы взять на себя это тяжелое бремя. Моя главная задача – создать механизм, который будет работать вне зависимости от того, кто им руководит. Это неблагодарный труд. Ничего за это время, пока я «управляю» механизмом «Орла», кроме зависти, злости и откровенной лжи, не было. Но я думаю так: чем больше тебя задевают, тем больше в тебе должно быть уверенности, что ты идешь правильной дорогой.

Так что все нормально! (I, 113)

(2006)

Интервьюер: *Вы получили «Золотого Орла» за лучшую мужскую роль в фильме «Статский советник». Как Вы оцениваете эту награду?*

Среди номинантов была серьезная конкуренция, и я хочу верить, что решение было принято не за заслуги вообще, а за эту конкретную роль.

Мне эта роль очень дорога – это профессиональная по-

беда, а не просто награда за долгую жизнь в кинематографе. Я испытываю огромную признательность к своим партнерам. Они продемонстрировали терпение, сострадание, работоспособность, а Борис Акунин обладает и терпением и толерантностью...

В числе номинантов и победителей много молодежи – означает ли это, что налицо преемственность поколений в нашем кинематографе?

Это самый важный момент. В самый трудный момент мы продолжали дело, и нам стали доверять...

Как Вы оцениваете сами IV церемонию вручения премии «Золотой Орел»?

За четыре года, что существует «Золотой Орел», мы сумели доказать, что нас интересуют не амбиции, не желание высказать, кто из нас лучше, а желание поднимать кинематограф и его престиж. (I, 122)

(2009)

Вопрос: *Не кажется ли Вам, что противостояние «Золотого Орла» и «Ники» принижает ценность и той и другой кинонаграды? Похоже, что обе академии превратились в некий междусобойчик, который интересен лишь его участникам, но не зрителям.*

Нет, не кажется.

«Ника» – академия частная, ее организовали физические лица. А «Золотой Орел» – награда Национальной киноака-

демии, ее учредители Министерство культуры РФ, Академия наук РФ, «Первый» канал и канал «Россия», а также Союз кинематографистов России и «Российская газета».

Вот и решайте, что междусобойчик, а что – нет. (XV, 41)

ЗРИТЕЛЬ

(1983)

Мы обязаны хотя бы попытаться помочь зрителю приостановиться, прислушаться, оглянуться на собственную жизнь. А без серьезного разговора мы этого зрителя попросту не удержим. Более того, потеряем его уважение, а самое главное – его доверие к нам.

Кстати, зритель нередко совсем не узнает себя на экране, ведь не случайно про что-то сверхъестественное, неправдоподобное люди говорят: «Ну, это как в кино!...»

Мы зачастую увлекаемся погоней за зрителем. И идем по самому легкому пути, лихо скорректировав теорию: кассовый фильм кто-то назвал зрительским, затем массовым, затем демократичным. И осудить его становится как-то неуютно, не по себе, что ли... (I, 15)

(1983)

Я думаю, что для тех, кто занимается творчеством, занимается им увлеченно, честно, для кого искусство есть плод духовных поисков, путь постижения истины, выражения сокровенных мыслей, требующих своего выхода, не может сто-

ять вопрос о работе в расчете на чей-то вкус – безразлично «низкий» или «высокий».

Если фильм делается искренне, он не может не найти отклика у какой-то части зрителей.

Этот отклик может быть позитивным или негативным, фильм может нравиться, не нравиться и даже резко не нравиться, но это будет реакция живая, активная...

Мне думается, что у наших картин есть свой зритель. Приятно, когда его круг растет, будет огорчительно, если он сузится, но так или иначе главное для нас – не абстрактное число проданных билетов, а серьезность отношения аудитории к тому, что мы делаем.

Подтверждение этой серьезности я нахожу в спорах вокруг наших картин и в нареканиях, нам адресованных. Любое мнение, даже с авторской точки зрения несправедливое, заслуживает уважения, если оно высказано искренне...

Такая реакция для меня предпочтительнее, чем равнодушная вежливая улыбка человека, который старается побыстрее уйти в сторону, чтобы, не дай бог, не сказать что-нибудь конкретное, в особенности если картина ему не нравится... (I, 17)

(2011)

Сегодня, я думаю, одна из самых больших проблем – это попытка пробиться к зрителю. Уровень интереса зрителя к кинематографу очень сильно изменился, он упростился,

опрIMITивился. И думаю, что это проблема не только наша, а мирового кинематографа в целом...

Но все же я хочу сказать, что есть у нас и думающий зритель, который стремится понять, который «работает» в зрительном зале. Я смог в этом убедиться, прочитав более трехсот рецензий, полученных от обычных зрителей со всей России и СНГ, которые приняли участие в объявленном нами (Студией «ТРИТЭ») конкурсе зрительских рецензий на трилогию «Утомленные солнцем».

Я откровенно потрясен глубиной зрительской мысли. По сравнению с этим отечественная кинокритика – ничто. А ведь эти рецензии писали простые зрители! И это настолько глубоко, и настолько интересно! И неважно, ругают они тебя или хвалят, важно, что они глубинно хотят разобраться в том, что тебя волнует и о чем ты хочешь с ними говорить, а не самоутвердиться за твой счет, пытаясь тебя унижить, и не отплясывая на твоей спине чечетку, чем часто занимаются отечественные критики.

И я убежден, что благодаря именно таким зрителям у российского кинематографа есть будущее. (VII, 5)

ЗЮГАНОВ **(1996)**

Зюганов лично – интеллигентный человек, доктор философских наук.

Впервые со времен Владимира Ильича Ленина во главе

коммунистов личность, которая имеет действительно хорошее образование, а не просто окончившая ВПШ... И когда Зюганов говорит серьезно, с точки зрения здравого смысла, он не похож на большевика, он, скорее всего, социал-демократ... (I, 66)

И

«И ВСЕ-ТАКИ Я ВЕРЮ...»

(1990)

Сейчас целые поколения людей, изуродованных советской идеологией, вообще не понимают, что происходит. И кроме ненависти к тому, что происходит, у них нет ничего.

И их винить нельзя в этом. Люди всю жизнь привыкли верить в то, что этот строй незыблем.

Я глубоко убежден, что имперское самосознание рушится. Унижение в своем самосознании народа достигло критической точки: уважения к себе нет никакого. И этим народом очень просто управлять. Можно завтра направить совершенно в противоположную сторону. И народ с наслаждением вырвет колья и пойдет крушить.

И все-таки я верю в возрождение. Даже простая логика подсказывает – не может разрушение продолжаться бесконечно. (I, 32)

ИДЕОЛОГИЯ

Идеология и искусство

(1998)

Интервьюер: *Ваш фильм «Сибирский цирюльник» основан на патриотической, державной и православной идеях. Не опасна ли столь тесная связь искусства с идеологией?*

В таком случае Пушкин, Достоевский, Толстой, Чехов, Бунин – идеологические писатели. Они были людьми державными и православными. К этому нужно относиться как к данности. Люди рождались, воспитывались и жили в этих условиях. В результате написали «Войну и мир», «Евгения Онегина», «Идиота».

Не надо этого пугаться.

Страшно, когда происходит что-то насильственное. Если бы я снимал картину, в основе которой лежала бы идеология секты «Белое братство», тогда был бы повод для сомнений.

А тут в чем странность?

Я – русский человек, воспитанный на русской культуре, но это не мешает мне плакать, слушая азербайджанские песни или стихи казахских поэтов. То, что я делаю, основывается на тех культурных корнях, которые меня взрастили. И только поэтому то, что я создаю, может быть интересно кому-нибудь еще... (I, 74)

ИДЕЯ

Либеральная идея (2010)

Либеральная идея для России на сегодняшний день – гибель.

Вот этот немножко поправил, теперь пусть другой немножко поруководит – эти штуки проходят в маленьких странах. Они не могут существовать в стране таких масштабов. Или каждый регион будет в результате делиться, как в

прежние времена, на отдельные княжества, которые будут существовать своей жизнью, не любить иногородцев или соседей, приехавших из другого княжества.

Это развал страны, развал России, гибель мира. (II, 64)

Русская национальная объединяющая идея (1991)

После официального низвержения коммунистической идеи, которая плохо ли, хорошо ли, но объединяла страну семьдесят лет, так же как до революции империю объединял престол, не осталось идеи, вокруг которой можно организовать структуры, требующие народного единства.

Вокруг свободы или идеи свободы нельзя объединиться, тем более что в России свобода понимается как вседозволенность.

Я считаю, что надо вернуться к давней идее континентального евразийского осознания России. Это основа, вокруг которой можно организовать народы, республики. Понять это принципиально важно, потому что в этом случае возможно возрождение государственно мыслящих людей, живущих в едином государстве, а не на раздробленных территориях. Нужно все структуры стягивать к этому, понимая, что главное – единство государства.

Я не вижу у политиков позитивного желания добиться этого и не разделяю эйфории, сопровождающей происходящие сейчас политические процессы. В результате возникнет

та самая раздробленность, которая приведет к катастрофическому раздиранию тела державы. Считаю, что подобное «пространство без державы» обречено на гибель и чудовищное местечковое самоуправство.

Это можно (и необходимо) понять и почувствовать. Если бы это понимали политики, главы государств, они нашли бы способ внедрить это понимание и в сознание своего народа.

Я считаю, что объединение только под знаком экономики невозможно. Нашей стране нужна идея, это одно из немногих пространств, которое не потеряло желания объединения вокруг духовной идеи в отличие от других государств, для которых лишь экономика является движущей силой. (I, 40)

(1991)

В России без идеи жить невозможно. Я не имею в виду идеологию, скажем, большевистскую. Мы уже это проходили. Но без идеи, без какого-то духовного единства в России нельзя. Действительно, «не хлебом единым жив человек»...

Вы посмотрите, какое сопротивление оказывается приватизации, рынку! Это не шпионы действуют – это внутреннее сопротивление. А сопротивление новому связано с тем, что нет общей идеи...

Россия объединялась до 1917 года вокруг престола, империи, православия, народности; после революции – вокруг идеи социализма. Монархию заменил сталинизм, сталинщина. Товарищ Сталин обращался к людям сначала – «товари-

щи», а когда грянула война – «братья и сестры». «Товарищи» – понятие выдуманное, «братья и сестры» – глубинное. Религию заменил социализм. Ни в одной стране мира не было государственного строя, который воспринимался как религия, на уровне эмоциональном!

Была эта идея у России. Теперь эта идея разрушена... (I, 41)

(1992)

Отмирание большевизма – хотя и чрезвычайно сомнительно, что он наконец отпустил страну, – это еще не решение проблемы.

Потому что отмирание какой-то ткани еще не значит заживления раны и наращивания нового материала. Должна возникнуть новая общенациональная идея (не путать с националистическим или узкорусским).

Когда мы говорим о национальной идее в США, у нас не возникает вопроса, кого она объединяет – негров, белых, ирландцев или мексиканцев. Национальная идея в США – это общегосударственная идея, она объединяет американцев.

Так и у нас.

Пока не будет новой государственной идеи, вокруг которой должны сплотиться народы исторической России (все то, что осталось от Советского Союза), все усилия, которые предпринимались в прошлом году и предпринимаются сейчас, будут бесплодны. (II, 25)

(1994)

Дело в том, что на сегодняшний день русская национальная идея не сформулирована.

Она имеет разные крайности, она мечется из одной стороны в другую и не ощущает под собой того живого оздоровительного, позитивного стержня, который должен стать ее основой.

Когда во Франции, Германии и где бы то ни было мне говорят о русском национализме, я очень удивляюсь этому и пытаюсь объяснить: дурной национализм – когда ты любишь себя и свой народ за счет других народов. А когда я просто люблю мою страну, и мою историю, и мою культуру – это самый здравый патриотизм, который, кстати говоря, во Франции очень и очень распространен. На их домах написано на мемориальных досках, что, мол, здесь жил такой-то герой, который отдал жизнь за Францию.

Это почему-то считается во Франции нормальным... (I, 64)

(1998)

Для меня национальная идея заключается в том, чтобы были повод, возможность и основание вернуть стране достоинство. Брать в долг, зная, что не отдашь – стыдно и недостойно...

Страна жаждет любви. Она хочет быть любимой. Русского

человека всегда можно убедить. По-хорошему: «Ну погоди, давай поговорим. Ты видишь, у меня пока ничего не получается, давай вместе подумаем...»

Другое дело – имеешь ли ты право и умеешь ли так разговаривать! (I, 70)

(1998)

Занятость заключается не в том, чтобы дать людям лопату, а в том, чтобы дать им надежду на то, ради чего они все это делают – то есть ответ на вопрос: зачем жить?

Так формулируется национальная идея: откуда мы взялись? куда мы идем? что строим?

Сегодня во главу угла поставлен абсолютно бездуховный и даже безнравственный вопрос: как жить? Как взять кредиты, как их проесть и как их потом не отдавать, потому что ничего не осталось, все съели. А в основе-то всего в России всегда был вопрос: зачем жить? Опять мы упираемся в религию, в веру, в корневые основы жизни.

Я не фанатик. Я не из тех, кто разбивает лоб себе и детям о паперть. Если хотите, я даже не о церкви. Я о тех правилах, по которым поколениями жила и должна жить страна.

Когда нет подлинной цели, в которую веришь, ради которой живешь, которая передается детям и внукам, тогда рождается шаманство. Шаманство на ложной идее. (I, 76)

(1999)

Русская национальная идея невозможна без духовности, обращения к народным традициям. Это трудно понять нашим западникам, прорвавшимся к власти. (III, 6)

(2001)

Самый главный вопрос – это при вертикали власти провести децентрализацию культуры. И в этом рождается национальная идея.

Национальная идея – это создание такого общества, в котором понятие малой родины вырастает в понятие великой страны. (I, 83)

(2008)

Вопрос: *Нужна ли России цель нации – национальная идея?*

Этот вопрос так часто задается, и так много на него ответов, что мне кажется, каждый пытается по этому поводу изощряться...

Я не знаю про национальную идею, но уверен, что России нужен просвещенный консерватизм и вооруженная эволюция. Не революция, а эволюция.

Почему вооруженная? Потому что она должна быть защищена.

А просвещенный консерватизм – это значит опора на свою корневую систему. Если есть корневая система – есть иммунитет. Просвещенный консерватизм – это крест: вер-

тикаль власти и горизонталь экономики и культуры. (XV, 40)

(2009)

Интервьюер: *Вы человек глубоко русский, Вы знаете, какой должна быть российская национальная идея?*

Не знаю, и это уже, так сказать, набило оскомину: все ищут национальную идею.

Для меня она состоит в преемственности, просвещенном консерватизме и вооруженной, повторяюсь, эволюции... (I, 137)

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО

(2005)

Интервьюер: *Вам приносит какой-то доход ваша издательская деятельность?*

Нельзя сказать, что это большой бизнес. Но, с другой стороны, раритеты имеют не меньшее значение, чем дешевые издания.

Это стиль. Это тоньше.

На сегодняшний день мы достаточно самостоятельны в выборе тем. Мы издали книги о Первой мировой войне и войне Гражданской.

Если Вторая мировая война была менее закрыта для нас, хотя в Советском Союзе она была достаточно прорежена идеологией, то о Первой мировой мы знаем очень мало. Тут возникает много вопросов. Почему Белая армия проиграла

Красной?

Частично на некоторые вопросы я отвечаю в сериале «Русские без России», который был показан по телевидению, а сейчас есть на кассетах. (XV, 18)

ИЛЬИН ИВАН

(2001)

Книгу Ивана Ильина «О России» я издал миллионным тиражом.

Если бы знали, какое сопротивление оказывалось, когда я ее пытался раздавать во время предвыборной кампании Бориса Ельцина! Не мешали только те, кто ее не читал...

Эта тоненькая книжечка написана в 1950 году гениальным человеком, который жил Россией, не живя в ней. Он, как Ванга, не видя, предсказывал. Или как старцы.

В пятидесятом году написать такое! Страна выиграла войну, была на подъеме, культ Сталина достиг апогея. Разговор один: СССР – великая держава.

А Ильин пишет о ее распаде. И это случилось почти через пятьдесят лет. Но советская номенклатура подобных книг не читала. Они были запрещены.

Ну теперь-то можно! Но предпочитают не замечать... (I, 81)

(2006)

Сегодня имя Ивана Александровича Ильина кажется нам

давно и хорошо знакомым.

Его цитирует в своих посланиях президент России. Его книги лежат на столах политиков и ученых, о его творчестве пишутся научные статьи, о нем защищаются диссертации...

Но так было не всегда.

Ильин на долгие годы был под запретом в Советской России, из которой был выслан по личному указанию Владимира Ильича Ленина в 1922 году. Он половину своей жизни прожил в эмиграции и на родине у себя стал практически не известен. Но мысли и дела его всегда были только о России и для России. И он верил и предсказывал, что он в Россию вернется...

Его возвращение в Россию началось в 1991 году, когда вместе с моими товарищами, впервые после долгого перерыва, я издал в России миллионным тиражом брошюру Ивана Ильина «О России».

Если бы вы знали, какое сопротивление оказывалось нам тогда во всех эшелонах власти... Да это и понятно. Он всегда был для всех властей предержащих, временщиков, жаждавших крушения Российской империи и расчленения России, чужим и страшным человеком одновременно.

Но мы делали свое дело. Спокойно, без суеты, без торопливого желания увидеть результат своей работы сразу, здесь и сейчас.

И вот время пришло...

Иван Александрович Ильин вернулся на родину: и физи-

чески, и духовно. Его прах и прах его супруги покоится ныне в некрополе Донского монастыря, среди родных берез, а архив Ильина, хранившийся долгие годы в Мичиганском университете в США, возвращен нами на Родину и передан по его завещанию в Московский университет, где он скоро будет доступен всем желающим.

И слава Богу! Потому что я вижу в этом верный знак начала конца Гражданской войны, которая жила в делах наших дедов и в умах наших отцов и до сих пор отзывается болью в душах наших.

Но я верю, что в сердцах наших детей и внуков ее уже не будет. А залогом тому служит и послужит Иван Александрович Ильин – просвещенный патриот и гражданин, к словам и мыслям которого сегодня так чутко прислушивается молодая Россия! (III, 7)

ИММУНИТЕТ

Культурный иммунитет (2001)

Очень важно, чтобы в первую очередь дети наши, которым сегодня через Интернет и современное телевидение открыт весь мир (и прежде, чем они в эту сеть попадут), имели в себе внутренний, устойчивый культурный иммунитет: Пушкин, сказки, былины; вера, стремление следовать заповедям, знание родных культурных основ и традиций.

Я имею в виду не академические знания, а знания модаль-

ные и экзистенциальные: вот это – можно, а это – должно, а то – грешно. (II, 38)

ИМПЕРАТОР **(2005)**

Интервьюер: *Вы не думаете, что маленькая роль русского императора в «Сибирском цирюльнике» обернулась для Вас огромным антипиаром? Для ваших недругов трудно было придумать более соблазнительную мишень, чем Михалков в роли царя.*

Да мне абсолютно наплевать на недругов.

Александр III – великий император, правивший в России тринадцать лет, потрясающая личность.

Я – русский человек, я живу в России, это мой любимый император. Вот если бы написали, что я сыграл императора мерзавцем, исковеркал его образ, погубил светлую память, это бы меня касалось.

А когда кто-то делает дурацкие выводы, что быть императором якобы моя потаенная мечта – это меня совершенно не волнует. Поначалу я действительно с печалью и обидой на это реагировал, но потом задал себе вопрос: «Я это делал для того, чтобы прославиться? Нет. Я это делал для того, чтобы заработать денег? Нет. Я это делал для того, чтобы въехать в Кремль на белом коне? Тоже довольно эфемерная победа».

Почему я играл императора?

Потому что мы похожи ростом и телосложением – это раз.

Потому что я считал за честь его сыграть – это два. И третье: я никому не мог из артистов доверить жизнь и здоровье мальчика, который должен был скакать с императором на передней луке седла. По скользкой брусчатке да под гром литавр оркестра. Так как я хорошо держусь в седле, я за это взялся. (II, 48)

ИМПРОВИЗАЦИЯ

(1984)

Признаю единственный вид импровизации – импровизацию вполне готовых к импровизации людей.

Ссылки на вдохновение, которое должно снизойти на нас в репетиционной комнате, на сцене, на съемочной площадке, придуманы для маскирования лени или оправдания дилетантизма.

И всегда приводит к результату, который я называю так: что получилось, то и хотели. (II, 7)

«ИМЯ»

(1989)

Говорят, полжизни мы работаем на имя, остальные полжизни имя работает на нас.

Ко мне приходит много людей за помощью. И я стараюсь сделать для них все, что могу. Так я пытаюсь компенсировать то, что называется известностью, популярностью.

В инстанциях мне редко отказывают.

Думаю, еще и потому, что довольно мало просил для себя лично. Недавно – впервые попросил жилье. Конечно, в этом смысле я не бедствовал, имел хорошую кооперативную квартиру. Но у меня большая семья: четырнадцать лет старшей дочери, двенадцать лет сыну, маленькой дочурке всего два, жена, теща, к тому же я сам со своей нелегкой профессией. Словом, потребовалось несколько расширить жизненное пространство.

И я пошел, как говорит Олег Табаков, «торговать лицом» в Моссовет. Этот случай для меня – исключительный. Обычно так поступаю, чтобы помочь другим... (I, 28)

«ИМЯ РОССИИ»

(2008)

Интервьюер: *В России подходит к завершению телепроект «Имя России», где Путин конкурирует с Лениным. Что для Вас значит выдающийся россиянин? Что Вы ощущаете, когда слушаете нынешний гимн России?*

Путин не конкурирует с Лениным! С чего Вы это взяли, там нет Путина.

Что значит «нынешний гимн»? Для меня нынешний – это то, что и прежний. На мой взгляд, там красивые слова, которые вышли из-под пера Сергея Михалкова.

А относительно «Имени России»... Для меня это Столыпин. Я буду защищать его на этой передаче. Именно он близок сегодняшним проблемам России. В 1908 году Столыпин

на Амуре предупреждает и предлагает задуматься, каким образом остановить завоевание Дальнего Востока Китаем и Кореей. Сегодня мы стоим перед этой же проблемой, потому для меня «Имя России» – это Столыпин со всем комплексом его реформ и пониманием проблем.

Думаю, что в Киеве я обязательно схожу в Киево-Печерскую лавру, поклониться могиле его. (XV, 38)

(2008)

Интервьюер: *Миллионы телезрителей видят Вас в составе двенадцати присяжных, которые вдохновенно, азартно, более или менее красноречиво обсуждают фигуры русской истории в телепроекте «Имя России» —*

Ивана Грозного и Пушкина, Ленина и Сталина, Столыпина и Менделеева... Скажите как человек сведущий, эта ретродемократия – максимум дозволенного нынче русскому обществу? Сможем ли мы когда-нибудь так же азартно и красноречиво обсудить Владимира Путина и Валентину Матвиенко, Германа Грефа и Игоря Сечина или, если взять деятелей культуры, Аллу Пугачеву и Виктора Пелевина?

Хороший вопрос.

Мне кажется, я бы мог. Но тут вот есть какая сложность. По отношению к историческим персонажам есть солидный материал – воспоминания, книги, документы. А если мы берем сегодняшних деятелей, то придется брать из жизни текущей, из личного опыта. И не выльется ли это в некоторое

свинство, учитывая наши национальные особенности? Начнут выяснять отношения, орать, неприличными словами выражаться...

Хотя мне было бы это интересно – я о любом, кто действует сегодня, имею свою точку зрения.

Что Иван Грозный, с ним уже все ясно. А вот кто такой Герман Греф, интересно? Тайна! Возьмем, к примеру, Никола Саркози – человек, закаленный в битвах, его с утра до вечера обсуждают, и это его только бодрит, вон как Францию нынче стало видно и слышно на мировой арене. Нет ли опасности в нашей вечной закрытости?

Николя Саркози живет в свободном, открытом обществе, обсуждения его личности не носят анонимного характера. А у нас в лицо говорят одно, за спиной другое, мы не можем чувствовать себя единой нацией, мы все время: «два пишем, три в уме».

Представьте, что объявили бесконтрольное, повсеместное обсуждение действий президента, премьера, и кого мы услышим? Прежде всего тех, кто говорит «нет», потому что наше общество привыкло объединяться вокруг нелюбви. И не может объединиться вокруг любви – тут же обвинят в лакействе, в угодничестве...

И не так-то просто понять своих современников, не так все однозначно. Вспомним Бориса Николаевича Ельцина, Царство ему Небесное. Когда грозила опасность, он возбуждался, был деятелен, мощен, он стучал кулаком по столу,

наслаждался этим выбросом адреналина, принимал ответственные решения, громил своих противников. А потом уходил точно в тину, угасал, и выплывали тут же другие «деятели». И поди его пойми...

И вот если мы возьмемся обсуждать сегодняшних людей, то какая будет цель? Мы берем человека, чтоб его утопить? Или берем человека, за которым есть перспектива созидания?

Если чтоб утопить и рассказать, какой это мерзавец, то мне это неинтересно. Это разрушение. А если есть перспектива развития и можно помочь человеку, то это интересно. Это созидание. (*I, 132*)

ИНЕРЦИЯ

Русская инерция (2002)

Мне приходится сидеть на совещаниях более важных, менее важных, все говорят так правильно, так справедливо, так заинтересованно...

И у меня возникает странное ощущение: если все так правильно говорят, чего же тогда все происходит-то не так, как надо?

Иван Ильин любил такую фразу: «Никогда не жалуйся на время, ибо ты именно для того и рожден, чтобы сделать его лучше». Может быть, и по-комсомольски звучит она, и слишком по-молодечески, но тем не менее Ильин к ней относился очень серьезно.

В нас до сих пор жива вечная русская инерция.

Александр Сергеевич Пушкин, встретив гроб с телом Александра Сергеевича Грибоедова, сказал: «До чего мы, русские, ленивы и нелюбопытны». Это наше печальное качество еще умножилось партийной системой – за нас сделают, за нас решат...

Помню это чудное время в армии: «Построят – скажут». Веселая безответственность! «Понял! Есть!» Слушаешь начальников и думаешь: «Вот козел!» А вслух: «Понял! Есть!» Все понимающе перемигнулись. И вперед. И все нормально...

И в гражданской жизни было так же. Сидели на кухнях и хихикали. А потом вдруг в три дня это все рухнуло. В три дня!

Стержень страха вынули, свободу дали, а что с этим делать?

И тут же начали искать того, кто объяснит, куда же нам надо идти, чего же нам теперь делать. На мой взгляд, как раз этим нашим национальным качеством очень лихо воспользовались. Тот же Фонд Сороса, который нам доставляет теперь учебники, по которым будут учить наших детей... Посмотрите их. Очень впечатляющая картинка нашей истории. Или бесконечные проповедники из-за океана, через переводчика просвещающие нас, неразумных.

Понимаете – они делают, а мы нет. Вот в чем вся проблема... (I, 92)

ИННОВАЦИИ

(2013)

Остаюсь при своем убеждении, что все инновации, все эксперименты, все новшества, все смелые начинания – все они могут иметь смысл в том случае, если в центре стоит человеческая жизнь, человеческая душа, человеческое существование, сострадание. Когда есть живые люди...

А если этого нет?

Вот есть умнейшие люди. Умнейший человек, знающий, который сыплет цитатами по любому поводу. Я уважаю таких людей. Но я думаю, что душа без знаний может быть созидательной, а знания без души созидательными быть не могут. Они остаются только знаниями, они холодны, они бесчувственны. Если за этими знаниями не теплится жизнь человеческого духа, биение человеческого сердца, вот это тепло внутреннее, такое разливающееся от желания рассказать о том, что тебя волнует по-настоящему, то это – мертво. (XV, 77)

ИНОСТРАНЦЫ

(1992)

Любой иностранец, попавший на две недели в город Тулу и брошенный «Интуристом», превратится в совершенно иного человека.

Через две недели он будет думать совершенно по-другому

– о жизни, о мире, о себе, о чем угодно... (II, 25)

ИНТЕЛЛИГЕНТ

(2002)

Интервьюер: *Вы как-то очень не то что неллищеприятно, а просто сказали: «Я не интеллигент».*

Я не интеллигент. Я аристократ.

Это разные вещи.

Причем аристократ – это не начищенные ногти, грассирование и невозможность войти в людскую. Аристократизм, на мой взгляд, заключается в том, чтобы точно знать свое место.

Полуграмотный, неграмотный крестьянин, никогда не читавший Пушкина, Ницше и не слушавший Мусоргского или Моцарта, если у него достоинство его существования сочетается с окружающим миром, он знает свое место.

Это не значит, что его место – это место униженного и испуганного в людской.

Нет.

Он делает свое дело, и он знает, что он делает его лучше других, и он не хочет быть членом Совета безопасности или министром культуры. Он просто не хочет! Он самодостаточен на своем месте. И в том, что он умеет, он достиг всего того, что хотел достичь.

А что такое «интеллигент», по-вашему?

Не знаю.

Вот на сегодняшний день то, что называется «интеллигент».

ция», — для меня это какое-то ругательное слово стало.

Честное слово!

Я уважаю людей труда, интеллектуального в том числе. Но я не люблю и не верю общественности. Она продажна и пуста.

Я верю конкретным людям, их конкретным делам, а все остальное — это пена, мыло. (V, 7)

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

(1993)

Я посмотрел репортаж в «Вестях» относительно встречи президента страны с интеллигенцией. Честно скажу, я испытывал чувство неловкости. Ну неловко я себя почувствовал.

И к счастью, даже не к счастью, а к ощущению того, что я в этом своем чувстве не совсем неправ, я 30 апреля в «Независимой газете» прочитал статью Топорова, человека, чье мужество и позиция меня просто поразили.

Я почувствовал в этой статье полнейшую независимость. Ему ничего не надо. И он пишет как раз об этой вот встрече с интеллигенцией. Пишет очень жестко, очень честно...

Я в своем выступлении в «Культуре» сказал, что странно мне видеть большого музыканта, великого пианиста (это был Николай Петров), который призывает расправляться канделябрами. Мол, вы, Борис Николаевич, играете честно, а они шулера, а, как известно, в России с шулерами поступали именно так.

И меня потрясло, что разговор шел не о борьбе с коррупцией, с мафией, с воровством... а по вопросу применения силы и жесткой политики к инакомыслящим, то есть к тем, кто думает не так, как ты. Я имел неосторожность им это высказать...

Я понимаю, если бы там, на встрече у президента, был Солженицын, изгнанный из страны, Ростропович, Максимов.

Нет!

Там были народные артисты Советского Союза, которые были удостоены всех регалий, которые могла дать им страна. Так что ж вы, братцы, вы, находящиеся в постоянной оппозиции, с одной стороны, а с другой стороны – поющие и играющие на правительственных концертах, борющиеся за звание народного СССР, Ленинскую премию и так далее.

Что с вами случилось?..

Я не знаю, что так отстаивать прекрасным писателям братьям Вайнерам, чего им бояться? Да нечего! Выходит полное собрание их сочинений, да и раньше всегда выходили их книги...

Некоторые речи, которые там звучали, мне напоминали речи, которые я мог бы читать и в 1949 году, и в 1953 году, только там просто другие фамилии стоят, и все.

И вот на это мое выступление Николай Петров, мой товарищ детства, ответил открытым письмом, которое было напечатано в «Курантах».

И обратите внимание на одну потрясающую деталь – как подается материал. Редакция подает его, как бы подталкивая читателя: ну, вот смотрите... «То, что маститый режиссер, – пишется в преамбуле, – стоит на позициях, прямо противоположных существующей исполнительной власти, не диво». Тридцать-сорок лет назад эта фраза могла бы стать поводом для абсолютно однозначной репрессии по отношению к тому, о ком она написана. Вот в этой преамбуле прямо говорится та самая – большевистская – система наводки: вона, вона куда надо смотреть!

Все поняли? А кто не понял – поймите! Это же против вас!...

Так делается неправда.

А я могу сказать, что это неправда. Потому что меня нельзя упрекнуть, скажем, по моим картинам, что я работал для правительства, для партии. Я никогда не был членом партии, не имел ни одной госпремии...

Еще цитата: «В русской истории истинный художник всегда находился в оппозиции к власти. Сейчас единственный в нашей истории случай, когда большинство российских интеллигентов, не за привилегии, звания, ордена, регалии и прочие подачки, а по велению совести сплотились вокруг нашего президента...»

Вот эта фраза меня заставила очень о многом задуматься. Задуматься в общем-то о некой фальши всей этой ситуации. Если сегодня это единственный случай в нашей исто-

рии, когда интеллигенция не находится в оппозиции, то я предпочитаю оппозицию Пушкина, Достоевского, Толстого той культуре и искусству, которые мы сегодня имеем благодаря единению нашей интеллигенции.

Ибо я не думаю, что то, что происходит сегодня на телевидении, в кино, в театре, на эстраде, – это и есть эталон консолидации интеллигенции... (V, I)

(1994)

Когда наша интеллигенция лезла в драку за роль пролетарского вождя на сцене Большого театра и на любой другой сцене или в крайнем случае мечтала сыграть в фильме или спектакле роль очередного генсека, то это очень хорошо оплачивалось и давало льготы.

Потом, получив все то, что получила, наша интеллигенция с легкостью необыкновенной проснулась под трехцветным знаменем, стала продаваться оптом новым хозяевам только потому, что это в настоящий момент выгодно.

Какая же это интеллигенция?

Это не национальная элита. Она ничего не может защитить. Постоянно существовать на плаву – так живет огромное количество моих коллег.

Это не элита. Это простые исполнители любых заказов... (I, 64)

(2010)

Интервьюер: *Вы довольно любопытно, на мой взгляд, рассуждаете о русской интеллигенции. В частности, Вы говорите, что русская интеллигенция отличается от всех прочих тем, что она не выходец из своего народа. И отсылаете нас к Петру I, который отправлял боярских детей учиться в Европу, в Голландию и так далее, но при этом не сказал их родителям, что утром следует пить не водку, а кофе и вообще брить бороды. И тогда эти уже вернувшиеся взрослые люди оказались совершенно чужими. И вот Вы говорите: «Наша интеллигенция – она, условно говоря, голландская». Что, Пушкин, Достоевский, Толстой, Вы сами – вы что, все голландцы в этом смысле слова?*

А я не считаю их интеллигентами.

Ильин тот же самый, который...

Они не интеллигенция.

А кто же они?

Они – аристократы. Это разные вещи.

Достоевский, какой же он аристократ?

Это огромная разница. Кстати говоря, как раз наша способность интеллигентская, так сказать, самокопательства привела, в общем-то, к гибели России...

Вы понимаете в чем дело. Дело в том, что возникла пропасть между теми, кто вернулся, обремененный знаниями и новым взглядом на мир, и теми, кто жил здесь. Эта пропасть возникла. Волошин писал: «Великий Петр был первый большевик». Это действительно так. На уровне большевика он

пытался переделать огромную страну, достиг невероятных успехов, но в то же время навсегда разделил этот народ с этой интеллигенцией.

Которой до него, выходит, не было?

Чего, разделения?

Интеллигенции не было до него – так выходит.

В том представлении, о котором Вы говорите, конечно, не было. Протопоп Аввакум – интеллигент?

Вы сами аристократ? Или Вы голландец? Вы себя где ощущаете?

Нет, я летучий аристократ... (V, 24)

(2010)

Я не считаю, что интеллигенция должна обслуживать власть. Она должна служить своему Отечеству. Но пребывать в вечной оппозиции к власти, просто потому, что это власть, очень глупо, по-моему. Более того, это чистое безбожие.

Раздербанивание страны изнутри – чем, в сущности, и является вечное интеллигентское противостояние власти – дурно заканчивается. Тогда появляются Грозный или Сталин. И силой сохраняют то, чего мы не удержали, потому что не хватило благоразумия, доброй воли... (I, 144)

(2011)

Интервьюер: *В «Цитадели» Вы резко показываете на-*

дение российской интеллигенции...

Собственно говоря, из-за них, из-за этой милейшей интеллигенции в «Цитадели», произошло то, что произошло в 1917 году...

В телевизионном сериале < «Утомленные солнцем-2» > будет замечательная сцена, когда они сидят, а старушка говорит: «А во всем виноват малярийный комар. Если бы он не укусил Коленьку и этот дурак не слег с малярией, то мы бы уже давно были в Финляндии». «Да, и никому не мешали строить светлое будущее», – говорит старик, держа газету «Правда» в руках. Они не только жертвы, они еще и беззакония творцы. В первой части <«Утомленных солнцем»> Котов говорит: «Что же вы, обученные, вооруженные, одетые, а мы, нищие и голые, вас били? Чего же вы сейчас?»

И это страшно.

И я вам скажу более криминальную вещь. Я согласен с Василием Розановым, который говорил, что Россию погубила великая русская литература. Народническая, демократическая. Николай Некрасов: «Вот парадный подъезд. По торжественным дням...» Все это было смело, талантливо и по большому счету в результате становилось классикой, но, тем не менее, вымывало нравственные основы; после чего убивают Петра Столыпина и все заканчивается кровавой бойней. 1917 год начался не в 1916-м, а лет за сто пятьдесят до этого. А мы почему-то ненавидим императора Александра III, который это понял и сразу стал тушить...

Вы себя причисляете к интеллигенции?

Я себя не причисляю. (XV, 51)

ИНТЕРНЕТ

(2005)

Недавно я летел в самолете, со мной рядом сел очень молодой человек. Он открыл портфель, и, естественно, там я увидел ноутбук, что меня не удивило. Но еще я там увидел потертую книжечку с закладкой, что, признаюсь, меня удивило. Я присмотрелся и понял, что это «Преступление и наказание» Достоевского...

Вспоминая об этом, вот что я хотел бы вам пожелать: как бы всеобъемлющ ни был Интернет, как бы легко и полно ни доставалась через него информация, никогда не забывайте шелест страниц великих книг и волшебный скрип пера о бумагу! (XI, 26)

(2010)

Минувшим летом ко мне пришел человек – руководитель довольно крупного российского интернет-портала. И сказал: «Мы выполнили заказ по «Предстоянию», который нам проплатили. Мы ругали вашу картину с утра до ночи, и пятьдесят моих сотрудников создавали видимость, будто в блогах пишут пять тысяч человек. А потом я посмотрел фильм и был абсолютно потрясен. И вот на днях ко мне снова пришли люди и предложили разместить такой же заказ по «Ци-

тадели». Я отказался...»

Не буду называть ни его имени, ни имен заказчиков. После этого мне многое стало понятно. Если раньше я думал, что Интернет – это, в основном, собрание лузеров, то теперь я вижу, что это еще большой и циничный бизнес.

Точка ру. (XV, 46a)

ИНФОРМАЦИЯ

(2003)

Та скорость, с которой получает сегодняшний человек информацию, и сама легкость доступа к этой информации, и клиповое мышление, насаждаемое телевидением, и Интернет, и так далее, и так далее не дают возможности углубиться во что бы то ни было.

Это серьезная проблема...

Нынче «Войну и мир» можно прочесть за пятнадцать минут – просто перелистывая страницы Интернета. Мы можем получить любую информацию о любой картине в Лувре, в Русском музее, в Эрмитаже.

Удобно? Удобно. Полезно? Очень.

Однако телефон, e-mail, факс отучили нас держать в руках перо.

Представьте себе, что телефон был бы выдуман на двести лет раньше – и мы бы не получили переписки ни одного из великих людей, на чьем опыте мы учимся. Представьте себе, что возможность получения и исчезновения информации

была бы двести – триста лет назад, пятьсот лет назад такой же, как сегодня, – не было бы летописей.

Сегодня мы практически выплескиваем из жизни все, что устарело. А устаревает все очень быстро. Уже в течение следующей программы «Время» или «Вести» – все новое... (XI, 2)

ИРХИНО **(2004)**

Я был в деревне Ирхино Вологодской губернии. И там мне рассказали историю...

Некий Толя вернулся с фронта. Долго шел. Зима. Февраль. По ранению возвращается домой. Добирался в мороз пешком. Короче говоря, он доходит до своего дома в маленькой деревеньке Ирхино, в феврале месяце, на севере России, и стучит в окошко, где его жена и дети.

И жена подходит к окну. Надышала пяточок. Лунный свет. И она увидела там мужа, которого не видела три года, и решила, что это сон. И вот так вот у этого окошка замерла, глядя на него. И он не стал ее будить. Не стал разрушать ее сна. Он стоял там, на морозе, и берег ее сон.

Вот это культура!

Этот человек не может анкету заполнить, он не говорит на трех языках, но это культура! Это глубинное ощущение правды. Глубинное! Которое собственно и есть культура. (V, 17)

ИРОНИЯ

(1990)

Однажды писатель Владимир Максимов, когда мы говорили с ним, сказал: «Самое ужасное – это то, что выросло поколение, которое научили смеяться над тем, что было истинно свято и серьезно. Не бояться научили, не не любить или даже ненавидеть, а смеяться».

Нам нужно перешагнуть этот порог, иначе все можно потопить в иронии... (I, 33)

(1999)

Интервьюер: *А в отношении себя Вы иронию допускаете?*

Конечно.

Самоирония – это спасение. (II, 31)

ИСКУССТВО

(1989)

Интервьюер: *Ваша главная муза – это кино. А что еще Вы любите в искусстве?*

Меня волнует то, что лежит за гранью моего интеллекта, вне его.

Когда я во второй раз в жизни был в Испании, в мадридском музее Прадо меня интересовал только один человек – Босх. Я полтора часа стоял перед его картиной – ждал, когда

отвернется зритель, чтобы прикоснуться к четырехсот-летним доскам и сократить расстояние до минимума. Фантазия и умение этого мастера Средневековья столь божественны, что потрясают до глубины души. Хотя среди героев Босха я себя представить не могу.

Среди «Катальщиков на коньках» Питера Брейгеля я себя чувствую, кажется, ощущаю даже запах снега. У Федотова я живу, стою за дверью, могу быть человеком с похмелья. В Венецианове я точно знаю, как под ладонью теплы доски овина. Мне безмерна дорога и живая жизнь, запечатленная в стихах Пушкина. Только искусство может вместить это единое для всех мироощущение и, вобрав его, как губка, пронести через время.

А то, что мне интеллектуально недоступно, того я просто не понимаю, а значит, мне это неинтересно.

Вот на выставке Малевича смотрю его «Автопортрет» – мне очень нравится, смотрю его «Красную конницу» – и думаю, как живописно, как нагло, как красиво. А потом смотрю «Черный квадрат» или «Круг», а внизу написано двенадцать страниц объяснения, я даже не могу дочитать его до конца.

Чужой интеллектуализм мне неинтересен. Я не любознательный человек. Мне скучно докапываться до причин. Если для того, чтобы понять, мне нужно поверить, что это чудо, я с большей радостью приму это как чудо, как божественное, нежели когда мне покажут формулу, которая объяснит, как это сделано.

Маленький художник XIX века с пейзажиком 15х17 сантиметров мне лично дает намного больше эмоций, памяти чувства, чем огромное полотно того же Иванова. Я понимаю всю мощь его работы – у меня это вызывает уважение, но эмоций не вызывает.

А вне эмоций для меня все кончается. (II, 19)

ИСЛАМ (1998)

Я убежден, что православие – основа нашей страны. Потому что здесь большинство исповедует православие.

Но однажды под Нижним Новгородом я попал в татарское село. Березы, поля и... мечеть.

Для меня мечеть – это белое солнце пустыни: пески, дуваны, старики сидят. Я это понимаю, уважаю, но как-то странно видеть мечеть посреди русского пейзажа! «Сколько ей лет?» – спрашиваю. «Шесть лет как построили». – «А давно здесь живут татары?» – «Восемьсот лет», – отвечают.

И все! У меня вопрос был снят навсегда. Если для людей, исповедующих ислам, этот пейзаж – родной, и эта речка, эта рыбка, эта береза и это поле – то, в чем они выросли, как же я могу считать, что эти люди «не вписываются в мой пейзаж»?!

Вписываются, и запросто, потому что они – мои братья. Это нужно принципиально понять... (I, 70)

(2010)

Мне намного проще говорить с ярым мусульманином, чем с безбожником.

Ты посмотри, как ислам защищает своих! Одна карикатурка на Мухаммеда – и человека закошмарили так, что он на улицу боится выйти. Я сейчас не говорю, что это хорошо. Я говорю о том, что они защищают то, что для них свято.

А у нас защищали выставку, где была параша с использованием всех священных символов, икон, крестов! «Это же артхаус, это – современное искусство!»

Наверное...

Но не может общество существовать, если у него нет чего-то такого внутри, что сдерживает его, что говорит: «А вот это трогать нельзя». (II, 64)

ИСТОРИЯ

Исторические персонажи (2009)

Есть один очень простой внутренний тест на доверие к тем или иным историческим персонажам. Спросите себя: мы сейчас умнее всех, кто до нас жил на земле? Умнее Александра Невского?! Дмитрия Донского?! Пушкина?! Достоевского?! Толстого?!..

Нет!

Но они, порой протестуя или выражая недовольство, никогда не покушались на незыблемость тех постулатов, по которым страна сама начала жить естественным путем тысячу лет назад, кровью, войнами... Почему я должен верить тому,

кто мне вдруг скажет, что все раньше было плохо, и предложит взамен демократию или революционное собрание?

Кстати, как ни парадоксально, Ленин в борьбе за власть и строительство нового был одним из самых реальных и безжалостно последовательных политиков. Либералы, Керенский... милейшие люди, думали больше о том, как бы им «рыбку съесть... и в партию вступить». Ленин же понимал, что это невозможно. Поэтому и ответил на белый террор красным. И будь здоров каким!

Это чудовищно, это и есть политическая воля, приводящая к результату. Но важно, чья это воля и к какому результату она может привести. (XV, 44)

ИТАЛИЯ

(2006)

Интервьюер: *У Вас долгая история отношений с Италией. С чего все начиналось?*

С кого! С замечательного журналиста Джованни Буттафы. Он, кстати, первым подарил мне машинку для стрижки усов – я ее до сих пор вожу с собой. До этого я в принципе не знал, что такие вещи существуют.

Он познакомил меня с Италией, а я его – с Россией.

И, кстати, история его первого появления в России – смешная. У меня была ассистентка, талисман группы, Тася. Небольшого роста, некрасивая, но светлый человек – на Студии ее любили и знали. У нее было некое подобие усов. Она

с ними не только не боролась, но даже оберегала. И вот у меня была назначена встреча с Джованни на «Мосфильме». Он пришел, позвонил в группу. К телефону подошла Тася, которая всегда очень раздражалась, если меня спрашивал кто-то, ей неизвестный. Джованни говорит: «Здравствуйте». – «Здравствуйте». – «Я Джованни Буттафа». – «Ну и что, а я Тася». – «У меня назначена встреча с Михалковым». – «Подумаешь, я с ним каждый день встречаюсь». – «Но я стою в проходной, мне сказали, что меня встретят». – «А как я Вас узнаю?» – «Я небольшого роста». – «Я тоже». – «У меня усы». – «У меня тоже...» В общем, она все-таки привела Джованни ко мне в кабинет, но была крайне раздражена, что пришел какой-то итальянец, отрывает от работы, и каждые пять минут заглядывала – что мы там делаем.

Джованни с огромным интересом относился к российскому кино и очень глубоко понимал то, что говорится между строк. А самое главное тогда говорилось именно между строк. Он не искал сенсации, он пытался понять. Меня лично это всегда удивляло и вызывало огромное уважение.

Жалко, что его уже нет на свете. Очень его не хватает. (I, 126)

Италия и Россия (2004)

Внешнее туристическое представление: «Италия – это спагетти и Челентано, а Россия – водка, матрешки и медве-

ди» – примитивно. Надо преодолевать эту примитивность восприятия своей и чужой страны.

Чтобы понять пейзаж России или картину Федотова, нужно около нее стоять. Это не просто информация – «здесь нарисовано это», – это вдохновение, духовная энергия, которую ты тратишь, чтобы воспринять энергию того, кто писал пейзаж, а пока сегодня модное слово «комфорт» заменило множество важных представлений.

Однако «быть собою» не значит быть узким националистом. Это счастье, когда можешь назвать своими Леонардо да Винчи и Вивальди, Пушкина и Мусоргского.

Вопрос: *Какая разница в менталитете итальянцев и русских?*

«Я сейчас его убью, держите меня», – может кричать итальянец и не тронет вас пальцем.

У нас – бьют сразу. (I, 110)

И

ЙОД
(2010)

Память детства. Причем не в связи с разбитыми коленками и содранными локтями.

Эти коричневые капельки закапывались мамой в маленькую рюмочку молока и принимались ежедневно. Наверное, для щитовидной железы... (XV, 46a)

К

КАВКАЗ

(2011)

Когда генералом, министром обороны огромной страны становится человек, никогда не читавший ни Льва Николаевича Толстого, ни генерала Ермолова, ни генерала Паскевича, которые были наместниками русских императоров на Кавказе, то это странно. Он говорит: «Мы батальонами за три дня – там все!» – и кладет бесчисленное количество русских мальчишек неподготовленных. Это преступная безграмотность.

Нас гонят с Кавказа, потому что Кавказу нужны уважение и сила. На Кавказе сила без уважения есть оскорбление, а уважение без силы считается как трусость, как слабость. А мы и силу там потеряли, и уважение не принесли. И не понимаем, что пятилетний мальчик носит кинжал на поясе не потому, что это предмет костюма, а потому, что это знак его принадлежности к гордому Кавказу.

Если бы эти генералы читали Толстого!

Когда предают земле тело убитого чеченца, то на это время останавливаются военные действия. Это ритуал. Шамиль – кровный враг России, который вел войну с Россией, был приближен к России. И заканчивает свою жизнь как бы другим человеком.

Если бы в то время вместо того, чтобы ввести войска, генералу Дудаеву дали бы звание генерала армии и сделали бы заместителем министра обороны, переведя в Москву, этого ничего бы не было.

Потому что – это Кавказ. (XV, 48)

(2012)

Интервьюер: *Как Вы относитесь к лозунгу «Хватит кормить Кавказ»?*

Это слабый лозунг, лозунг слабого корня.

«Хватит кормить Кавказ» – потому что он у нас все отнял? А миллионы гектаров земли, которые не обрабатываются? При чем здесь Кавказ?

Другой разговор, в коня ли корм? Но это не главное в этом лозунге. Это до боли знакомая логика, которая предполагает, что если мы не будем кормить Кавказ, то все у нас будет хорошо. Но нет, у нас не будет хорошо. Потому что голодный Кавказ, который перестали кормить, придет сюда – правдами и неправдами отнимать то, что ему недодали. Или уйдет в другую сторону. И мы потеряем Кавказ.

А потеря Кавказа – это развал страны. (XV, 66)

КАГАНОВИЧ

(1994)

Лазарь Моисеевич Каганович, поворачивая ключ взрывного устройства, чтобы разрушить храм Христа Спасителя,

сказал легендарную фразу: «Так мы задерем подол всей России...»

Вдумайтесь?!

Неужели после этого можно сказать себе: «Ладно, забыли, с понедельника у нас новая жизнь»? (I, 65)

КАЗАЧЕСТВО

(2003)

Вопрос: *Найдет ли казачья тема отражение в вашем творчестве?*

Меня волнует исход Белого войска в двадцатые годы, «Ледяной поход» через донские степи в Крым. Этим трагическим страницам казачества посвящены стихи Туроверова, по ним можно писать сценарий.

Тема «Ледяного похода» ждет своего воплощения... Частично я уже ее коснулся. Сейчас на РТР снимаются четырнадцать серий моего документального сериала «Русские без России» об исходе Белого движения. Там есть сцены невероятные. Коня, которую выносили из боев своих хозяев, тычутся мордами в ворота их усадеб. А последнее, что делали казаки, когда уходили, – вспарывали матрасы, чтобы хоть чем-то накормить лошадей... (XII, 9)

(2004)

Есть чудная книга – «История Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества Полка». В ней – масса иллюстраций. Одна

из них замечательная, такая современная иностранная карикатура, когда мчится кавалергард какой-то, француз, наверное; причем он с пистолетом, он вооружен, он на прекрасном коне, а навстречу ему казак с пикой, на каком-то коне безумном, который вообще неуправляем. За спиной его лук. Борода. Что-то непотребное.

Это очень показательное отношение вообще, так сказать, как к русскому казачеству, да и к русскому войску до момента, пока это войско и это казачество не доказывают совершенно обратное. Причем на деле, не в пропаганде карикатуры, а на деле.

Был замечательный случай, когда казаки переправлялись через реку во время первой Отечественной войны 1812 года. Они переправлялись через реку и сняли с себя мундиры, потому что ну как можно в мундирах переправляться (много в мокром мундире не навоюешь). Поэтому они переправлялись через реку, сняв с себя мундиры, и неожиданно попали навстречу подошедшему к этому берегу авангарду французских войск. И тогда эти казаки, мгновенно, как были, в чем мать родила, вскочили в свои седла, успев только кто шашку выхватить, а кто просто палку. И эти голые люди армадой развернули хорошо вооруженных, готовых к бою, экипированных французов. Они гнали их, потому что приняли решение лихо, сразу. Нет вопроса – на коня и вперед.

И в этом было все казачество.

Или, скажем, знаменитая история, когда три императора

(русский, прусский и австрийский) вместе наблюдали за ходом боя, и французские войска почти захватили их в плен, то наши казаки (численностью в три раза меньше, чем французы) отчаянным броском отбили своих императоров.

Если бы этого не случилось, то вообще история могла бы повернуться в другую сторону, и вообще бог знает, чем бы это все закончилось.

Поэтому 17 октября (день битвы под Лейпцигом) стал полковым праздником лейб-казаков. (XV, 2)

(2004)

Бессудные расстрелы, грабежи, насилия, бесправие бросили казачество в пучину Гражданской войны.

Казаки какое-то время надеялись остаться вне этой свары, предполагая, что – будь здоров царь в Москве... а мы, казаки, здесь на Дону как-нибудь перекантуемся. Но не вышло. Потому что уж слишком казачество само по себе – была сила нутряная, сила коренная для России. Поэтому когда такой передел, такой катаклизм навалился на страну, такая сила, как казачество, не могла остаться в стороне.

Это привело к ужасающим кровопролитиям. При выселении терских станиц с такими знакомыми названиями, как Калиновская, Ермоловская, Михайловская, Романовская, они преименовывались в села. Революционные горцы истребили более тридцати пяти тысяч мирных жителей – стариков, женщин, детей, и произошло самое страшное.

Произошла катастрофа — казаки стали этническим меньшинством. Я думаю, что не нужно далеко ходить за примером, чтобы доказать, чем нам все это обернулось, причем сегодня...

До революции казачье войско насчитывало около шести миллионов человек. Только на Дону проживало около трех с половиной миллионов. Первая мировая война и в особенности Гражданская резчайшим образом сократили количество казачества. До шестидесяти процентов было сокращено казачество на Дону и до семидесяти пяти процентов в других регионах, в других войсках. В местах проживания уральского казачества казаков осталось в некоторых местах до десяти процентов. Но это еще не вся беда. Это было только начало. С 1920-х годов на страну обрушивается коллективизация. Начались расстрелы, изгнание, репрессии, и казачество действительно оказывается на пороге полного уничтожения...

Вообще большевики отличались удивительной способностью все фальсифицировать. Есть одна статья, в которой о казачестве они говорили буквально следующее: «что у него нет заслуг перед русским народом и государством»?! Это у тех, кто еще в долетописные времена охранял границы Руси, это те казаки, предки которых присоединяли к России сибирские земли. Это те казаки, которые во главе с атаманом Трубецким приняли прямое участие в избрании царя Михаила Федоровича Романова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.